

84(2Рос=Манс)
К Ш 51

Ю В А Н

**ДИВНОЕ
ЧУДО**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

БЕРЕЗОВО

СОСЬВА

ИГРИМ

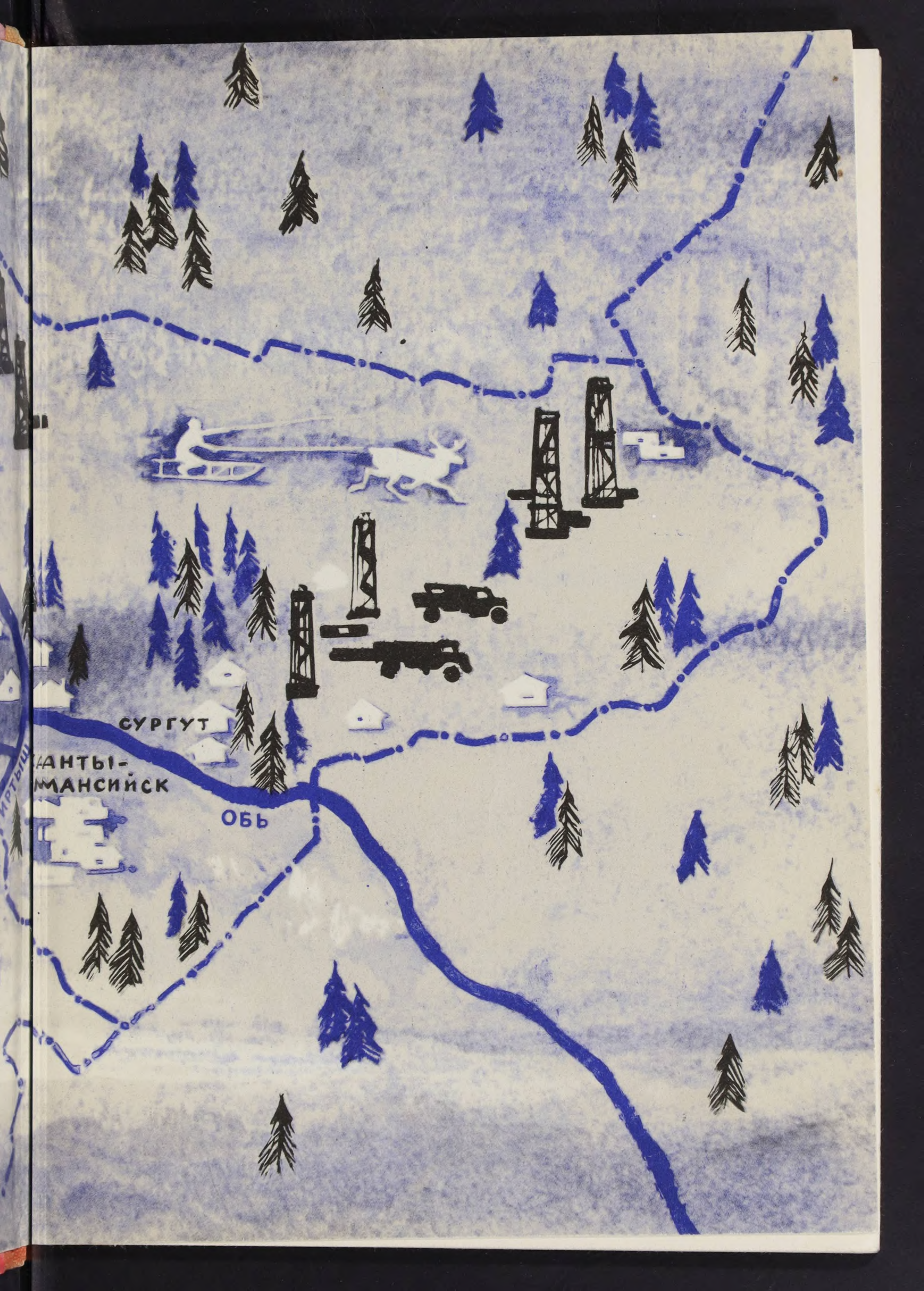
ОБО

М

КОНДА

ИРТЫШ

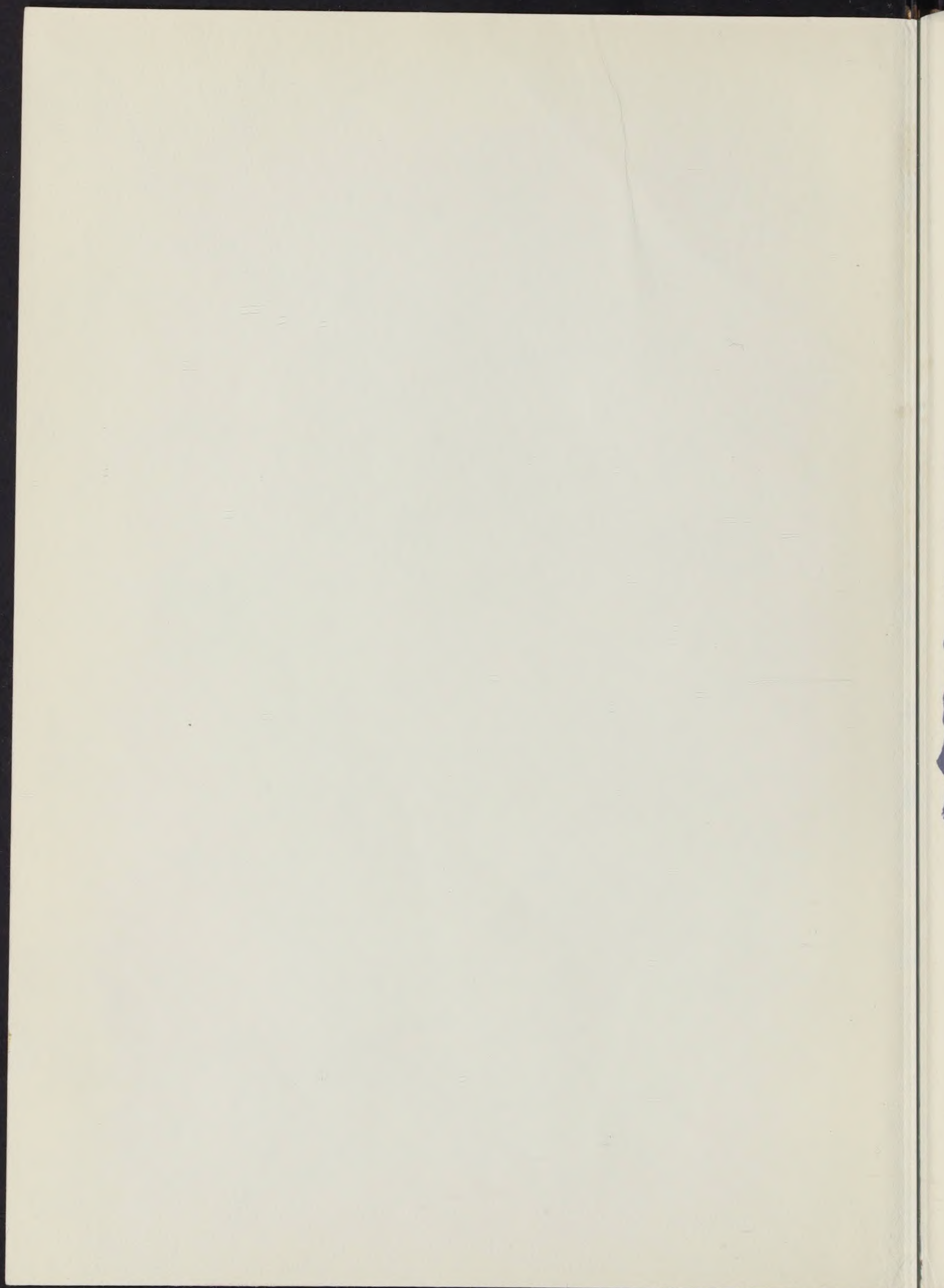
КАНТ
МАН

СУРГУТ

АНТЫ-
МАНСИЙСК

ОБЬ

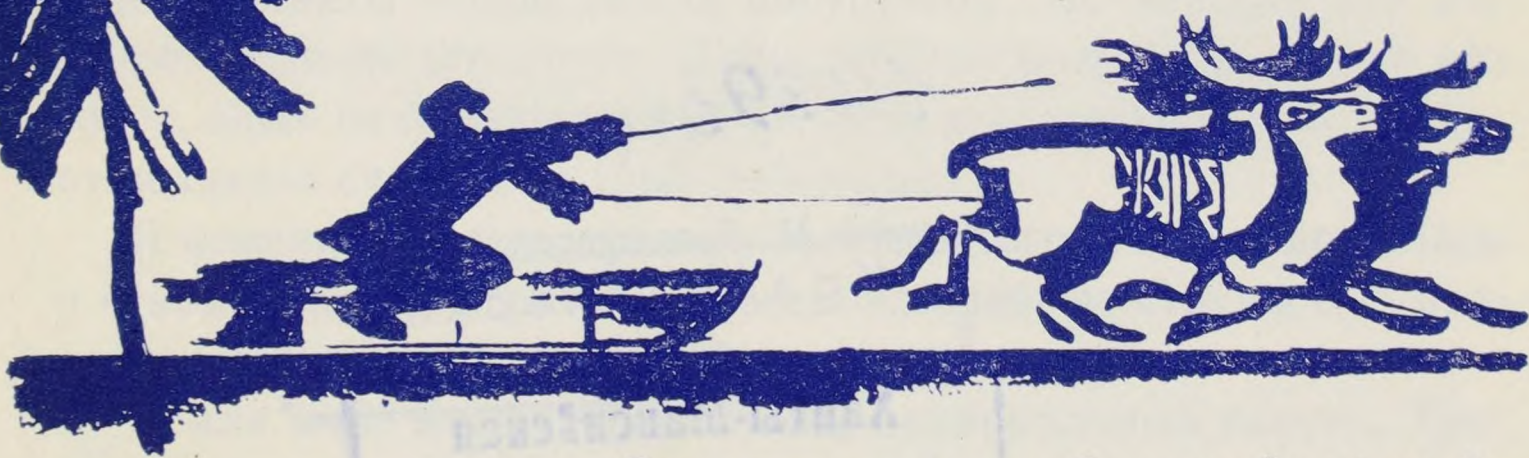

Ю В А Н
ДИВНОЕ
ЧУДО

Книга
о Ханты-Мансийском
национальном округе

С МАНСИ ПЕРЕВЕЛ АВТОР

Издательство "Детская литература"

МОСКВА • 1971

26.89(253.3-6X)

~~26.89(253)к~~

01 (С)

Ш 51

✓

«Дивное чудо» — так назвал древнерусский летописец XI века земли, лежащие за Уралом, в Западной Сибири.

О дивном чуде, о своей родине — Ханты-Мансийском национальном округе — рассказывает в этой книге первый мансийский поэт И. Шесталов.

Он родился в 1937 году. Учился в школе-интернате, затем закончил Ленинградский педагогический институт имени А. И. Герцена.

Поэт большого дарования, И. Шесталов — автор многих стихотворных сборников. В своей первой прозаической книге «Синий ветер каслания» (в 1966 году она вышла в издательстве «Детская литература» под названием «Ночь на снегу») автор рассказал о жизни своих современников-оленьеводов.

Новая книга И. Шесталова знакомит читателей с прошлым и настоящим двух народов: ханты и манси. Писатель использует большой фактический и документальный материал. В документальный рассказ вплетаются сказки. Они раскрывают своеобразный поэтический мир двух северных народов.

110393кР

Рисунки М. Лисогорского

Краеведческий

Фонд

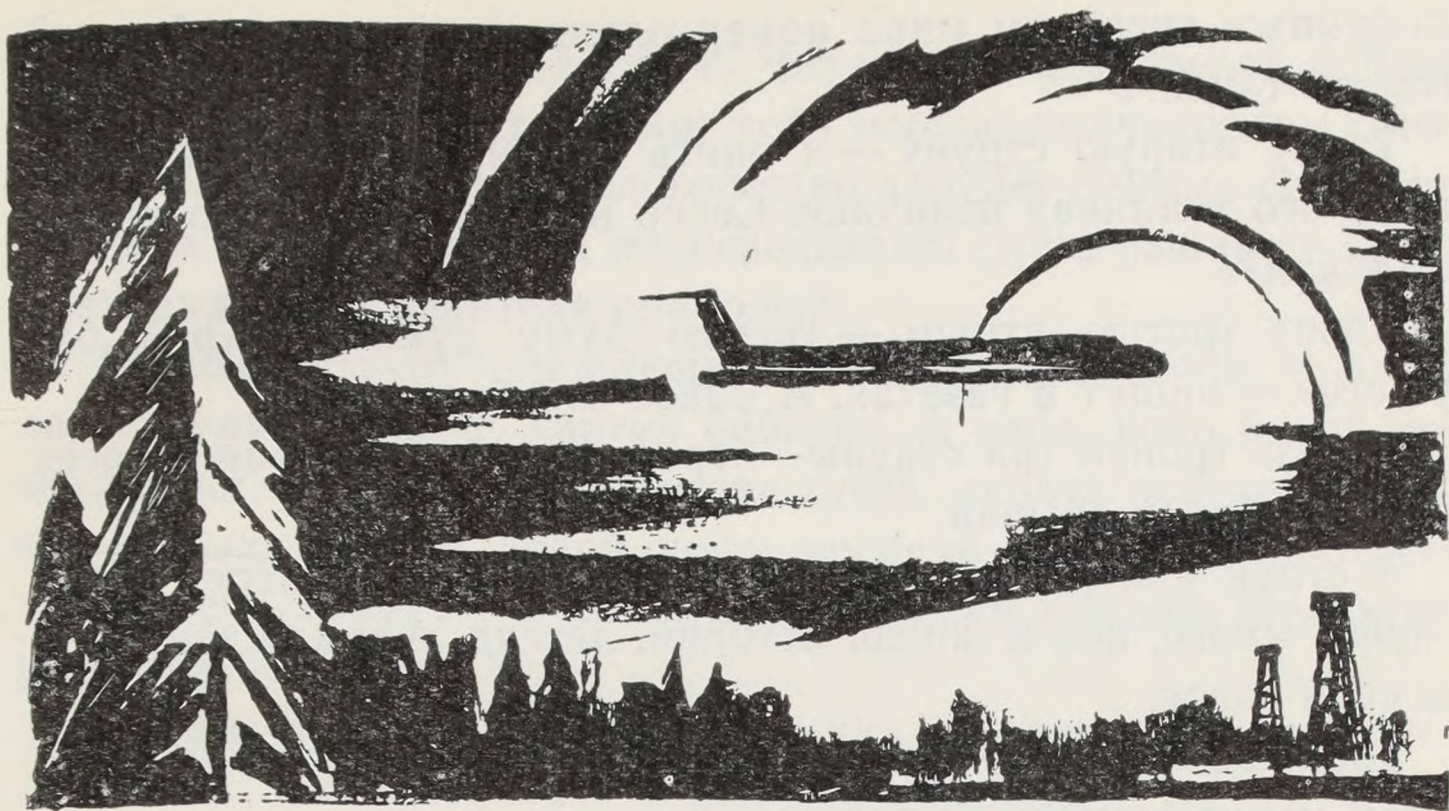
Ханты-Мансийская

окружная библиотека

~~Читальный зал~~

7-6-3

ед.

В моих руках лебедь. Не птицу держу я. В руках у меня многострунная мансийская арфа — тóрыг. Похожа она на лебедя с гордо выгнутой шеей.

Я трогаю струны и вслушиваюсь. Но сегодня меня волнует не ритмичная мелодия и древнюю мансийскую арфу беру не оттого, что просто захотелось попеть. Лебедь-арфа для мánси и хánты — священный инструмент. Не каждый мог дотрагиваться до его струн. Лишь по большим дням звенел его голос, лишь от большого горя стонали его струны-жилы¹, лишь от великого счастья мудрый лебедь пел.

Я осмелился взять его в руки. Не оттого, что он запылится и некому больше играть. Я трогаю волшебные струны и думаю о земле, на которой родился и рос.

Земля моя! Ханты-Мансийский национальный округ... Трогну первую струну волшебного лебедя — и задумаюсь: «Почему

¹ Струны для тóрыга сделаны из жил лося, оленя.

«нефтяным гигантом мира номер один» называют край наш? Что это такое?»

Трону вторую струну — и опять задумываюсь: «Кладовой «голубого топлива» величают Север наш. Почему? Что это за кладовая?»

Трону третью струну — третью думу думаю: «Край будущего» — пишут в газетах. А какое это будущее?»

А коль тронул три струны — играй на лебеде! Играй на всех струнах! Таков обычай.

А струн у арфы много — как чудес на моем Севере! Струн у арфы много, как в жизни историй, легенд. А у каждой струны свой голос.

Тронешь струну — и услышишь: «Дивное чудо нашли, о котором мы не слыхивали раньше!..»

Так воскликнул древнерусский летописец XI века, передавая рассказ новгородца, который побывал в «полунощных странах» — так называли нашу Сибирь.

Это первое известие русских летописей о Югорской земле — так тогда называли огромный край от Урала до Енисея.

Югра — древнее имя нашего Ханты-Мансийского Севера. Она казалась новгородцам сказочной, богатой страной, где происходят чудеса: «Вот старики наши ходили на Югру... Сами видели: в полунощных странах спадала туча, а в той туче спадала белка молодая, только что рожденная, выростала и расходилась по земле; и бывает другая туча: спадают в ней олени маленькие, вырастают и расходятся...»

И в страну, где белки идут дождем, а соболи скачут черной метелью, где горы золота и драгоценных камней, смелые землепроходцы искали неведомые тропы.

Тронешь струну — и звенит глухариная песня, шелестит зелеными иголками пятисотлетний кедр, трубит лось.

Тронешь струну — и скрипят лыжи из лосиного камуса¹, и поет белый-белый снег.

¹ К а м у с — шкура с ног лося, которой обшивают охотничьи лыжи.

Ты идешь по зимней тайге. Читаешь следы зверей и птиц на снегу — и вдруг встревожит тебя мысль: нынче людям снится космос. Но неужели человечество забудет земные сны? Неужели в наших потомках не шевельнется душа рыбака и охотника, знатока и ценителя природы?

Тронешь струну — и плещутся полноводные реки, и рыбы над струями пляшут, хватая бабочек. А небо, небо белой ночи, звенит от полета уток, гогота гусей, лепета лебедей... Живая музыка вечной белой ночи неужели вас не заморозит?

Тронешь струну — и задумываешься: «А как обо всем этом рассказать?»

Может, сказки помогут? Ведь в них глаза народа.

Может, песни помогут? В них душа народа.

А может, обыкновенная быль ярче самой причудливой сказки?

А точные факты и цифры?

Трогаю струну волшебного лебедя и решаю: «Сказка, пой о жизни! Цифры, говорите! Летопись, напоминай! Песня, лейся!»

СКАЗКА

Ж

ивут старуха со стариком. В домике своем живут. А домик на воде качается, на плоту плавает. В хрустальных струях тонет звездное небо. На зыбких волнах моря колышутся

Одноногий гриб и день кружится, и ночь кружится. (Ум)

и жаркое солнце, и ледяная луна. Кругом вода, вода, вода... Старик со старухой начали было глохнуть от безумолчного плеска волн. Но вдруг до их ушей долетели неведомые звуки. Выглянул старик, видит — летит железная гагара.

Семь кругов покружилась — опустилась на волны. Поплывала, поглядела вокруг и нырнула в воду. Долго ли, коротко ли была под водой, вынырнула. В клюве у нее ничего нету. Второй раз исчезла под волнами — вынырнула: в клюве у нее лишь тяжелый вздох. И только на третий раз принесла она в клюве крохотный кусочек земли. Бросила его на плот и, расправив железные крылья, снова заскользила по воде. Семь раз повторила над домиком вечный путь солнца и растаяла в лазури неба.

На третий день любопытный старик выглянул за дверь и заметил — кусочек земли растет. На седьмой день опять глянул — земля уже намного выросла. Он захлопнул дверь и, удивленный, стал рассказывать старухе сказку о чуде — рождении земли. Долго, видно, рассказывал. Потому что, когда вышли старик со старухой из домика, моря уже не было.

— Куда оно делось? — спрашивали древние.

— Наверно, под землю ушло...

— Не это ли море нашли у нас новые люди — геологи? — поговаривают старики в наше время.

КТО НАШЕЛ ПОДЗЕМНОЕ МОРЕ?

Кто нашел подземное море? Кто открыл нефть и газ?

— Экспедиция нашла. Геологи. Быстрицкий... Хороший был мужик. Я ему даю лошадь, а он мне — бензин, — говорит напевно еще не совсем старый человек, отвертывая ключом замасленную гайку мотора длинной лодки — сáранхапа.

В курчавых, коротко остриженных волосах ниточками инея белеет седина. На бледном обветренном лице морщины. Но из-под тяжелых век озорно светятся голубые глаза. Они внимательно, испытующе смотрят то на меня, то на моего спутника: отчего это его спрашивают о всем известных вещах?

Не знает он еще, что мой спутник, как и вы, мой читатель, впервые на Севере. Не ведает еще он, что я буду писать книгу. И к нему вместе с моим спутником не раз я обращусь, чтобы понять настоящее, а главное — прошлое нашего Севера.

— Все теперь об этом знают, — продолжает он. — Много говорят о новых людях — геологах, нефтяниках. А было время — не шумели о них по радио, не слагали сказаний и песен. Сейчас они большими людьми стали. Все их знают. Быстрицкий, говорят, лауреат, премию Ленина получил. А ведь в одно время работали. В одном районе. Я в колхозе — председателем. А он землю буравил — клад искал!..

И старый Сólвал рассказывает, как охотник о своей удачной охоте, о встречах с Александром Григорьевичем Быстрицким — начальником партии глубокого бурения, которая открыла первый газ Сибири.

Произошло это в 1953 году в таежном селе Берёзово. С это-

го и началась новая история нашего края. Газовая, нефтяная история.

О Березове я еще расскажу. А сейчас послушаем Солвала. Его знают манси. А их ведь немало — шесть тысяч манси живет на великой земле!

Имя Солвала слышали и ханты. А их ведь немало: двадцать тысяч ханты живет на великой земле.

Из двухсотсемидесяти тысяч человек, проживающих на территории Ханты-Мансийского округа, кто-нибудь да слышал о славе председателя северного колхоза.

А это разве мало?

Поработал на славу, а теперь пусть расскажет.

— Быстрицкий, как мы, северяне, невысок ростом. Плотный мужик. Но проворный, что рыба. Большую машину — лестницу привез. Около Березова поставил. Это место как раз оказалось удачным. Газ вырвался, загремел, заплясал. На много верст кругом слышен был его рев.

Быстрицкий счастливый ходил: голубой огонь нашел. А могло быть и не так, и до сих пор наш край тихим мог быть. Люди говорили: «Не колдун ли он, не шаман ли? Как он поставил буровую туда, где голубой огонь? Ведь потом, говорят, совсем рядышком пробурили так же, а газа не нашли». А Быстрицкий, счастливый, отвечал: «Пусть что хотят языки твердят, а газ-то есть, а нефть-то есть, а бензин-то есть!» Вот какой он!.. Хороший мужик!.. Да вот как он нашел этот огонь, много народу стало, а рыбы меньше стало. Сваришь ее — иногда пахнет, как машина... Хороший мужик Быстрицкий!.. И зачем он это сделал?

— А на каком горючем вы ездите? — спрашивает мой слуг, удивленный поворотом рассказа.

— Бензин зажигаю. Мотор. Быстро саранхап бежит!

— Так этот бензин из нефти, которую в округе добывают.

— Понимаю!..— холодно откликается Солвал, всем своим видом показывая, что далеко не только это понимает. — Нефть — золото! И рыба — золото! Без мотора плохо, и без рыбы плохо!

— А как быть?

— Бензин в воду льют, нефть льют, солярку льют. Рыба задыхается, плачет... Как быть? Человеком надо быть! Хозяином на земле себя надо чувствовать, а не гостем!..

Речка, в которой плескалось босоное детство, разве можно ее забыть? Деревья, которые шептали колыбельные песни, разве можно их забыть? Дом, единственный в мире дом, потолок которого «двигался», разве может сын забыть?

Потолок этот сначала кажется высоким-высоким. Недостигаемым кажется. День проходит, год проходит — видишь: ближе стал. Двигается к тебе высокий потолок. Растешь. День проходит, год проходит — ты уже коснулся потолка. День проходит, год проходит — тебе уже тесно под ним. Такой потолок лишь в родном доме бывает. Лишь в отчем краю высокие потолки снятся!..

Но разве человек создан, чтобы сидеть только в своем гнезде? Пусть он и ездит, и в других краях свой потолок ищет!.. Сам был таким. Знаю! Настало время — стало тесно и мне в родительском доме. Позвала меня жизнь — и я пошел пытаться силу. Трудной дорогой пошел, своей дорогой.

В каждом новом месте потолок казался высоким. Дотягивался до него, рос. Много бессонных ночей мне стоило это, много силушки. Но вырастал я, и этот дом становился для меня родным. Вырастал я, и снова меня тянуло в дорогу. Не сам бежал — жизнь звала.

Хозяином будешь — любой край полюбишь, родным домом назовешь!

А край наш богатый. Ой, какой бога-а-тый! Все, что хочешь, все есть у нас!

Нефть надо — нефть есть. Газ надо — газ есть. Хрусталь

надо — хрусталь есть. Земля наша — погреб с драгоценными камнями, золотой маслянистой жидкостью, голубым воздухом.

Все, что хочешь, все есть у нас!

Соболя надо — соболь есть. Медведя надо — медведь есть. Ведь тайга наша еще нехоженная, глухая. Грибы надо — грибы есть. Орехи надо — шишки есть. Тайга наша кедровая да сосновая. Какую ягоду хочешь, такую и выбирай. Красными глазами брусники, голубыми глазами голубики, золотистыми глазами сладковатой морошки взглянет на тебя земля и скажет: человек, будь человеком! Собери сочные ягодки мои. Не дай им высохнуть! Ягоды — вот наши фрукты.

Осетра надо — осетр есть. Нельму надо — нельма есть. Муксуна надо — муксун есть. Реки наши, как море, полноводные. Плещутся в них рыбы, играют.

Уток надо — утки есть. Гусей надо — гуси есть. Лебедей надо — лебеди есть. Темнеет небо весеннее не от туч, а от утиных стай. Гремит небо не от грома, а от гогота гусей. И белая ночь, может, оттого белая, что белые лебеди плывут и плывут над весенней тайгой.

Все есть у нас! Грешно такой край не любить! Дом надо строить, а не временку...

Потом Солвал решительно наклоняется к мотору, давая понять, что разговор окончен.

Трах-тах-тах-тах... — пропыхтел мотор и заглох.

— Ну что ж, поедешь со мной? — Он впервые обратился ко мне по-мансийски. — Или еще дела?

Потом полусшепотом, словно о сокровенной тайне:

— Скоро сосьвинская селедка пойдет!..

А его рыжий, как солнышко, сынишка, сидя на носу, уже отталкивает лодку от дебаркадера.

— Приезжайте к нам, в Вáнзетур. Рыбка еще е-есть!.. — молодежато, весело кричит он. — А подземное-то море нашли геологи!

ПОЧЕМУ ВОРОН СТАЛ ЧЕРНЫМ?

День идешь, ночь идешь, а конца не найдешь. (Земля)

У сказки разве есть конец? Нет у нее конца, как и у жизни, как у земли! У нее есть продолжение...

Был у старика белый ворон.

— Слушай, ворон, облети землю. Посмотри, какой величины стала она,— говорит старик птице.

Белый ворон полетел. Три дня его не было. Наконец возвратился. За три дня облетел всю землю. Вот какая ее величина!

Пожили немного, старик опять говорит:

— Ступай, ворон, посмотри землю.

Белый ворон полетел, вернулся через пять дней.

— Все эти дни я осматривал землю. Такой большой она стала! Вместе с солнцем кружится время. После темной ночи приходит веселый рассвет. После светлого дня наступает сумрачный вечер.

Однажды старик опять говорит своей белой птице:

— Ступай посмотри, какой величины стала теперь земля.

Ворон полетел. Долго ли летал, коротко ли летал, на седьмой день вернулся.

— Великой, видно, стала наша земля. За семь дней еле облетел ее,— говорит теперь уже почему-то черный ворон.

— Отчего ты стал таким черным? — удивляется старик.

— Я долго летал, сильно проголодался.

— Нет, ты в чем-то провинился.

— Да нет, просто сильно захотелось есть, потому и почернел.

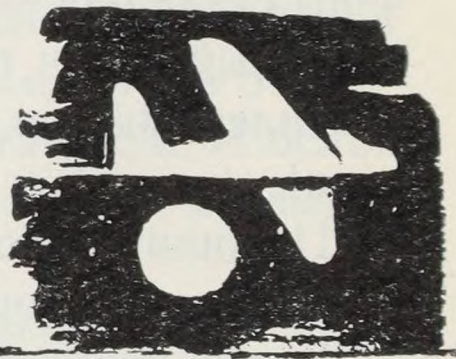
— Эх, врешь, ворон! Не проведешь меня, старика. На-сквозь вижу.

— И правда, сделал плохое, черное дело. Человек умер. Я склевал четыре кусочка. Потому и почернел,—признался ворон.

— Ступай, ворон, куда глаза глядят, такой друг мне не нужен. Отныне ты будешь питаться мертвечиной! Человеку — олень, а тебе — лишь кишки да мертвая кровь на снегу.

С тех пор человек не доверяется ни ворону, ни какой другой птице. Сам идет по земле, сам летит над землей и узнает ее тайны.

НА КРЫЛАТОЙ ЛОДКЕ

В родной округ я не приезжаю, а прилетаю. На крылатой лодке — самолете — прилетаю.

Мечта была у манси — смотреть землю. Не было у манси крыльев — просили белого ворона. Нечестным оказался он — почернел. Веками мечтали люди научиться летать.

И мечты сбываются. Самолеты над тайгой летают. По-мансийски их крылатой лодкой называют.

А в самолете и вправду нет ничего волшебного. Сидишь, как в лодке. Облака — волны. Небо — море. Качнется волна — и лодка качнется и дальше по небесной сини плывет.

Хорошая лодка! Хорошо лететь!

Час летишь, два летишь, три летишь...

Смотришь вниз, и кажется, что одна и та же панорама движется на сотни километров: серебряными чашечками блестят на солнце небольшие озера, окаймленные зелеными кольцами леса, мшистые болота с карликовыми сосенками и темно-зеленый ковер тайги — это возвышенности с высокоствольными лесами. И снова болота и озера, холмы и увалы...

И я рассказываю соседу-попутчику о нашем округе, сообщая факты.

Итак, факты.

Площадь Ханты-Мансийского округа равна 523,1 тысячи квадратных километров, почти равна территории Франции.

Лесами занято 44 процента площади. По запасам строевого леса округ превосходит в два с лишним раза такую лесную страну, как Финляндия.

Под болотами находится 44,3 процента, под реками и озерами — 6,6, и только 3 процента площади округа занимают сельскохозяйственные угодья.

Почти неуловимы очертания равнины. Высоты отдельных холмов и водоразделов не превышают 200 метров над уровнем моря. И только в западной, Приуральской полосе увалы достигают 250—300 метров (гора Черная, Люлимвор, высотой 301 метр).

На территории округа находится часть Северного и Приполярного Урала. Он состоит из нескольких параллельных кряжей. Ширина Урала колеблется в пределах 50—100 километров. На Приполярном Урале расположены самые высокие вершины всего Урала: Народная — 1894 метра, Карпинского — 1878 метров.

— А это что за море? — спрашивает меня сосед.

— Это Обь, — отвечаю я.

Он удивленно смотрит на меня, точно я смеюсь над ним. И снова наклоняется к иллюминатору...

А я опять привожу факты из географии.

Обь — великая сибирская река. 1200 километров протекает она в пределах Ханты-Мансийского национального округа. И течет она спокойно, со скоростью около одного метра в секунду. В половодье она разливается, как море. Пойма Оби шириной 30—40 километров, а порой достигающая и 60 километров, весной и летом долго бывает залита водой.

Особенно величественна картина слияния Иртыша с Обью. Там и глаза тонут в воде, и синее небо тонет в воде, и солнце, как рыба, попавшая в сеть, плещется в синей воде... Море — и только! Порой не видно даже берегов.

Наш «АН-24» словно не летит, а плывет по сини: на небе уже ни облачка.

— Удивительно, сколько солнца! — восклицает сосед. — Север и солнце. Как-то не вяжется. Внизу, наверно, холодно.

Сосед в шерстяном свитере, пиджаке. Видно, приготовился к встрече с суровым Севером.

— А там купаются? — вглядываясь вниз, спрашивает он.

— Да, — киваю я.

— В ледяной воде?!

...Самая северная точка Ханты-Мансийского округа лежит на $65^{\circ} 30'$ с. ш. (севернее Архангельска на 100 километров), южная — на 58 параллели (на 220 километров южнее Ленинграда). Относительно жаркое лето (до 35 градусов в июле) и сильные морозы зимой (абсолютная минимальная температура минус 59 градусов в Березове в 1893 году), поздние весенние и ранние осенние заморозки, быстрый переход от суровой зимы к лету — таковы характерные черты климата округа.

Средняя температура самого теплого месяца, июля, колеблется в пределах плюс 15,5—18,7 градуса, средняя температура января минус 23—20 градусов.

Обь и Иртыш, берущие начало далеко на юге, протекая под палящим степным солнцем, несут на Север много тепла

и повышают температуру воздушных масс в долинах рек. Теплая вода и 35 градусов тепла... Разве это недостаточно для купания?!

А сосед не отрывает взгляда от земли.

— А где же олени?

— Олени на Урале. К зиме спустятся с гор. Оленеводы каслают.

— Каслают? Что это такое? Шаманят?

— Нет, каслают — это значит кочуют.

...Олени, мои олени! Вы, как снежинки крылатые, летите. Но самолет — крылатый олень — быстрее вас мчится. Кони, мои кони! Вы, как искры крылатые, летите, и вас не догнать. Но самолет — крылатый конь — быстрее вас. Интересно: сколько нужно было лун, чтобы проехать край мой с юга на север? Ведь ни мало ни много, а с юга на север он протянулся на 820 километров. Интересно: сколько нужно было солнц, чтобы проехать край мой с запада на восток? Ни мало ни много, а с седого Урала до Енисея протянулся округ наш на 1300 километров. Много лун надо было. Много солнц нужно было. А сегодня за несколько часов можно долететь до Москвы, хотя от Ханты-Мансийска — центра национального округа — до Москвы 2759 километров. И порою бываем даже недовольны такой скоростью. Хочется быстрее.

А может, мы просто уже привыкли к росту темпа нашей жизни?

— Что быстрее быстрого? — спрашивает северная загадка.

— Самолет. А еще: ракета, космический корабль.

— Нет, нет! Что быстрее быстрого?

Отвечает северная отгадка:

— Быстрее быстрого — мысль!

Пусть быстрее быстрого будут наши добрые мысли!..

Летишь на крылатой лодке, любишь землю. И вдруг вздрагиваешь, сердце сжимается и, кажется, падает вниз. Там, над обрывом, стоит мой родной кедр. Наклонив трех-

сотлетнюю голову, в глубоком раздумье мой кедр стоит. Давно я под его могучей кроной не был, чаще над ним летаю. Давно не сшибал с его ветвей смолистых шишек, орехи не щелкал.

«Ко мне веками ходили за смолой душистой да за орехами сладкими,— слышу его голос шелестящий.— Теперь вокруг меня с топорами ходят, норовят вырубить».

«С молитвами ко мне ходили, песнями наслаждался я,— слышу голос его шелестящий.— Высоко летаешь, сын мой, далеко летаешь, сын мой, останови железную птицу, сын мой, походи вокруг, сын мой, помолчи под моими ветвями, сын мой».

А железная лодка несет меня дальше.

— Найду, найду время! — шепчу я кедру.

Найду, найду время и приду к тебе, как в детстве.

Найду, найду я время, похожу вокруг тебя без топора острого, но со своими словами.

Найду, найду я время, посижу под твоей могучей кроной, но не с молитвой древней, а с глубокой думой.

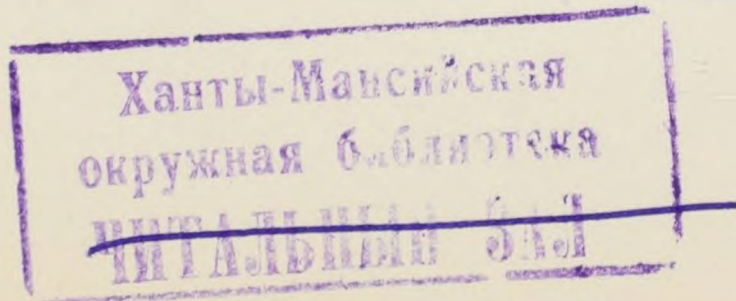
110393
Пощелкаю орехи и скорлупки не разбросаю. В память о тебе уроню случайно орешек. И шепну: «Расти, мой сын, расти!..»

Летишь на крылатой лодке, любишься землей. И вдруг сердце сжимается в комочек и, кажется, падает вниз. Там каждая протока шепчет сказки, навевает сны детства. В этом озере ловил сетями сырка¹. А на том плесе убил первую утку.

«Пóри-пóсал» зовут эту протоку манси. А в переводе — «вспять текущая река». Странная река! То течет в одну сторону, то в другую. Когда на Оби большая вода, она течет к Сосьве; когда в Сосьве большая вода, течет обратно, в Обь. Может быть, такие реки еще есть в мире, но для меня она единственная: на ее берегах родился. А у этой излучины, в зеленовато-голубом бору, похоронена мать.

¹ Сыр ó к — рыба сиговой породы.

аб.

А на том мысу, с высоким белеющим обрывом, деревня Ванзетур. Там живет мой отец. Эх, знали бы вы, какой там пологий песчаный берег и какая теплая вода!

Сосед смотрит на меня. О чем он думает?

— А где Пунга?¹

— Это там, в тайге, за Игримом². Недалеко...

Он вглядывается в горизонт, где синь неба сливается с дымными глазами озер, с осетровой спиной тайги.

— Недалеко! Я уже знаю ваше сибирское «недалеко»: час лети, два лети, семь лети!.. И все вам знакомые места, все родные...

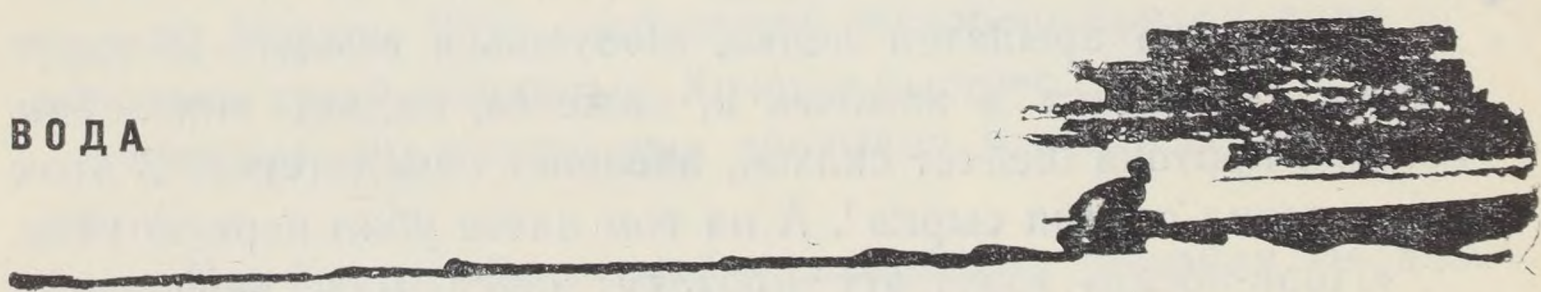
И снова его лицо у иллюминатора.

Со всех концов света к нам едут. Города, газопроводы, железные дороги ждут строителей.

Крылатая лодка летит. Высоко, далеко летит.

Мечта была у манси: смотреть землю. Не было у манси крыльев — просили белого ворона. Чудо-время настало — люди стали крылатыми.

ВОДА

Вода... Сверкающая на солнце весенняя вода. Не помню, с каким ревом ломался лед, каким в тот год был ледоход. Помню, как отец мой в первый раз толкнул с берега лодку и окропил мою голову еще ледяной, но уже открытой небу водой.

¹ П у н г а — название поселка.

² И г р и м — название рабочего поселка.

А вода струилась и искрилась, ходила кругами и журчала. И я словно услышал песню. Звонкую и нежную песню. А глаза мои увидели на ровной глади воды радужные ромбики, квадратики, причудливые узоры, похожие на орнамент, что на меховой шубе моей мамы.

— А что в воде? — может быть, спросил я отца, сидевшего на корме саранхапа.

— Сейчас ты увидишь, какую щуку мы поймали.

И правда. Мы подъехали к запору. Запор — это перегородка из кольев в узенькой речке. Отец вытащил из воды большую гимгу¹. В ней плескались рыбы. И среди прочей мелочи была там одна большая щука. Борода у нее зеленая — видно, старая эта щука. А глаза у нее круглые, водянистые. И смотрят они холодно. Морозно становится. И рот у нее большой. Она его открывает и закрывает, словно в воздухе что-то хватает. И зубы длинные, острые, готовые прокусить не только меня, но и весь мир. А живот у щуки тоже не маленький. Проглатывает, говорят, своих сородичей, таких же, как она, щук.

«Неужели это возможно? — может быть, задумывался я. — Неужели можно убивать и съесть тех, с кем только что плавал и играл?»

— А бывают еще и рогатые щуки, — говорит мне мама. — В сказках такие щуки бывают.

Хотя и рот у щуки большой, и зубы острые, хотя рогатыми бывают сказочные щуки, но я их не боюсь — со мною рядом папа и мама.

И я самый сильный!

И опять наша лодка летит. От прикосновения маминых цветных весел вода стреляет. Звонко стреляет.

— А что под водой? — спросил я, наверное, ее. — Почему она такая звонкая?

¹ Г и м г а — ловушка, сплетенная из прутьев и корней.

— В воде тоже жизнь. Под ней хрустальные дома стоят. В тех хрустальных домах водяные люди живут.

Теперь-то я знаю, почему манси и ханты по берегам рек селились. Вода — рыба. Вода — дорога. Вода — жизнь. Плынешь по полноводной Оби, где порой берегов не видно, — через двадцать—тридцать километров если не увидишь хантскую деревню с конусообразными дровяниками, то обязательно побываешь в берестяном шалаше рыбака.

Поплывешь по темноводной Сосьве, притоку Оби, — через двадцать — тридцать километров на золотистом песке дремлют лодки, а над песчаным обрывом дома манси приветливо кивнут вам веселыми дымками, приглашая в гости. У Оби много притоков: Вах, Трómьеган, Пим, Ля́мин, Назы́м, Казы́м. Не маленькие эти реки. До тысячи километров, а некоторые и больше. На берегах всех рек — жизнь. Живут там ханты: рыбаки и охотники, оленеводы. Самый длинный приток Оби — Иртыш. На его берегах когда-то тоже жили ханты и манси. По притоку Иртыша — по большой таежной реке Кондэ манси и ныне живут. И не только рыбу ловят, кедровые орехи и ягоды собирают, но и славными лесорубами стали, и нефть свою, шаимскую, добывать учатся.

Когда дерево становится деревом, а человек человеком? (Когда дерево плодоносит, а человек видит.)

Ворон улетел. А старик со старухой остались. Скучно одним. Хотя глаза у них и старые, но тоже хотят любоваться миром. Какое существо не хочет пользоваться своим волшебным даром видеть?!

Смотрит старик: возле дома выросло дерево. Смолистое, с зелеными иголками. Вырвал его он с корнями и стал стругать острым каменным ножом. Соскользнуло лезвие с коры — и по руке. Побежала алая струйка крови.

— Зачем режешь живое дерево?! — ворчит старуха. — Это грех! Большой грех! Потому и порезал руку. Протяни ее сюда.

Прильнула ртом к ране. Высосав кровь, сказала:

— С ножом надо быть осторожнее. А дерево посади на место. Пусть растет и приносит жирные орехи! Появятся на земле люди — благодарить будут.

— А как мы его назовем?

— Кедром.

На другое утро проснулся старик — старухи нет. Пошел искать. Видит: около дома маленький берестяной чум стоит. В чуме огонь горит и слышится детский плач.

— Что это такое? Откуда все это? — удивляется старик.

Заглянул в чум, а там старуха. Укладывает краснощекого малыша в берестяную люльку.

— Ступай домой. Не твое дело! — молвила жена.

Через семь дней она пришла домой.

— Даже у каждого дерева есть свое имя. Каким именем назовем нашего сына?.. Никто, кроме ворона, еще не видел нашу землю. А землю, на которой живешь, надо знать! — размышляет старуха.— Назовем его Мíрсуснэхумом, Всевидящим назовем. Пусть идет и просматривает мир насквозь.

— Ладно, пусть будет Мирсуснэхумом,— соглашается старик.— Но пусть он не только смотрит, но и думает о виденном!

ИСТОРИЯ, НАПИСАННАЯ НА ДЕРЕВЕ

А что было на этой земле много веков назад? Неужели в тайге бродили одни медведи и не было охотников? Неужели по северным рекам плавали лишь рыбы и не скользили легкие лодки рыбаков? Неужели голубое северное небо звенело лишь от полета уток да хохота чаек и никогда не раздавался веселый человеческий смех? Почему я об этом задумался? Да потому, что иной раз пишут о Севере как о земле, «где не ступала еще нога человека».

На Севере много тысяч лет живет человек.

А как узнать историю Севера? Манси и ханты, как и другие малые народы, до Октябрьской революции не имели письменности. О важных событиях в жизни края не прочитаешь в летописях. И все же многое можно узнать. А зачатки письменности у манси и ханты были. Своеобразная эта пись-

менность. Не карандашом, а топором или ножом «писали». Не на бумаге, а на дереве или на камне.

Убьет охотник зверя — и на дереве об этом «напишет». Уложит, например, лося — на стволе, очищенном от коры, не фигуру его нарисует, а вытешет только одну ногу. Длинная нога. А копыто острое, раздвоенное. Даже на рисунке страшно. Художник знает силу и мощь этого «оружия». Медведь от удара этого копыта ревет, а волки падают, не успев оскалить зубы.

Любой охотник знает, как рассказать людям, что на этом месте убит олень. Он тоже нарисует ногу. Только она меньше лосиной. И копыто тупое, не страшное.

А что у росомахи самое примечательное? У нее узоры на спине. Охотник об этом и «напишет».

У каждого охотника есть своя тамга — печать, подпись, родовая или личная. Он ставит ее на стволе дерева. Если было несколько человек, сделает наверху зарубки, нижние зарубки говорят о количестве собак, которые были вместе с охотниками. Вся история на дереве записана. И дату можно определить по возрасту зарубок. Стоит лиственница у тропы и многие годы повествует об удаче охотников. Так можно прочитать, где человек добыл и других зверей, где было пиршество, а где людям пришлось умереть, не добравшись до ближайшего жилья.

На Урале, который по-хантыйски называют «Кев», то есть «камень», на скалах есть загадочные рисунки. Может, они тоже повествуют о каких-то важных событиях в жизни древних?

А у охотников и оленеводов на широком кожаном ремне, где на сияющей цепи висят костяные ножны с ножом, зубы убитых медведей, росомах, волков, трут и кремь, точило, обязательно подвешены и палочки с таинственными зарубками. Что это? Безделушки, подвешенные для красоты? Нет! Взглянет старый человек на чуть почерневшую от времени па-

лочку и скажет, какой сегодня день. Значит, эти палочки служат ему календарем. Взглянет на другую палочку и скажет, сколько было у хозяина оленей в прошлом году, сколько сейчас, сколько шкурок беличьих он сдал на приемный пункт, сколько муки получил. Есть у старого охотника и новые палочки со свежими зарубками. О новой жизни он в них «пишет», новым светлым дням в них он счет ведет. Много можно узнать по этому «деревянному письму». Но историю земли по ней разве узнаешь? А человек должен знать историю земли, на которой живет. И на помощь может прийти сама земля.

Есть на Оби выше Березова местечко Вежакоры. Ялпус — называют его еще по-мансийски. А в переводе на русский означает это «священный город». Нет здесь никакого города. Всего несколько домиков стоит на берегу Оби. Противоположный берег обрывистый. Издали кажется он могучим конем, по грудь стоящим в сияющей обской воде. Широка спина у того коня. Бок у него весь пятнистый. А грива густая, голубовато-зеленая. Высоко в небо он ее взметнул. Будто рвет поводья конь и летит в бой.

Об этом местечке много сказаний. Одно таинственнее другого. Все они повествуют о богатыре Ялпус-ойке, который одержал здесь над каким-то чужеземцем победу.

Все сказания начинаются так:

«В священном городе, стоящем на берегу, который так похож на мчащегося коня с могучей гривой, с боками, похожими на осенний лес...»

Нет там никакого города. Над обрывистым берегом высятся могучие кедры. Может быть, им не одна сотня лет. Были они, наверно, свидетелями битвы.

Сказания повествуют, что манси и ханты здесь победили. Но крови пролито было так много, что люди на этом месте постелили «берестяной ковер». «А разве ковер бывает берестяным?» — спросите вы.

Из бересты на Севере многое делают. Туески с цветными

узорами, в которых ягоды носят; шкатулки, где хранятся женские украшения; ведерки для воды; и даже жильё — чум — из бересты строили.

Сшили древние огромный ковер из бересты весенней березы и постелили на том месте, где был бой и одержана победа. Назвали это место священным.

Через каждые семь лет устраивали здесь празднества. Со всех концов манси и ханты съезжались сюда на оленях, на лошадях с бубенцами, колокольчиками. Возле священной избушки — кумирни, что стоит на одной ножке, они приносили в жертву оленей, жеребят. Ели вареное мясо и вспоминали предков, сабли которых хранились в этой избушке. Там и шкурки соболей, лисиц висят и маски — белые бороды семи великанов хранятся. Этих великанов зовут учи. Они злые, как людоеды.

Когда соберется весь народ, семь человек надевают эти маски и с криками, со стуками сабель с первыми сумерками идут в дом, где собрались люди. Начинается единоборство между великанами и богатырями. Семь дней, семь ночей продолжается пляска. В этой пляске оживают события минувших дней. А в них горе и радость человека, победы и поражения. Семь дней и ночей славят люди своих древних предков, своих героев.

Много веков, видно, прошло с тех пор, когда произошёл этот бой: над берестяным ковром вырос большой слой земли. Край берестяного ковра можно увидеть. Летом на песчаном обрыве слой бересты хорошо виден.

С кем был бой? Может, это были воины хана Кучума? Они ходили на Север и требовали ясак. Шкурки соболей, лисиц, белок требовали. Грабили, убивали...

А может быть, были другие?

Для защиты от врагов у древних имелись сабли, шлемы, копья, даже кольчуги.

Югра торговала с монголами, татарами, булгарами, коми,

русскими. В обмен на меха югорцы получали чугунные и медные котлы, сукна, шелк, ножи, топоры и панцири. А ковать железо, изготавливать наконечники стрел сами умели.

Возглавлял воинов Отыр — богатырь. Он был старейшиной, вождем рода или племени. В древней Югре был родовой строй. Земля, пастбища, рыболовные и охотничьи угодья находились в общинном владении. Но постепенно род распадался на семьи. Возникали соседские общины, коллективно владевшие промысловыми угодьями. Стала появляться родовая знать. В их хозяйстве применялся труд захваченных в плен мужчин и женщин из других родов и племен, а также разорившихся общинников. Богатства знати росли за счет захвата оленьих стад у других племен.

Вожди и военачальники жили в укрепленных городках. Возникали племена. Они объединялись для борьбы с врагами в «племенные союзы», в старых русских документах получивших название «княжеств».

Наиболее крупными из таких мансийских «княжеств» были в XV—XVI веках Пелымское в бассейнах рек Пёлыма, Конды и нижнего течения Сосьвы; Ляпинское в бассейнах рек Северной Сосьвы и Сыгвы; Сосьвинское в бассейне Южной Сосьвы.

Из хантыйских «княжеств» особенно сильными слыли Кодское княжество на Оби, ниже устья Иртыша, Казымское по правому притоку Оби — Казыму, Обдорское на нижнем течении Оби, Белогорское на Иртыше.

Во главе их стояли отыры. Их называли еще «кáнась». Это значит «князь». Власть свою князь передавали по наследству. Мелкие «княжества» входили в состав более крупных, возглавлявшихся «большим князем».

Исторические документы рассказывают, что таким «большим князем» в XV веке были Мóлдан в Кодском княжестве, Асыка — в Пелымском, а в XVI веке Лúгуй — в Ляпинском. Их имена до сих пор живут в старых сказаниях. Но князь (князьцы) эти вовсе не были похожими на русских князей-

феодалов, так как у всех народов Крайнего Севера не было ни феодалов, ни феодализма.

Когда же Югра присоединилась к России и царю нужна была помощь, царь расширил права некоторых князьков, чтобы привлечь их на свою сторону.

Так, кодскому князю Алачеву в 1583 году была отдана под его начало огромная территория, на которой кодские князья могли судить своих сородичей «и ясак с них забирать на себя и поминки».

Кодские князья Алачевы, обдорские Тайшыны не раз бывали даже в Москве, у самого царя. Получали от него грамоты на ношение этого титула, гордились княжеской одеждой, дарованной царем, и другими подарками.

В ханты-мансийском обществе были зачатки патриархального рабства. Добывали рабов в результате войн с соседними племенами.

И, может быть, берестяной ковер, который лежит под глубоким слоем земли на высоком берегу Оби, повествует об одном из таких сражений?

Когда это было? Точно об этом могут сказать лишь археологи. Они читают землю, как книгу. И восстанавливают самые далекие страницы истории.

Много работал на Севере профессор В. Н. Чернецов. Он не только был археологом, но и составил первые учебные книги на мансийском языке. По раскопкам Чернецов установил, что человек на Обском Севере появился пятьдесят—сорок тысяч лет назад. Ученый обнаружил древние землянки. Это означает, что древние жители Севера были оседлыми. Они занимались гончарством и охотничьим промыслом. О многом могут рассказать вещи, найденные археологами.

Ученые утверждают, что в первых веках новой эры в Северо-Западной Сибири появились племена степных кочевников-скотоводов. Были это древние угры-сапыры. Продвигаясь на Север, древнеугорские племена смешивались с мест-

ным охотничье-рыболовецким населением. В результате возникла новая материальная культура. Памятники этой культуры обнаружены археологами при раскопках старых поселений в Приобье.

Основными занятиями их были рыболовство и охота. Скотоводство и земледелие занимали незначительную часть в экономике. Они знали бронзовое литье, умели хорошо обрабатывать камень и кость, делать глиняную посуду, использовали привозные железные изделия.

Угры приняли участие в формировании многих племен и народностей. Советские ученые предполагают, что основная масса их осела в Западной Сибири по Иртышу и Оби, сохранила свой язык и дала имя большой территории: Сибирь...

Возможно, с тех далеких времен и пошло теперь это всем известное и емкое слово: Сибирь!

Из двух ветвей сибирских угров позднее сформировались родственные народности — ханты и манси.

У каждой земли есть своя история, свои предания. Многие сведения о севере Сибири запечатлены в древних русских летописях, документах и сказаниях других народов.

Сибирью интересовались люди еще в античные времена. Сведения о ней встречаются в произведениях писателей и ученых Древней Греции и Рима.

В книгах Геродота, Плиния, Птолемея страну, которая находится за загадочными «Рипейскими горами», называли то «страной исседонов», то «землей иберборейских скифов». Сказывали, что у Рипейских гор дует ветер и никогда не сходит снег. Он мягким, лебяжьим пухом кружится и стелется по земле. Там много дней светит ослепительным светом солнце, а наступит ночь — много дней солнца не дождешься, лишь звезды сияют. А живут там счастливые люди. Они не знают рабства и раздоров. О «длинноволосых исседонах» пел еще в седьмом веке до нашей эры величайший лирик древности Алкман, бывший спартанский раб.

Русский историк XVIII века Василий Татищев, написавший книгу «История Российская», предполагает, что эту загадочную страну исседонов надо искать сразу за Уральскими горами в бассейнах рек Исети, Тобола, Иртыша, Оби.

«Исеть и исседоны... Нет ли сходства?» — задумывается один из современных зарубежных исследователей.

А что, если и нам с тобой, юный читатель, поразмыслить? Ведь завлекательно быть следопытом, не правда ли?

Река Исеть — приток Тобола. Тобол впадает в Иртыш. Иртыш — в Обь. Это реки одного обского бассейна. «Обь» — слово коми-зырянское. Манси и ханты свою великую реку-кормилицу называют Ас.

Ас, Исеть и исседоны... Не случайны ли эти совпадения? До революции хантов называли остяками. Остяк — это Ас-ёх. Обские люди значит. А это воспринимается еще как «древние люди». Потому что слово «йис» по-мансийски и по-хантыйски означает «древний», «древность».

Йис-ёх — древние люди. Ас-ёх — люди реки древних. До сих пор в быту старики поучают молодых «брать пример с йис-ёх» — с древних настоящих людей!

Исеть, Ас, йис, ас-ёх, йис-ёх и исседоны... Нет ли здесь сходства?

Кто такие исседоны? Быть может, это и были древние жители Сибири.

Великий путешественник XIII века Марко Поло рассказал европейцам о снежном царстве Кончи в стране Тьмы, где жили «белые люди, добытчики драгоценных мехов».

Кто такие «белые люди, добытчики драгоценных мехов»? Не предки ли ханты и манси? Ведь современные манси и ханты относятся к так называемой уральской расе, переходной от европейской к азиатской. До сих пор в одной и той же хантыйской или мансийской семье встречаются и белолицые и смуглолицые, голубоглазые и темноглазые, черноволосые и блондины.

Татары пришли в Западную Сибирь значительно позже угров. Пришли они с юго-востока, теснимые сначала гуннами, потом монголами, хлынувшими в XIII веке из Центральной Азии. У татар были уже феодалы-салтаны, мурзы. Трудовое татарское население — «черные люди» — платили знати и хану «дары», «ясак». Югру тоже называли «черными людьми».

И Древняя Русь интересовалась Севером. Не раз новгородцы ходили за Каменный пояс и приносили не только мех, но и вести о неведомой еще им чудо-земле:

«Теперь же я хочу рассказать, о чем слышал от Гюраты Роговича, новгородца, который поведал так: «Послал я отрока своего на Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И когда пришел отрок мой к ним, то от них пошел на землю югорскую. Югра — народ, говорящий непонятно, и живет в соседстве с самоедью¹ в северных странах...»

Это первое известие русских летописей о Югре.

И, наверно, как волшебника, слушали путешественника, увидевшего неведомые края: «Есть горы, упирающиеся в луку морскую, высотой, как до неба...»

Наш сравнительно невысокий Урал, заснеженные хребты которого протянулись до самого Ледовитого океана, древнему путешественнику показался высоким и загадочным:

«И в горах тех стоит крик великий, и говор, и кто-то сечет гору...»

Но сквозь это сказочное, фантастическое восприятие прорезывается и реальное: «И в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и делают знаки руками, прося железо; и если кто даст им нож ли, секиру ли, они в обмен дают меха...»

Это уже, конечно, охотники Севера. А не понял их древний новгородец потому, что они говорили на своем языке. А к железу северяне и до сих пор равнодушны: не все его умели

¹ Самойдь (самоеды) — так раньше называли ненцев.

ковать. Нож и сегодня лучший подарок для охотника! И он в долгу не останется: за острый нож щедро одарит гостя пушистым «золотом» — дорогими мехами.

«Путь же к тем горам непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходим до них никогда; этот путь идет и дальше на Север...»

Но как бы трудным ни был путь, загадочная Югра манила смелых землепроходцев. Она им казалась сказочной страной.

С незапамятных времен тянулись люди в этот край: одних гнала нужда, других — мечта о свободе, о земле вольной, третьих — жажда нажиться на мехах, цену которым северяне не знали. И новгородцы не раз предпринимали походы на Югру. Югра им казалась «воинственной и сильной».

Позднее, с образованием Московского государства, русские чаще стали заглядывать за Каменный пояс, за Урал.

В 1483 году Иван III организует большой поход на Югру. Московская рать спустилась с Уральских гор и на таежной реке Пелым встретила сопротивление. Оказывается, и у таежных жителей было свое войско. В меховых малицах, вооруженные луками и стрелами, эти воины отчаянно сражались, защищая свою землю.

Заскользили струги русичей по пенистым волнам Пелыма и Тавды. И увидели они мир тихий и безбрежный. И удивились дикости и богатству края. Стройные сосны и могучие кедры подступали прямо к берегу, темными лапами охраняя бобров-работяг от недоброго взгляда. Чудные терема можно построить из этого стройного леса!

«Не с мечом, а с топором строителя надо прийти сюда! — воскликнет удивленный русич.— А бобры! Шуба теплая, золотой мех!.. А стерлядь и нельма на Иртыше, муксун и осетр на Оби — рыбаком надо прийти сюда! И моряком — чем не море Обь!»

Но царь хотел увидеть югричей своими глазами. И по-

слушные воины исполнили это желание: увели в плен югорских князей. И увидел царь совсем не чудовищ, как говорилось в распространенных в то время «сказаниях»: «Рты у них меж плечами, а очи на груди», а обыкновенных людей. И рот у них был на лице, а не меж плечами, и глаза сияли на том же месте, как у всех, и даже были у них свои имена: Юшман, Қалпак, Пыткей, Молдан...

Таких имен сейчас у манси и ханты нет. Попы-миссионеры постепенно крестили всех и давали христианские имена. Лишь по документам можно узнать, как древние угры называли друг друга.

И оказалось, что югра — это не один народ, а два разных, но говорящих на схожих языках. Русские уже отличали вогулов от остяков, как уже называли югорцев.

Вогулы-манси были светлее волосами, много было голубоглазых, и жили по обе стороны Камня-Урала по берегам Чусовой, Тагилу, Вишере, Пелыму, Конде, Сосьве, Тавде, Туре...

Остяки-ханты же темнее, хотя и среди них встречалось немало белых. Жили они по берегам Оби и Иртыша и дальше вплоть до Енисея...

А в то далекое время бывало так.

Летит стрела. Летит из чума к чуму, из стойбища к стойбищу, из городища к городищу.

Выходят югорцы из своих теплых гнезд и рассматривают стрелу. Стрела трехгранная. Стрела боевой тревоги. Опять надо браться за рогатины и натягивать боевые луки? Покачивают головами югорцы. Устали воевать. А рыба в реке резвится — некому ее ловить, а зверь в лесу гуляет — некому идти по его хитрому следу. Зачем тогда в войну играть?

А стрела боевой тревоги! Все должны встать и идти. И богатыри в кольчуге, и простые жители земли — рыбаки и охотники. Все должны идти на святое место.

Там, на Оби, на холме высоком среди лиственниц и кедров в юрте маленькой из бревен стоит идол золотого лебедя. Ог-

ненная птица. Вещая птица. Она умеет предсказывать будущее. И потому около нее люди держат совет. Каждую весну они собираются. И сегодня спешат сюда. Темной ночью с неба дальнего, как камень, сияя огненным светом, птица-лебедь золотая слетит в свое капище и будет говорить с шаманом, а шаман — с народом. Вместе думать будут боги, птицы, люди. Ведь у всех одно небо и одна любимая земля.

И вот плывут лодки. Их много-много. Чуть поменьше, чем комаров. У яра, где сидит птица-бог, лодки останавливаются. И тихо-тихо несут драгоценные дары — белых коней и оленей в жертву. Их встречает шаман — великий, старый, мудрый предсказатель. Он смиренно принимает дары и для каждого из многих находит свое слово ласки, слово вещего знания дней грядущих, дней прошедших, что он ясно видел взором в царстве духов легкокрылых.

И вот ночь настала. От костров даже Ас, великая Обь, сияла. И, как бабочки, замелькали человеческие тени. Бубны громкие отбивали дробь, и тихо-тихо, непонятно начал с птицей разговор, совет, беседу мудрый старец, духов друг. А югорцы робко ему внимали.

И птица мудрая в темном капище среди серебра и шелка голосом шамана-кудесника слова такие говорила:

«Горе! Горе! Правда, горе! Зимой — мороз, в тайге вас караулят звери. У вас врагов лютых много. Они требуют ясак, к вам приходят с ножами острыми. Черные арканы юркие, змеиные кидают на шеи девушек югорских и их увозят. Смиритесь, ханты, смиритесь, манси! Может, голубоглазые русичи вам будут другом и защитой!»

Загремели барабаны, затрещали все сороки, на деревьях совы дикие и филины громко щелкали гортанью и кричали: «С кем тайгу делить мы будем? На измену нас зовет он».

Зашумели, как осины на ветру, воины, заспорили:

— Разве мы врагов не били? Иль топоры наши притупились, потеряли зрение стрелы? Разве мы не богатыри Югры?!

— Медведь не дерется с рысью, в бой не вступает.

— Зачем нам драться, в бой вступать?

— А как же честь свою мы защитим?

— Дружбой, словом!..

Люди спорят и гадают, на огонь глядят веселый невеселыми глазами.

— Пошамань-ка,— скажут люди,— узнай, что скажет огненная птица, наш золотой и вещий лебедь.

И шаман дрожащей рукой поднимает черный бубен и, прислушиваясь к ветру, нагревает над огнем бубен с лоснящейся кожей годовалого оленя. Кожа бубна затрещала, попрозрачнела над светом, крепче в ободке стянулась.

Раз! — ударил еле слышно. Два! — ударил. Зазвенели тихим звоном знак-тамга и клюв гагары.

Вещий старец запыхался от тяжелого гадания. Он глаза свои зажмурил, чтоб нутром яснее видеть, и в его дрожащей руке, как крыло, застыла колотушка. Вот он поднял ее, четыре раза бросил на четыре стороны света. Каждый раз народ покорно подавал ее шаману. Гром гремел над тайгой, тени робкие скользили — это духи вместе с шаманом о грядущем ворожили.

— Слышу, слышу! — крикнул старец. — Слышу голос вам не слышный. Вы не бойтесь! Ваши жены, как икряные нельмы, будут полны и плодливы... Лес платить ясак вам будет и пушниной, и мясом, реки с мутною водою рыб по берегу погонят в ваши хитрые ловушки, а тайга и тундра мерзлая столько выплодят оленей, сколько игл на старых кедрах. Вы не бойтесь злой старухи — красной оспы! Мой народ она не тронет. И настанет скоро время, когда кароды тайги и тундры будут век дружны, как братья. Вы послов в Москву пошлите. И слово дружбы с ней найдите!..

И, взмахнув золотыми крыльями, птица отделилась от сиденья, в ярком свете, словно пламя, понеслась над темным лесом.

Люди не стали больше спорить. Стали собирать послов в Москву.

В 1484 году вогульские князья Юшман, Калпак, остяцкий Пыткой дошли до самой Москвы, к великому князю Московскому, прося принять их в подданство. Иван III взял с них обязательство на верную службу и отпустил вместе с ними и пленного князя Молдана.

Завела Югра дружбу с Москвой.

ГОЛУБИКА, КОТОРАЯ БЫЛА ВЫШЕ МЕНЯ

Бабушка пришла ко мне из дремучей тайги. В первый раз запомнил ее в лесу. Была ли до этого она, не знаю. Наверно, была. Но я-то ее помню с того самого мгновения, когда черника стелилась по земле и я узнал ее сладковатый запах, и голубика голубела, выше моего рта голубела. Но я мог дотянуться и сорвать губами круглые и сочные ягоды. О, как это было чудно — брать ягоды губами! Собака Хулах бежала рядом. Она также собирала ягоды, как и я. Мы были с ней счастливы. А бабушка сердилась.

— Руками надо брать ягоды, а не ртом. Это лишь собакам можно: у них нет крылатых рук, — говорила она. — Потому они и собаки, что нет у них рук. Несчастные! Зачем им уподобляться! Счастье человека в том, что у него есть руки. Все ими можно сделать! Вот вырастешь большой, когда выше го-

лубики станешь, сможешь взобраться на вершину кедра и юркими руками срывать шишки кедровые будешь. А Хулах, твоя черная собака, этого сделать не сможет, у нее ведь только лапы...

Собака все равно была счастливой. Она бежала рядом со мной, юлила и весело взвизгивала. Она, может быть, не все понимала в этом мире. Но видела, наверно, не меньше меня и радовалась, наверно, не меньше меня. И этим таинственным лапам кедров, в которых качаются тяжелые шишки, и этим красноголовым грибам, которые наклонили к земле шляпки, и этим голубоглазым ягодам, которые дразнят нас тем, что их много и мы не в силах их съесть.

Вдруг собака залаяла. Мелькнуло что-то золотистое, и на качнувшейся ветке кедра я увидел зверька с пушистым хвостом и остренькими усиками. Это была белка. Настоящая белочка! Живыми, любопытными глазками глядела она на нас. И у нее, наверно, была о нас своя дума.

А вот прокричала ронжа, хозяйка кедра — кедровка.

— Созреют скоро шишки, и будет кедровка собирать орехи, зарывать их в землю будет, — говорит мне тихо бабушка. — Полезная эта ворчунья. Настанет зима, и забудет, где зарыла она свой клад. А в том месте на лето другое кедр новый будет расти. Вот какая полезная эта шумная птица! А хозяин тайги ходит где-то рядом. Вот его следы. Чтоб был он добрым к нам, положи на след его ягодки. И сердце его растает. И не тронет нас с тобой, — сказывает тихо бабушка и на следы медвежьих ягоды сочные кладет.

Я делаю то же самое. И не боюсь медведя, потому что святой завет предков, как и бабушка, выполняю.

Уплыло это сказочное время. Лишь в памяти детства туманится оно. И многое теперь кажется другим. И нет больше на земле голубики, которая была выше меня. Я ищу в тайге такую голубику. И не нахожу ее. Может быть, мой сын ее увидит? Но нет у него такой бабушки.

ДОРОГА

Сколько ни мотай клубок, а нитка не кончается. (Дорога)

Долго ли расти живому существу? Вырос Мирсуснэхум. Стал большой, как дерево.

— Наверно, ты хочешь землю глазами померить, — говорит ему мать. — Хочешь, так езжай. Кому-то надо нашу землю посмотреть, какая она стала.

И сел Мирсуснэхум на коня с пестрыми боками. А коня нашел на лужайке и сам его вымыл до блеска. И белое пятно, что было на лбу коня, засияло. Будто это серебряный месяц, будто это само золотое солнце.

Кланяется старуха сыну. И с вещими словами дает ему в дорогу шкурки мамонта, ястреба, щуки. А еще дала она обломок миски и сказала:

— Долго ли, коротко ли будешь ездить, вернешься домой — отдашь мне эти вещи. В беду попадешь — вспомни меня. Счастье будет — не забывай полученное от других.

ДУМА СТАРОГО МАНСИ

Ты говоришь мне: спой. Смогу ли теперь я петь? Голос мой стал скрипеть, как старый кедр! — глядя на обрывистый берег Сосьвы, вздыхает Солвал.

Словно он говорит не мне, а соснам и кедрам, которые корнями, как руками, держат берег мансийской реки, чтобы он не валился от слез плаксивых туч, от радостных ручьев тающего снега. Будто эти вековые деревья только и могут его понять.

Я буду слушать Солвала.

Его песня о жизни уведет нас к тому времени, о котором нам судить лишь по рассказам.

И с тобой, мой читатель, я буду беседовать. Не все в рассказе Солвала сразу будет тебе понятно. Да и он хорошо знает лишь то, что видел сам.

А край-то наш большой, а событий было много! Я и о них кое-что расскажу.

— Ты говоришь: рассказывай сказки. Неужели тебя интересуют сказки о каких-то чудовищах, сказочных людях, подземном царстве? И почему вы все, ученые люди, стараетесь записывать эти узористые слова древних небылиц? Нет у меня сказки, нет у меня песни. Есть дума о моей жизни, которую прожил я вот на этой реке. Хочешь — послушай.

Родился я в соленый год. Люди умирали, как рыбы в морозную зиму, когда лесные речки промерзают до дна. Не было, говорят, в тот год соли, не только мяса и орехов. Обыкновенную соль труднее золота было достать. Меня называли:

Солвал. Соленый человек, значит. И весь мой род стал носить это имя.

Почему назвали — не знаю. Может, в нашем роду была соль? Может, из-за того, что я выжил? В такой трудный год выжил!

А соленым оказался на самом деле: многим насолил я, — тянет Солвал, глядя в синюю даль Сосьвы.

* * *

Северная Сосьва. Левый приток Оби. Длина ее девятьсот пятьдесят километров. С восточных склонов Урала сбегает ее первые струи. Вода ее левых, «уральских» притоков будто хрустальная. Один из самых крупных ее притоков, Ляпин, по-мансийски называют Сакв. «Сакв» — это «бусинка». Сакв — река прозрачная, как бусинка. Даже видно, как плавают рыбы на дне. Зато правые притоки берут начало с болот. И хрустальная уральская вода окрашивается в темноватый цвет. Темновато-хрустальными струями струится наша Сосьва.

— Был я, наверно, не выше жеребенка, когда отец проиграл меня в карты, — продолжает Солвал. — И откуда у манси была такая болезнь? С голоду, что ли? Теперь никто в карты не играет. А тогда... Проиграл меня отец, и стал я батраком у одного богатого манси, рабом стал.

* * *

«Батрак», «раб»... Эти слова канули в прошлое. А ведь совсем недавно имели реальный смысл.

Ученый-этнограф И. С. Поляков написал книгу, которая вышла около девяноста лет назад.

Вот что там сказано: «В половине прошлого столетия в Березове существовала даже торговля остяками: маленького остяка или остячку можно было купить за какой-нибудь дву-гривенный».

— Того богатого манси, которому проиграли меня, за глаза называли Яныг-пуки-ойка. «Большой живот» значит. А в лицо — Сорни-нянь. «Золотой хлеб» значит. Этот Яныг-пуки оказался «добрым». Не бил меня, как других, а работать заставлял. С утренней и до вечерней звезды носился я, как собака в сезон охоты. Тянул невод со взрослыми, вычерпывал воду из лодок, солил и вялил рыбу.

Хорошо сейчас. По Сосьве бегают моторные лодки. Не скрипит усталое весло, не каменеют руки от тяжелой гребли. Теплоход возит людей... А тогда на гребях ходили, нашего хозяина возили. Хорошо еще, что была бечевая. Окаменеют руки — ноги выручают. По берегу бежишь, лямку тянешь — и лодка плывет против самого течения. Даже бородатые старики были быстроногими. Голод шевелит людей — и ноги быстрее оленей, и руки мастерами становятся. А всему хозяин — рот...

Не бил хозяин. А было больно. Не ногам больно, не усталым рукам, а сердцу. Как вспомнишь, до сих пор оно ежится, как рыба на снегу.

Лето гнул спину, зиму гнул спину. Давно кончился мой срок, пора бы в дом родной. Соскучился по братишкам и сестренкам. Но Яныг-пуки посматривал на меня, как охотник на лайку, от которой юрким белкам не унести свой пушистый мех. «Са́ка ёмас! Хорошо! — говорил он. — Будет из тебя добрый работник».

Глядел на меня Яныг-пуки как на удачливого охотника и не отпустил еще одну зиму. И по следу зверя ходил — хорошо это было! Со зверя шкуру снимал — хорошо это было! Золотистый мех ложился в священный хозяйский сундук — вот что плохо было!.. Но Яныг-пуки оказался не так уж жестоким. Он отпустил меня. Может, потому, что он наш дальний родственник. Спасибо Яныг-пуки, что отпустил меня, дал соли и немного муки!

А было это в году большого снега. Домá по крыши замело. Нелегко в такую пору ходить за зверем — снег зверю помогает, а не человеку. Нелегко и рыбу ловить. Пришел домой, а отец водкой забавляется. Купец приезжал в деревню. Соболей, белок забрал — водку привез, а хлеба не привез. Это сейчас в каждой деревне магазины — и хлеб, сахар, масло есть. А тогда сами ездили на ярмарку. Далекó, за многие сотни километров. Или купец приезжал, когда он «добрым» быть хотел. Сейчас я не об этом. Каждый школьник про то знает. А может, и не знает, а?..

Он испытующе взглянул мне в глаза, словно я и вправду не знаю азбучную истину.

— Может, и знаете, — начал опять Солвал. — Да бумажно знаете, из красивых книг ведаете. А сердцем надо бы! Вот я и стараюсь рассказывать. Рассказывать не сказки.

О, я совсем не против той древней мудрости, что притаилась в узористых сказаниях. Но в моей жизни было то, что не снилось даже в сказках.

Походив по моим запутанным следам, вы, возможно, что-нибудь поймете и в сегодняшнем дне.

Так слушай.

Не буду сказывать, как, вернувшись домой, я забрал в свои руки власть в семье и заставил всех работать. А подсмотрел все это у Яныг-пуки. Он умел шевелить людей. Я учился у него и мечтал стать таким же богатым...

Что ты удивляешься?! Не надо удивляться. Богатым стать мечтал. Обыкновенным богатым. Таким, как Яныг-пуки. А другой мечты у нас и не было. Колхозы, социализм — это потом появилось. Потом загорелись новым огнем, от которого было жарко и друзьям и врагам. А тогда... Что там говорить!

Видят люди: хозяйство наше в гору пошло. И лошадь появилась, и коровушка, и овцы, и одомашненные дикие гуси. А оленей не было. Не хотели ими заниматься в нашей деревне: хлопотно, в тундру надо ходить. А мы уже оседлые манси.

Кочевать разучились. По рыболовным да охотничьим угожьям лишь кочевали. Оленями те манси занимались, кто у самых Уральских гор живут или поблизости от хороших пастбищ. Так вот хозяйство стало расти. Братишки и сестренки проворны в работе. Вместо детских игр я им занятия придумывал. Ребят было не мало, как в любой мансийской семье. Только смерть иногда косила — врачей ведь, как сегодня, не было. Глядя на нас, и отец наш стал подтягиваться. Стыдно старому манси быть ребенком у своих детей.

И вижу: со мной стали разговаривать даже старики.

Стал на меня поглядывать и сам шаман. В гости приглашает. Убивают белую лошадь — это лучшая жертва духам, — он просит помочь. Я покрываю лошадь священным ковром с вышитыми изображениями богов, которым предназначалась эта жертва, и веду ее в южный угол шаманского дома, к месту божественного кровопития. С трепетом вслушиваюсь в таинственные слова молитв и заклинаний. И кажется мне, что живу я в волшебном мире. Иногда забываюсь. Причудливые видения вижу во сне. Духи со мной еще не хотят разговаривать. Но уже посматривают на меня, как бы проверяя: а достоин ли я их божественного откровения, смогу ли быть посредником между духами и обыкновенными людьми. А духи такие же, как люди. Только маленького роста. Чуть побольше белки и поменьше соболя. А одеты они, как древние богатыри, в собольих шапках, в кольчуге, с саблей стальной и с луком со стрелами. Теперь-то знаю, что у меня была какая-то нервная болезнь. А тогда... Трясет меня как в лихорадке. И люди думают, что в это время меня посещают духи. Если буду верным старому шаману, духи смогут мне открыть желание неба.

А шаман — это не простой человек. И не дурачок какой-то, как часто на сцене изображают. За семь озер его глаз должен видеть, за семь лет вперед его ум должен думать. Лечить он умел и погоду предсказывал. Но и коварный он был, как

зубастая рыба. Переступишь обычай — как щука, детей своих не пощадит, проглотит. Скользкий он был, как налим, голыми руками не поймашь. Говорил он, как пел. Как весенний тетерев токовал. Заслушаешься, забудешь себя и свое горе. И ты уже в его власти. И несешь ему не только свое добро, но и сердце. И я мог сделаться таким владыкой. Была у меня хорошая память. Много должен знать шаман — больше, чем сто манси, а может, и тысяча. Он должен на языке держать все заклинания и молитвы, героические песни предков и светлые плачи о сказочном прошлом. Плачет человек — шаман утешит. Зашумит человек, завертится, как вьюга, — шаман найдет слова, остановит взорвавшегося. Много должен знать шаман.

Учили меня старики, посвящали в священное таинство. Но посредником между небом и землей мне стать не суждено было. Пришла новая жизнь...

Слышим однажды: «Царя больше нет!»

«Революция!» — говорят.

Кто такой «Революция»? Как он мог победить самого царя?! Никто из манси и ханты не знает.

А царя знали. Царь любит ясак, соболя любит. По десять соболей с лука¹ надо было давать да еще на «государевы поминки» — на подарки царю еще мех нужен. Не забудь также попа, воеводу, старшину. А забудешь — высекут, и ясак увеличится.

Если соболя нет, лисицу давай, куницу, бобра, белку, горностая давай, царскую «соболиную казну» пополняй.

А коль ясак платить не будешь, кандалы железные тебе наденут. И будешь в них, пока сородичи твои не внесут в соболиную казну мех.

Такие кандалы есть теперь только в Ханты-Мансийском краеведческом музее. Поржавели они. Сам видел...

¹ С лука — с охотника.

Соболиная казна... В старину шкурки пушных зверей, преимущественно соболиные, исполняли роль денег. Такая денежная единица называлась «куна». Из собольих мехов изготавливалась одежда царя и вельмож. Подарки собольих шкурок при дипломатических сношениях с иностранными государствами решали вопросы в благоприятную сторону. Соболиная казна в начале XVII века оценивалась в шестьсот тысяч рублей и составляла около трети годового бюджета. О размерах ясака свидетельствует один из ясачных документов: «В 1586 году московский государь наложил ясаку... на Обь Великую и на все городки обские 200 000 соболей, 100 000 лисиц черных и 500 000 белок...»

Тяжелый ясак, лихоимство воевод, купцов и своих же князьков приводили народы Севера к обнищанию. Северяне не раз обращались к царю с прошениями. В одном из прошений в 1642 году вот что они писали: «И многие остяки с женами и детьми с голоду померли, а иные, государь, наша братия остяки жен и детей с голоду продавали в рабство и твоим государевым ясакам промышлять стало нечем. Не стерпя голоду, собак переели, наги, босы и беззащитны от зимней стужи и от голоду помираем».

Но этот крик отчаяния не был услышан. Не получая помощи от царя, народы Севера не раз восставали.

В 1636 году ханты восстали против князя Алычева, царского ставленника, отказавшись повиноваться ему и платить ясак.

Не раз восставшие манси, ханты, ненцы ходили на Березово, где жили воеводы, купцы, сборщики ясака. Не раз его сжигали.

Последнее восстание было в середине прошлого века, под предводительством народного героя Севера Вáуоли Пйетомина. Все эти восстания жестоко подавлялись.

А Солвал продолжает:

— По сказаниям и священным песням, которые вам уже недоступны, я знаю: таежный охотник и бедняк рыбак не брались за трехгранные стрелы и поднимали рогатину на белого царя, как на зверя, чтобы освободиться. Но те песни кончались так:

«Горе! Горе! — повторяли грустным шепотом в народе.

Горе! Горе! — лес шептался.

Горе, горе! — пели птицы.

Горе! Горе! — зверь таежный говорил нам непонятно языком своим звериным...»

«Неужели ясак больше платить не надо?! — удивляются старики. — Неужели кто-то услышал наши вековые молитвы?! Неужели царя не будет?!»

Слышим: и попов не будет!

Царь как бог, его мало кто из манси видел. А поп рядом. На рыбалку пойдешь — дай ему осетра. На охоту пойдешь — дай ему соболя. Святой дом с островерхой крышей, церковь, надо строить — деньги дай...

Мы — язычники. Добрым и злым духам верили, им поклонялись, прося удачи на охоте и рыбалке.

А поп учил Христу кланяться.

Нашего идола, если не поможет на охоте, на рыбалке, можно утопить в реке, разрубить топором, сжечь на костре. А с Христом так не поступишь. Перед ним надо быть смиренным, покорным, терпеливым.

И что за бог?! И что за вера такая?! Терпеть — еще можно. Но смиренным будешь — зверь тебя сомнет! И для покорности ли на свет человек рождается? Нет! Чудная вера! Непонятная!..

Поп крестил северян под дулами пищалей, разрушал священные капища, бросал идолов в огонь. Это еще ничего! А тех, кто и в святой дом ходил, для виду поклонялся Христу,

а потом шел в лес к своим богам, били попы плетьюми. Это еще ничего!

А вот когда святой отец мошенничать начинает, то какой он «святой»?!

Неужели и попов не будет?!

А о купцах и говорить нечего. Купца по-мансийски называли «в́ата-хум» — «на берегу караулящий».

Возвращаешься с рыбалки — он тебя на берегу подкараулит.

С охоты возвращаешься — мимо него не проедешь.

В начале каждого года в Березове, в Обдорске (ныне Салехард), Сургуте ярмарка была. Поедешь на ярмарку, а по дороге тебя встречает приказчик-зазывала. У него вино, и зовет он тебя в дом купца.

Переступишь порог хозяйского дома, под ноги торговцу бросаешь связку песцовых шкурок. Это подарок хозяину. Был такой обычай. Придумал его сам купец.

Потом он отдаривал: бусы, перочинный ножичек, карманное зеркальце... С улыбкой преподносит тебе чарку водки, вторую. Лишь после этого начиналась торговля. Хмельная торговля.

Золотой мех за безделушки плыл в руки хозяина. Ох и хитрый же он!..

Кто посмышленее, тот предпочитал торговаться с хозяином в его лавке или в амбаре.

И это не спасало. У купца есть книжка. Толстая она. Там долги записаны. Долги давно умерших родителей.

А имена покойных священны. Разве будешь тревожить их память?

Не споришь с купцом. Несешь ему шкурки, оленину, рыбу. Десятилетиями носишь — и все должник. За дорогой мех купец платил не деньги, брал его в обмен на хлеб, ситец, водку, топоры, ножи, котлы. За бесценок забирали купцы пушнину.

* * *

Купцы Новицкие за пушнину платили вдвое ниже обычных цен. Так, в 1876 году они заплатили охотникам за партию белок 2000 рублей, а продали за 7000 рублей, положив в карман 5000 рублей чистой прибыли.

За пуд хлеба, стоивший 30 копеек, они брали с тех же охотников по 1 руб. 20 коп. За пуд соли, стоивший 80 копеек, брали 2 рубля 40 копеек. Фунт простой махорки, стоивший 2—3 копейки, продавали за полтинник.

Надо ли объяснять эти цифры. Ясно одно: для охотников и рыбаков Севера купцы были кровопийцами!

* * *

— Новая жизнь пришла — и старшин не будет!

— Новая власть пришла — инородческих управ не будет! — слышим мы опять.

Неужели и это правда?!

Старшина! Хоть он и манси, хоть он и ханты, да не свой! Хуже попа он, наглее купца он!

Он и лиса, и росомаха, и волк. Все звери в нем одном живут. Знал старшина, что медвежьей лапы боялся манси и ханты. И собирал ясак перед медвежьей шкурой. Медведю¹ манси и ханты не солжет — и соболей-куниц в казну отвалит. И старшине — тоже, и попу — тоже.

А умрет старшина, на его месте будет его сын или брат. И вечным казался этот старшина, которого надо одаривать мясом, рыбой, мехами...

И вот радостная весть.

Решили узнать: правда ли все это. Любопытные поехали в Березово. А там и на самом деле новая власть. Революционный комитет, «Рабочий союз», Красная гвардия... Руководил

¹ Медведь по мифологии ханты-мансийцев — верховное божество, хозяин тайги.

ими Тихон Сенькин. Большевик. Его именем теперь одна из улиц Березова зовется... Легендарный человек. За счастье Севера жизнь свою отдал. И наши потомки его имя будут помнить.

* * *

Горячо встретили северяне весть о Великой Октябрьской революции. На борьбу за Советскую власть раньше всего поднялись жители крупного села Самарово (ныне г. Ханты-Мансийск), где беднота на своем собрании 2 января 1918 года постановила признать власть Совета Народных Комиссаров.

В Березове под руководством большевика Тихона Сенькина сложилась большевистски настроенная группа. Тихон Сенькин объединил бедноту и демобилизованных солдат и в конце января 1918 года организовал Революционный комитет и «Рабочий союз», в который вошло около пятисот человек. Опираясь на «Рабочий союз», Березовский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте 1918 года взял власть в свои руки. Уездная, земская, инородческие и родовые управы были упразднены... Подобное же происходило и в других местах Севера.

* * *

Два начала на земле — день и ночь, волки и олени. Зло с добром, как волк с оленем, всегда враждуют, так в сказаниях говорится. Волка кормят волчьи ноги. И зубы у него, как железо, охраняют волчье логово. Олень же беззащитен, как простой рыбак перед купцом, как охотник перед сборщиком ясака...

Волк свое логово без борьбы не уступит. И правда: купцы, попы, царские чиновники, родовые старшины стали защищать свое логово, бороться с революцией стали.

И на нашем тихом Севере, где лишь вьюга шумела, будто опять проснулись отыры из сказаний, и на снежных просто-

рах наступило героическое время. Простые люди — люди из бедняков — Данила Никитин, Иван да Михаил Ламбины, Павел да Гавриил Коневы, Михаил Чупров отырамы прослыли, вместе с Тихоном Даниловичем Сенькиным Советы организовывали, бойцами Красной гвардии были.

А бывшие богачи не довольны, топоры точат, случая ждут. И вот царский адмирал Колчак объявил себя правителем Сибири. Потянулись в Омск, где засел Колчак, бывшие офицеры — сынки богачей. И оттуда пошли по Сибири карательные отряды белых — врагов революции. По Оби и Иртышу на пароходах плавали. К пароходам прицеплены «баржи смерти». В них бросали большевиков, руководителей Советов и всех, у кого сердце к большевикам склонялось. О, все было! Кровь лилась. Зимой в проруби бросали, шомполами били. Позверствовали над простым народом белые.

И из отряда Сенькина многих схватили. Их помнят люди...

А многие в тайгу ушли, красными партизанами стали. Не всё сразу поняли манси и ханты. Темные были, неграмотные. Верили еще шаманам. И все же чуяли, на чьей стороне правда. С царем боролись красные. С купцами боролись красные. Поэтому бедные ханты и манси в красные партизаны уходили.

Все знают ханта Луку Ернова. С восьми лет батрачил. И вот когда пришли в деревню красные партизаны, Лука попросился в отряд. Посмотрел командир на худенькую одежонку Луки и сказал: «Да, одежонка у тебя на рыбьем меху. А впереди у нас дальняя дорога — мороз, тайга, белые...»

Но Лука встал на лыжи, тысячи километров прошел с отрядом, воевал с белыми, контрреволюцию давил. А потом, когда не стало на Севере белых, он пошел вместе со всем отрядом на запад, белополяков бил. Сказывают: однажды он захватил пулемет врага с двумя пулеметчиками. Шли красные в наступление. Но строчил пулемет врага, и каждый раз приходилось отступать. Лука Ернов — охотник. Он знал: на зверя надо идти не прямо, не с ветреной стороны, а в обход. Под-

крался к пулемету сзади и заставил его замолчать... Потом большим человеком стал Лука Ернов. Секретарем окружкама партии работал. Депутатом Верховного Совета СССР мы его избирали...

Солвал мог бы спеть песню о Platone Ильиче Лопареве, красном партизане, командире экспедиционного отряда по ликвидации белого бандитизма на Севере. В его отряд и вступил хант Лука Ернов. Тысячи километров прошли на лыжах легендарные богатыри Platона Лопарева. Шли по заснеженному Иртышу, Оби, Сосьве. Тысячи километров боев с белыми, борьбы с морозом, с вьюгой.

Не одно поколение комсомольцев на лыжах будет повторять маршрут легендарного похода Лопарева, не одно поколение следопытов найдет новые документы о героических подвигах борцов за освобождение Севера!..

Солвал спел бы песню о Павле Даниловиче Хохрякове, балтийском матросе, стойком большевике, организаторе Советской власти на Обском Севере. Он тоже погиб в борьбе с контрреволюцией.

Рука об руку с коммунистами сражались и первые комсомольцы края. В бою с белыми под мансийской деревней Карым-кары погибла девятнадцатилетняя медицинская сестра Подгурская. Окруженная бандитами, она отстреливалась до последнего патрона... А в одном из боев на Обском Севере погиб первый хантыйский комсомолец Афанасий Соколов. Белобандиты вырезали его сердце и подняли на хорее¹.

Но никакие зверства не могли остановить победное шествие по Северу идей Ленина. То в одном, то в другом месте появлялись комсомольские ячейки. И это тоже песня, тоже легенда.

Председателем первой комсомольской ячейки в Самарове в 1919—1920 годах была Евдокия Михайловна Ершова-Чук-

¹ Хорéй — длинный шест, которым погоняют упряжку оленей.

реева. Медсестра военно-революционного отряда, организатор коммуны «Спартакиада», позднее председатель Самарского сельсовета, она вспоминала: «Дружно работали мы, дружно и отдыхали, все вечера проводили в комсомольском клубе или в народном театре. Ставили концерты и в других деревнях... Средства от платных мероприятий сдавали в «помгол» — так сокращенно называли у нас комиссию по оказанию помощи голодающим Поволжья. Собирали для них средства и хлеб по деревням. Устраивали мы и субботники в пользу Красной Армии».

* * *

— Царя нет! Попов, купцов, старшин тоже нет! А об этом давно мечтали манси и ханты.

Вы, молодые, не знаете священных песен ханты, богатырских сказаний манси. Не всякому дано было их знать. Слушали эти песни и сказания в турманколе — в темном доме — при закрытых дверях, при закрытых окнах. Свято оберегали от постороннего уха свою мечту. Ударял певец лапкой гагары — священной птицы — о бубен и пел: сказывал героическое сказание о жизни. А в жизни два начала: день и ночь, олень и волк, добро и зло.

Богатырь Тáхыр-óтыр идет по земле и видит всюду одно и то же: горе народов. Поднимается в Верхний мир, к создателю Вселенной — Нүми-Тóруму. Слушает Торум печальный рассказ отыра и за страдания и лишения обещает счастье народам. В Нижнем мире, в Царстве мертвых, обещает он им счастье.

«Что им радость в Царстве мертвых? Что им поздня награда? Ты дай им иную долю, если дать ее ты можешь!» — восклицает богатырь.

Молились люди всем злым и добрым духам земли. Но все было напрасно.

И вот произошло чудо: кто-то услышал молитвы людей! Кто-то исполнил мечту людей! Свершилось чудо! Дивное чудо!

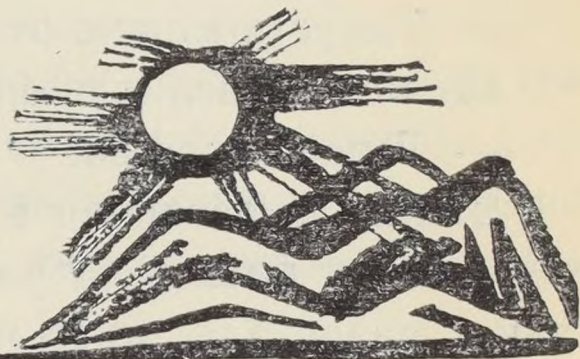
Кто это сделал?

«Ленин! Большевики! Революция!» — говорят люди.

Так я услышал впервые о Ленине. Может быть, тогда я задумался о своем батрацком детстве.

«Неужели, — думал я, — мои братишки и сестренки больше не будут платить ясак?» Тогда, наверно, я и решил, с кем мне идти.

НАРОД САМ СЕБЕ ХОЗЯИН

Едет Мирсуснэхум, видит — горы. Высокие горы, заснеженные. Долго ли, коротко поднимался по крутым склонам, наконец достиг вершины.

Там по белому снегу рыжими лисенятами бродят стада звезд, на волнах облаков легкой лодочкой плавает серп луны. И вдруг видит: какой-то старец запрягает в маленькую нарту собаку и едет к нему.

— О, Мирсуснэхум, внучек! Крылатой ли птицей принесен ты сюда, летающим ли зверем ты сюда доставлен? — заговорил старец, подъехав поближе.

А борода у него белая-белая.

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам? — отвечает

Мирсуснэхум, не сводя глаз с удивительной нарты, где сияет солнце.

Сидит солнце в нарте, а собака его возит.

— Погоди, внучек! Пойдем ко мне в дом. Будешь гостем. Открыл старик двери, крикнул:

— Люди, не обижайте моего дитяти! Кормите, поите его!.. Старик уехал, а он остался тут.

Вошел Мирсуснэхум в дом. Ни души. Сел на нары, думая: «Он сказал — не обижайте его... Кто меня может обидеть? Здесь никого нет!» И зоркие глаза его замечают в заднем углу кусок шелковой занавески. Шелк зашевелился. Стало невыносимо жарко.

— Умереть можно от такой жары! — молвил Мирсуснэхум. Шелк зашевелился опять. Стало прохладнее.

— Теперь хорошо!

Шелк зашевелился в третий раз. Вышла девушка, поздоровалась и пошла на улицу. Принесла с улицы оленьей грудины, разрешила мясо и в котел кипящий опустила. И вот дымится душистое оленье мясо в блюде. На один край блюда кладет она женский нож, на другой — мужской, со словами:

— Если думаешь обо мне, ешь!

Как может Мирсуснэхум не отведать!..

Ночью старик приехал домой, а наутро Мирсуснэхум говорит старцу:

— Разрешите мне, отец, повозить солнце!

— Съезди, только не обижай народ!

Запряг собаку, посадил в нарту солнце и поехал. Ездил-ездил, в одном месте посмотрел вниз. Видит: люди дерутся, отнимают друг у друга рыболовные угодья, охотничьи угодья. Думает: «Спуститься бы вниз, всех бы побил!» Сколько людей дралось, сколько людей бранилось — все умерли. Подъехал Мирсуснэхум к дому, убрал солнце: сразу стемнело. Вошел домой, лег спать.

«Хорошо быть хозяином солнца! Что захочешь — то сделаешь!» — думает про себя Мирсуснэхум.

Утром старец спрашивает:

— Как съездил, сынок?

— Так себе съездил.

Старец запряг собаку, посадил в нарту солнце и пустился в путь-дорогу. В одном месте вниз на землю глянул: все люди мертвые! Огорченный, поехал домой.

— Что ты сделал, сынок, с людьми одного края земли? Они все умерли!

— Смотрю вниз,— говорит Мирсуснэхум,— люди дерутся, отнимают друг от друга уголья рыбачьи, охотничьи уголья. Думаю: спущусь вниз и всех побью.

— Если бы и я так думал, не было бы на свете людей. Народ что делает, так и должно быть: он сам себе хозяин. Ступай и сегодня же оживи народ. Дратся, конечно, нехорошо. Но свети лучше солнцем. Делай их своим светом и теплом добрее!

Запряг Мирсуснэхум собаку, посадил в нарты солнце и поехал. Приехал к тому месту, где родились его дурные мысли, посмотрел вниз и сказал:

— Как придет вам на ум, так и живите. Вы сами себе хозяева.

И люди сразу ожили. А Мирсуснэхум поехал дальше.

НОВАЯ ЖИЗНЬ СТАРОГО МАНСИ

(Солвал продолжает свой рассказ)

Почему я стал коммунистом? Есть у меня и об этом своя дума. Может, потому я стал коммунистом, что оказался очень «соленым». Трудно было меня, упрямого, шаманам переварить. Они хотели, чтобы повиновался им не думая. Хотя и грезил уже духами, но кое-что хотел понять. А главное, я им не был «родня». Уж очень рядом стояло батрачье детство. Вспомню, как я гнул спину, как Яныг-пуки с шаманом хлебали из одной чашки, которую я подавал к столу, во мне словно просыпается какой-то зверь. Становлюсь похожим на медведя, не вовремя разбуженного в берлоге. Не равным чувствую я с ними. И мне больно. Не по пути, значит.

Коммунисты... Далеко было мне и до них. Ведь я хозяином мечтал быть. К тому же в нашей деревне коммунистов не было, как и грамотных. Но когда из района приезжали уполномоченные, они не только кричали до хрипоты в «мир-коле» — «собрании мира», но и тихо говорили с каждым и со мной тоже. Я мало что понимал в таинственных словах «колхоз», «коммунизм», но чувствовал, что эти люди по мне. Они такие же «соленые» и упрямые. И слова у них такие же огненные, как у шамана, но не усыпляющие. От них тоже мерещилась какая-то неясная еще жизнь, но ко сну не тянула. Потому что коммунисты звали к деятельности, какой еще не знали манси.

А мне этого и хотелось. И закрутился я... И не жалею. Спасибо! Я узнал такую жизнь, что вы мне еще не раз позавидуете! В борьбе за лучшую жизнь для людей, а не только

для себя есть сладость. Ее невозможно нарисовать словами. Почувствовать надо ее самому...

Революция! Что она дала малым народам?

Бедняки почувствовали, что пришла своя власть. Ханты и манси освободили от налогов. Открыли хлебозапасные магазины. В этих магазинах можно было взять в долг хлеб, соль, чай.

«Новая власть дает деньги на хлеб, значит, она хорошая», — говорили у нас на Севере.

Купцов, перекупщиков пушнины изгнали. Пушнину и рыбу стали принимать в «Интеграл». Так чудно кооперация называлась. Вместо водки и бус, которыми раньше одаривали нас купцы, «Интеграл» снабжал боеприпасами, продуктами питания, одеждой. Цены на мех стали постоянными, твердыми. Не так, как в старину: сколько захотел купец — столько дал...

Цены на рыбу к началу тридцатых годов были увеличены в два раза по сравнению с первыми годами революции. Заинтересованность в рыбной ловле появилась. Не стали зависеть от удачи на рыбалке и охоте. Когда мало добудешь, комитет бедноты поможет — ссуду продуктами, оленями, деньгами выдаст.

Кулаки и шаманы не могли уже безнаказанно хозяйничать. Вместо родовых старшин и родовых начальников манси и ханты избирали родовые Советы и все вопросы жизни и быта решали на родовых собраниях. Это была переходная форма к обычным советским органам власти. Не простым был путь народов Севера к новой жизни. Из родового строя наши малые народы должны были шагнуть, минуя капитализм, в социализм.

Об этом мы много говорили, спорили на окружных курсах, куда меня не раз приглашали как молодого коммуниста. Политике тоже учился. Знаю. Изменялась жизнь в тайге — другими становились и люди. Хозяевами своей земли стали чувствовать себя.

И вот в 1930 году был организован Ханты-Мансийский национальный округ. Это большое, историческое событие: у нас появилась своя государственность.

Простые рыбаки и охотники политиками становиться стали. А пробуждала к политической жизни наша партия. Русские люди, коммунисты месяцами кочевали по тайге и тундре, ездили от стойбища к стойбищу, от деревни к деревне. Беседовали с рыбаками, оленеводами, охотниками, разъясняли задачи Советской власти. Всюду колхозы стали создавать. И для меня наступило горячее время.

Избрали меня председателем колхоза. Мне не только подарили свободу, но и власть. Вот это было труднее. Что делать с этой властью? В руках ли держать ее, людям ли раздать ее, или запрятать так, чтобы никто ее и не почувствовал? Мало кто знал, как правильно держать власть. На всей земле никогда колхозов не было. И такую жизнь мы начинали жить первыми. И возможно, мы ошибались.

Не знаю, как вы поступили бы на нашем месте. Но нам пришлось не сладко.

Было и такое.

Пришло указание: «Скот должен быть общим, колхозным. И невода, и лодки...» Так и сделали. Весь скот согнали в колхозное стадо. Даже собак всем велел я сдать. Начали уж было строить собачью ферму. Да бумага пришла. Но никто в деревне еще не мог читать. Послали в район за учителем. Приехал русский учитель и сказал: «В бумаге написано: «Перегиб!»» Спасибо ему! Разъяснил нам не только это. Остался в нашей деревне. Сколотил из досок парты и стал учить наших детей. Спасибо ему, русскому учителю! Это он тебя сделал думающим, большим человеком сделал...

Солвал замолчал, а я вспоминаю моих школьных учителей. Каждый день они мне и моим сверстникам открывали

глаза на мир, каждый день дарили новое чудо. И кем бы я был без них?

Учитель на Севере — волшебник!

За окном ходит долгий зимний вечер. Ступит он на снежинку — слышится хруст. Прикоснется к ветвям — они звенят на звездном морозе. В такой вечер хорошо сидеть у теплой печки и слушать сказку.

— Жила-была рыбка. Плавала она в речке. Резвилась, играла. А мы ее едим,— говорит один из мальчиков, снимая с чебака сухую шкурку.— Вкусная рыбка!

— А сделало вкусной эту рыбку солнце. Оно ее высушило. Мне дедушка рассказывал.

— А разве солнце всех сильнее?

— Нет! Туча сильнее солнца! — говорит третий мальчик.— Она своими черными крыльями закрывает золотые лучи солнца.

— А кто сильнее тучи?

— Гора. Выше черной тучи белеет голова каменного Урала.

— А сильнее горы кто?

— Говорят, какой-то ма́хар, по-русски его мамонтом зовут. Говорят, он изрешетил даже каменную гору. Оттого в ней так много пещер.

— А сильнее сказочного махара — собака. Она насмерть загрызла мамонта. И с тех пор лишь кости его в земле находят.

— А кто сильнее собаки?

— В сказке говорится, будто какие-то духи, лесные боги-идолы сильнее собаки. Они насылают на все живое болезни.

— Если бы духи, лесные идолы, правда были такие сильные, их тогда бы люди в огонь не бросали! Рассердится человек на лесного духа за то, что он не помогает охоте, и сжигает идола.

— Огонь сильнее духов.

— Если огонь такой сильный, то почему он гаснет от дождя?

— Вода сильнее огня.

— А сильнее всех наша учительница! Ее все слушаются!..— пролепетал самый маленький мальчик, первоклассник, сидевший молча до этого.

И для меня мои учителя казались всех умнее, мудрее! А Ефросинья Ивановна Семенина — моя первая учительница — и сегодня другим мальчишкам и девчонкам Севера сильнее всех кажется. Она до сих пор учит детей в Заполярье.

Но не всегда так было. Не сразу русский учитель завоевал такое волшебное доверие.

Нелегко было Аркадию Николаевичу Лоскутову, Алексею Васильевичу Голошубину — первым учителям сосьвинских манси.

Родители сначала не отдавали своих детей в школы. Шамана боялись. А шаман говорил: «Отдадите детей — потеряете их. Дьявольской грамоте научат — родителей не захотят узнавать».

Первые учителя не отступили. Выучили мансийский язык и по юртам, домам пошли. Беседовали с родителями, разъясняли смысл учения. Не во все дома пускали учителя. Но кто-то уже понимал, разрешал заниматься с ребенком. Дети с любопытством заглядывали в окна школы, с интересом приоткрывали двери. А в школе сначала просто рисовали, слушали рассказы учителя о новом, каком-то чудном мире, в котором они могут сами быть, если будут учиться.

Алексей Васильевич Голошубин перевел с русского на мансийский пьесу и поставил ее на школьной сцене. С удивлением смотрели не только ученики, но и родители. «Ёмас рума! — говорили манси.— Хороший друг, учитель!» Потом они стали самыми уважаемыми людьми. И внуков первых учеников еще учили.

Аркадия Николаевича Лоскутова депутатом избрали. Мно-

гие годы он руководил округом, председателем окрисполкома работал.

Гордится Алексей Васильевич Голошубин своими учениками. Е. И. Ромбандеева, А. И. Сайнахова, М. П. Вахрушева кандидатами наук стали, словари составляют, научные труды по мансийскому языку пишут. Научной деятельностью занимаются и кандидаты наук ханты и манси Н. И. Терешкин, Л. Е. Киселев, А. Т. Мотышева, Е. А. Кузакова, А. И. Картина. Кандидат наук мансийка Валентина Рубкалева заведует кафедрой в Ленинградском горном институте. Она обучает русскому языку посланцев многих стран мира.

Много теперь среди ханты и манси своих учителей, врачей, инженеров... Появились и первые поэты и писатели.

А в 1923 году на запрос Наркомата национальностей, решившего пригласить на Московскую сельскохозяйственную выставку хоть одного грамотного ханты, Тобольский уездный исполком ответил кратко: «Грамотных ханты не имеется...»

Давно ли это было?

Сейчас никого не удивляет, что манси Л. Т. Костин работает директором школы, а хантыйка Е. М. Сагандукова заведует Ханты-Мансийским окружным отделом здравоохранения. Не ясновидящая она, не шаманка, а людям возвращает утраченное здоровье и силу.

Кем она была?

Дочерью неграмотного ханты.

Кем она могла стать?

Лишь темной охотницей, темной рыбачкой. Ведь отцы дальше рыбалки и охоты ничего не знали!

Кем она стала?

Врачом! И не раз народ избирал ее своим представителем в Верховный Совет СССР.

Кузницей интеллигенции Севера является Ленинград. Здесь в 1930 году организовали «чудесный чум» — Институт народов Севера. В Педагогическом институте имени А. И. Гер-

цена и в Университете имени А. А. Жданова многие ханты и манси получили высшее образование. Свои учебные заведения есть в округе. Ханты-Мансийское национальное педучилище за годы существования подготовило более полутора тысяч учителей, из них — 614 ханты и манси. А из стен соседнего медицинского училища к 1966 году вышло 1419 медицинских работников, из них — 435 моих сородичей.

Давно ли совсем не было грамотных? И столько специалистов теперь! Это ли не чудо!

Спасибо тебе, русский учитель!

* * *

А Солвал продолжает свой рассказ:

— Коммунистом был я, конечно, еще не настоящим. Сейчас смотрю назад, думаю и вижу. А тогда я все же идола в реке не утопил. Газеты писали, что один молодой манси, которого хотели сделать шаманом, отрекся от своего бога, потопив его в проруби. Отречься — отречься, шаманом не захотел стать. Это правда. Но Сорни-най, нашу «золотую богиню», темной ночи светлую красавицу, я все же снова посадил в святой ящик, что стоял в углу нашего нового дома. Что правда, то правда. Не могу кривить душой при заходящем огненном солнце. Унесем-ка свой ум в то далекое время.

Дела в колхозе были не совсем удачными. Рассердился я на нашего домашнего духа, Сорни-най. Наверно, она, не верящая в коммунизм, во всем виновата. Из-за нее, наверно, мало ловим рыбы и премии не получим. Плохо работает бог, зачем тогда он нужен. Утоплю нашу богиню в проруби. Пусть она мерзнет и посылает в ловушки рыб, если она способна понять, как хорошо быть в теплом углу мансийского дома.

Поехал по дрова на своей белой лошади и захватил с собой «золотую богиню». Это кукла. Какое там золото! Лицо у нее деревянное, две дырочки — два глаза. Красный, мазанный кровью рот. Шелковый платок на ней еще не распался — недавно

сам ухаживал за ней. И крепка была еще соболья шуба — недавно был охотником, а не начальником колхозным.

Ругать ее не стал: грех ругаться не только на божественного духа. А просто без слов толкнул ее в прорубь. Сам поехал в лес, чтобы вывезти срубленные дрова. На обратном пути лошадь моя провалилась в полыню. Сам чуть не оказался в ледяной воде.

«Мстит мне богиня и другие духи, от которых я отрекся, — подумал я со страху. — Сегодня она посягнула на душу лошади, завтра потребует более важную жертву. Будет мешать, как злой дух. И не успею я доказать, что колхоз лучше. И путь мой к коммунизму затруднится. И за что? Не смог сговориться с каким-то духом. Если богиня есть на самом деле, пусть будет моим другом, а не врагом. Пусть и духи помогают строить светлый коммунизм!..»

Отвез ее домой, посадил на прежнее место и сказал ей: «Не буду больше приносить тебе в жертву ни белой лошади, ни оленя, ни теленка! Смиловивился, посадив тебя в угол теплого дома. А если не будешь помогать, тогда посмотрим! Пока сиди в своем углу и думай, как легче мне справиться с колхозным планом по рыбе...»

Не знаю, помогла ли мне богиня, но мои колхозники в тот год поймали много-много рыбы. Два колхозных плана за один год выполнили. И слава о нас пошла по всему округу. Приглашали меня не только в Ханты-Мансийск, а и подальше. Депутатом областного Совета избирали. Большим человеком ходил. О, не думай, что о своей славе кипел! О людях не забывал. Ради них и вертелся. В четыре часа вставал. Сам обходил все дома. Будил на работу. Сам ехал на рыбалку. И люди за мной тянулись. Рыба, она сама домой не приплывет — ее искать надо. Обловил одну речку, вычерпал ее живое серебро — другую надо искать. Все лесные речки облазишь. И в которой-то из них ждет тебя удача. Не пальцем указывал — сам пример подавал. Как рыбу надо ловить — сам показывал.

И колхозникам, и районному начальству. Стыдил нерадивых: мол, вот как надо ловить рыбку-то. Старался разбудить у них честолюбие. А потом наслаждался, как страстной пляской, их соревнованием. И уезжал в новые бригады, к новым людям. Сами дорожку к успеху нащупывали. Вот как мы работали!

И опять главное — забота о людях. Раньше манси жили в дымных избушках, с окном изо льда или налимьей шкуры. Колхоз всем построил новые дома. А помогло государство. Большой кредит от него мы получили.

В домах тепло, светло в домах. «Лучше жить колхозом, чем в одиночку!» — решили даже старые. Лежащую вещь на руке видит даже слепой.

Когда рассказываешь сказку и то запинаешься. Нужное слово не сразу с языка летит. А жизнь складывать еще труднее. Борьба была. Настоящая драка. Яныг-пуки не хотел быть колхозником. Сыновьям и внукам завещал то же самое. За ним тянулись и некоторые старики. Рыбу все ловили, а сдавали государству не все. В лесу прятали, гноили. Сами не ели — другим не давали.

Недовольны ими были уже многие. Но тогда не каждый решался сказать в лицо Яныг-пуки. Его поддерживал шаман, а шамана боялись. Еще чего, злых духов назовет и несчастья посыплются... А главная беда — манси не будут ловить рыбу в священном озере. А сырка — нежнейшей рыбы — там много, как летом в речке мальков. И никто это добро не ловит. Обычай запрещал. Священная, мол, рыба. И ловить ее могут лишь шаман и его приближенные. А кушать эту рыбу женщинам нельзя — боги накажут. И рыбачил там лишь шаман да Яныг-пуки. А простые манси, как деревья на ветру, трепетали и близко к этому озеру не подходили.

А мы, молодые, коммунисты и комсомольцы, решили сломать древний обычай. Не пропадать же добру! Но большинство колхозников было против.

«Накажут вас боги за то, что рискнули нарушить древний

обычай манси!» — сказали старые, и повторили женщины. Лишь семь смельчаков нашлось. Тоже священное число.

И сами-то трепещем. Ведь там, в священном бору, само-стрелы натянуты. И духи, быть может, вправду есть. Накажут они не только нас, но и детей наших. И все же вышли на лов серебряной, не тронутой веками рыбы.

Дрожим. Холодно под сердцем. Душа, кажется, ушла от нас. И все же ловим рыбу. А ее много-много...

Приехал домой — жена слезами умывается. Стонет и кричит на меня: «О, убийца! За тебя мы наказаны. Дочь умирает...» Действительно, дочь моя маленькая при смерти. Кричать уже не может, красная вся. Я — к фельдшеру. Был у нас уже фельдшер. Вылечил. Мигом снял все суеверия, а то бы мне несдобровать.

А почему шли к шаману? Потому что врачей не было!

* * *

И мое слово о медицине.

«На инородческом нашем Севере тихо тянется процесс угасания», — к такому грустному выводу пришел в конце прошлого века профессор Казанского университета А. И. Якобий. У него были реальные факты: в Березовском уезде с 1803 по 1893 год число жителей ханты уменьшилось на десять процентов, а манси — на двадцать четыре процента.

И не случайно. Ведь царь-батюшка отпускал в Тобольской губернии на медицинское обслуживание сорок копеек в год на одного человека. А теперь в Ханты-Мансийском округе эти расходы составляют более пятисот рублей.

И есть ханты-врач, манси-врач, русский врач. Много врачей, много больниц. И потому навсегда ушла из жизни манси и ханты «красная гостья», «бешеная старуха» — оспа, уносившая в объятия вечной мерзлоты целые семьи, роды. Тиф, холера, трахома, чесотка, туберкулез — эти страшные слова не ужели были не только словами, а смерчем?

Они и убивали когда-то жизнь на Севере. Мансийское население по реке Сосьве и Ляпину за девяносто лет, предшествовавших Октябрьской революции, уменьшилось на одну четверть, а с 1926 по 1935 год, т. е. за десять лет жизни при Советской власти, население увеличилось на 24,6 процента.

В каждом колхозе или совхозе есть врач или фельдшер. Заболел человек в далеком зимовье — на самолете к нему летит врач, на вертолете к нему летит врач. Два отделения санитарной авиации в округе работают. Заболел человек на рыбалке — и врач будет, специальные санитарные катера есть.

А вот что видел этнограф Поляков на одном из рыболовных угодий в конце прошлого века:

«Больные рабочие не имеют отдельного жилья, ни лекарей, ни докторских советов. На другом песке¹ из сорока человек было пять больных рабочих с совершенно отнявшимися ногами.

Но в особенности поразил меня своим видом один из них: щеки и глаза впалые, цвет лица изможденный, рот с оскаленными зубами, как у покойника, руки исхудали, а ноги, как бревна, распухли так, что я едва мог поднять и поставить его, чтобы снять с него фотографию: одетый в заплатанное овчинное шубище, он представлял из себя только тень живого человека».

* * *

— Богател колхоз. Слава добрая о нас плыла. Видит Яныг-пуки, духи ему не помогают. Тогда и решил силой со мной расправиться.

Приехал я в юрту Яныг-пуки. А место у него славное. Рядом богатые угодья. Но сыновья Яныг-пуки рыбу почти не сдают — продажей на сторону занимаются. Хожу, как начальник, по лесу, ищу ямы, где рыба спрятана. Шарю по лабазам,

¹ Песками на Севере называют рыболовное угодье.

где мешки с мукой лежат, шкурки разных зверей висят. Хозяйничаю. Приказываю сдать все это государству.

Видно, глаза мои были затуманены колхозной славой. Не увидел опасности. Один пришел хозяйничать в юрту, где были питомцы враждебного мне Яныг-пуки. Они схватили меня. Били. Скрутили руки. Привязали к древнему кедру.

Сосут меня комары и веселые песенки напевают. Их много, длинноносых кровопийцев. Горит лицо огнем, и тело полуголое горит, и силы гаснут. Лишь душа моя не гаснет.

Нет, не звал я врагов на помощь. Потому что видел, как из-за кустов смотрел на меня красными глазами глухаря Яныг-пуки. Жгли меня комары, сосали мою кровь, но я не молил о помощи, а вспомнил заклинания, которым научил шаман. Цветными заклинаниями стал я крыть Яныг-пуки и весь его род.

По коре кедра стекали янтарные капельки смолы, а из глаз старика — слезы. Он плакал. Может, ему показалось, что я говорю с богами и они мне дарят такие яркие слова. А он, свободный, бессилен против меня.

Колхоз богатеет, а не он, Яныг-пуки, и коммунисты на Севере — хозяйева.

Неглупый был старый. Видел, что век его кончился. Понял, что силой не справиться. По коре кедра стекали янтарные капли смолы, а из глаз Яныг-пуки — слезы. Сам меня он развязал и упал у моих ног...

У каждого человека свой потолок. Пришло время — стало тесно мне в родном колхозе. Позвала меня жизнь — и пошел я пытаться силу, другие колхозы поднимать. В каждом новом месте потолок казался высоким. Дотягивался до него, рос. По семь-восемь лет в каждом колхозе работал. Председателем избирали.

Я расту — колхоз мой растет, крепнет, набирает силы. Смотришь — и люди чаще улыбаются. Смотришь — и люди лучше одеваются. Смотришь, не смотришь, а чувствуешь —

люди приветливо на тебя глядят. А поначалу... Эх! Всяко бывало! Глядят на тебя, смотрят росوماхой. Косо вначале смотрят. А вот поработаешь, годок-другой повертишься — иными глазами начинают глядеть.

Особенно памятно мне хантыйское село Тэги. Там долго работал. Заговорил по-хантыйски быстро. Видно, языки наши такие близкие. И хантыйский язык мне стал как родной. А русский — трудный. Много лет уже говорю, а все слышу, что где-то не то слово ставлю, не тот звук произношу...

Тегинский колхоз мне особенно дорог. Будто сердце мое там!.. Приехал — касса колхозная была пуста, а когда переводили в другое место, колхоз был миллионером.

И переходящее Красное знамя района крепко держали.

* * *

Я люблю бывать в этом селе. Может, потому, что и здесь пробежало мое детство. Ноги, может, хотят вспомнить все тропинки к родным озерам, а руки — опять взять ружье и весло, и по волнам Оби не во сне, а наяву заскользит легкая калданка.

Тэги... На невысоком хвойном берегу широкой, как море, Оби раскинулось оно. Рубленые сосновые дома ровными рядами потянулись вдоль широкой центральной улицы, сразу видно — новое, современное северное село. И все же нет в нем той симметрии и строгости, что в русских селах. Рядом с каждым обыкновенным домом высятся островерхие «чумы».

Но это не чумы, а конусообразные дровяники. Издревле ханты и манси перед жилищем так ставили дрова, чтобы они сохли стоя, поддерживая друг друга, и, высушенные ветром, грели щедрым пламенем людей в студеную зимнюю ночь.

И вытянувшиеся ровными рядами дома, и хаотически возвышающиеся конусообразные дровяники, и огороды, и березовый сад посреди села производят своеобразное, неизгладимое впечатление на приезжего.

На самом высоком месте, утопая в березняке, стоит правление колхоза имени XIX партсъезда. А в саду, на поляне, выше берез летает волейбольный мяч и не смолкает задорный смех молодежи. А вечером в клубе кино. Иногда лекции. И вечера отдыха бывают. И спортивные праздники. И школа, и медпункт, и магазины, и отделение связи есть в Тегах. А детскому саду и яслям могут позавидовать промышленные поселки. Все это выстроил колхоз.

Но в памяти у меня другое Теги. Это село было ниже километров на четыре-пять, в луговой стороне Оби. Это место теперь зовется «Старое Теги». И стоит там всего одна-единственная избушка.

Видятся мне старые дома. Плещется вода у крыльца. Крякают дикие утки. Они где-то здесь, в траве, пахнувшей зеленой водой. И не раз во сне с крыльца своего дома бабахнешь из детского ружьишка. От одного дома до другого добираться на лодке. Но это не всегда, а в половодье... Поэтому, наверно, колхозники решили перенести свое село на другой, более высокий берег.

В Теги приезжаю я с особым трепетом, может, еще и потому, что нам, сыновьям, не совсем безразлично то, что сделали наши отцы.

Многие годы здесь работал председателем колхоза и мой отец, Николай Тимофеевич Шесталов.

И теперь колхоз богат. Он ежегодно сдает государству до трех тысяч центнеров рыбы. Муксун, осетр, нельма, щекур, сырок... Этим деликатесных рыб с нежным мясом рыбаки-ханты ловят. Денежный доход колхоза за год превышает полтора-два тысяч рублей. Охотники села Теги промышляют в тайге белку, горностая и песца, разводят чернобурых лисиц на своей колхозной звероферме. Колхозные доярки в год до трех тысяч литров молока с коровы надаивают.

В Ханты-Мансийском национальном округе в 1967 году было более пятидесяти тысяч голов крупного рогатого скота.

Не забывают ханты и манси свою древнюю отрасль хозяйства — оленеводство. В том же году в округе было 68 тысяч оленей. Стадо оленей есть и в Теги.

Есть ли в бору дятел? Что-то его не слышно стало. А может, его древнюю песню заглушают моторы, снующие по речному плесу? Не скрипят уключины — катера стучат. Хочешь прокатиться — можешь сесть на трактор. Он сильнее оленя. В руках колхозного лесозаготовителя не топор летает — мотор играет, мотопилой «Дружба» его называют.

А кто же управляет «железной силой» колхоза? Мастера! Они со школьной скамьи к моторам потянулись. И не расстаются со стальным ключом, как оленевод с хореем. Молодежь теперь тянется к «мудрости» машин. Миша Неттин — электрик колхозной электростанции. Устин Новьюхов — механик ремонтной мастерской, Петр Макаров — тракторист. Коля Неттин — киномеханик. А сколько мотористов! Всех не перечесать!

Отслужив в рядах Советской Армии, окончив школу, техникум, молодые ханты чаще всего в родное село возвращаются. И неспроста: тайга родная манит. Ходить за глухарями в каком краю так сможешь? Он здесь еще непуганый...

Если нужна книга, в селе есть библиотека. Полистал хвойные страницы тайги — можно полистать журнальные.

АТЯ... ЧТО МНЕ ВСПОМНИТЬ?..

Атя... Не от этого ли мансийского слова происходит русское «отец»?

Мой отец вставал очень рано. Еще темно, а он уже на ногах. Он был всегда среди людей. О чем-то толковал, говорил, что-то доказывал, чем-то возмущался. О чем были эти споры, разве мне вспомнить!

Только знаю, что все разговоры были о колхозе, где он был председателем. Помню только, что он дедушку уговаривал сдать в колхоз лошадь, трех коров, несколько овец, которые были у него.

— Молока захочешь — в колхозе возьмешь! — убеждал отец. — Надо будет куда съездить — лошадь возьмешь в колхозе. Чулки связать нужно будет — шерсть возьмешь в колхозе.

Помню, дедушка не верил, возражал, но все же уступил своему упрямому зятю. Видно, понял, что если родные откажутся сдавать скот, то другие и подавно откажутся.

Атя... Что мне вспомнить? Может быть, то, как мы жили в старом доме? Там стоял кедр. Издали он напоминал великана. В мансийской деревне даже в пургу тихо — могучие кедры и ели закрывают своей грудью домики.

Атя... Что вспомнить мне? Может быть, то, как ты захотел создать для сородичей новую жизнь и осуществил свою мечту, построив на противоположной стороне реки Пори-посал новые колхозные дома. Выросла деревня новая — Камрадка, колхозная Камрадка.

— Откуда взял он столько денег? — спрашивали удивленные старики.

— Колхоз богаче самого богатого манси! — говорил им отец. — Колхозный карман опустеет, государство поможет.

Атя... Что мне вспомнить? Может быть, то, как ты уходил в другой колхоз. Партия хотела, чтобы ты его «поднял». Но не успел ты выполнить завет — грянула беда, черная война.

Атя... Что мне еще вспомнить? Может, то, как ты уходил добровольцем на фронт. Помню я Березово, пыльные улицы.

— Раз! Два! Три! — Ваш отряд шагает.

— Раз! Два! Три! — И я марширую.

Атя... Что мне вспомнить? Потом вы сели на белый пароход. Ты махал мне рукой. Мама прятала лицо в шелковую шаль. Я знал: она плакала. Не было у меня шелковой шали, некуда мне было прятать лицо — и я не плакал.

Атя... Что мне вспомнить? Ты был под Москвой, под сердцем нашей Родины. Фашистский осколок не смог убить тебя, фашистский осколок лишь ранил тебя. И ты вернулся домой. Но недолго пришлось побыть тебе в родном доме. Приезжал из района уполномоченный и о чем-то тебя просил. Несколько раз приезжал и каждый раз становился настойчивее. Ты о чем-то подолгу говорил с мамой. Она с тобой не соглашалась, спорила:

— С кем оставишь дедушку? Ему ведь сто лет.

— С кем оставишь бабушку? Ей тоже сто лет.

— С кем оставишь дедушку? Он ведь уже ослеп.

— С кем оставишь бабушку? Она тоже уже слепа...

Атя... Что мне вспомнить? Ты уже сидишь в казенной кошевке. Полозья у нее железные, постромки смоленые. А конь вороной пританцовывает, жаждет умчаться в снежную даль.

И уполномоченный сегодня весел. Он говорит:

— Ничего. Поднимешь колхоз и вернешься...

Никто отца не провожает. Я один его провожаю.

Снег уже летит, вихрится снег. Я вцепился в кошевку. Снег

колючий и горячий такой кружится и вьется над моей головой, залетает в уши, слепит глаза. А конь, как шальной, поднимает ветер и, почуяв дорогу, быстрее ветра летит. И деревня моя куда-то вдаль летит.

Я кричу:

— Ма-ма-а!..

А тяжелая отцовская рука от казенной кошевки отрывает меня и на снежную дорогу толкает.

Долго еще надо мною кружится снег. На соленые щеки мои ложится снег. Потом все замирает, и в мертвой тишине я вижу ледяной взгляд морозного зимнего неба. И кедры на берегу как немые стоят. Они не видели ничего — как слепые стоят. И река замерзшая ничего не слыхала — она в этой тишине как мертвая лежала.

Остывающие слезы смахиваю с лица. Прилипший снег смахиваю с себя. Пятилетним мужчиной шагаю домой. Много, конечно, еще не понимаю. Но одно чувствую: в доме нет мужчины. Хозяином быть я должен, чтобы был наш дом.

Чтобы был наш дом, я должен быть мужчиной.

ЗАГАДОЧНАЯ КИБИТКА

Где стояла резвая лошадь, трава не растет, степь не цветет, говорят манси о костре.

Всадник в пушистой шубе на богатырском коне по ветвям скачет, говорят ханты о белке.

Моя загадка: почему таежные белки и олени превратились в загадочных степных коней?

В одном месте Мирсуснэхум увидел осиновую рощу. Там тридцать осин стоят. Стоят они, как идут.

— Это волшебные, злые осины. Схватят в пути человека, сплетутся ветвями и задушат его,— шепчет конь.— Будет беда — вспомни слова старой матери, сказанные тебе на прощание...

Не успел докончить конь своих вещих слов, как зашумели ветви шумных осин. Конь упал. Задрожал Мирсуснэхум, как одинокий лист на голой ветке. «Пропал!» — подумал он.

И за какое-то мгновение промелькнула в памяти вся его недолгая жизнь, а главное, как рыбы в мороз, всплыли слова матери: «Попадешь в беду — вспомни меня!»

И в тот же миг появилась кибитка, запряженная пятеркой лошадей. Подкатила кибитка со звоном колокольчиков, со скрипом колес. Чудная эта кибитка с колесами! В тайге такой не бывает. Распахнулись дверцы, расшитые серебром. И перед шумными осинами появилась женщина, одетая в шелка и в цветные сукна. Протянула руки к вершинам осин, сломала их по одной и такие слова сказала:

— Человек, на твоём пути встанут высокие горы, бурные моря, темные леса, зубастые звери... Но если ты будешь помнить заветы своей матери, пропетые ею еще у колыбели, то ты будешь сильным! Злые ветви осин я поломала. Осины теперь лишь будут шуметь. Остальных ты побеждай сам...

Дверцы захлопнулись. Застучали копыта низеньких лошадей, заскрипели колеса расшитой кибитки, звонче ветра зазвенели колокольчики, и, кажется, даже гнущиеся травы запели монотонную песню вечного каслания.

Кибитка. Пятерка лошадей. Скрип колес, который вдруг услышишь в мансийской сказке, но не увидишь глазами в

окружающей жизни. Дремучая тайга, топкие болота, вьюга и снег...

Моя загадка: разве в тайге, где поют полозья, могут скрипеть колеса степной кибитки?

Моя загадка: почему кибитка с колесами, лошади и степь также понятны манси и ханты, как соболь или олень, словно они составляют часть их повседневной жизни?

Может, нам поможет предание?

Представьте седую старину.

К усталому пахарю, склонившемуся над деревянной сохой, подходит человек в черном одеянии монаха. В руках у него посох, а в глазах — вопрос. С удивлением он смотрит на длинную домотканую рубаху, на плетеные лапти русого пахаря и что-то спрашивает на непонятном языке. Вслушивается в речь крестьянина, но, не уловив знакомых слов, безразлично взглянет на не вспаханное еще поле, на вспененного коня, запряженного в соху, и под ногами странника опять пылится дорога.

Идет он по знойным степям, где травы колышутся, пасутся табуны коней и гурты овец. Пробирается он и сквозь чащи лесные, где на ветвях рычат росوماхи, медведи играют с медвежатами. Плывет он по рекам, где рыбаки бьют острогою серебряную рыбу. И всюду он вслушивается в речь разноликой, разноязычной земли. Уставший от дождей, длинной дороги, иногда он теряет веру в существование языка, похожего на венгерский, но отоспится на сеновале у гостеприимных хозяев, взглянет на ясноглазое утреннее солнышко и снова задает себе тот же вопрос: «Откуда пришли венгры, где родственный язык?»

И, помня завет прадедов, опять шагает на восход золотого солнца...

И вот однажды, подходя к стойбищу, вдруг он слышит задорный мальчишеский голос:

— Хóтанг, хотанг!

«Не ослышался ли? — подумал странник. — Это так похоже на венгерское слово «хóттуй» — «лебедь».

И правда, над стойбищем, шевеля крылами, как белые облака, плыли лебеди. Почувяв дымок жилья, услышав непривычный лебединому слуху звук, они чуть встрепенулись, сделали два-три быстрых взмаха и снова ровно зашелестели крыльями.

А мальчишеский голос не унимался:

— Анека, анека, хотанг!

«Анека»! И это тоже венгерское слово. «Бабушка» означает оно. Даже все звуки почти совпадают. И так же плавно растягиваются слова, и ударение на первом слоге.

Лебеди уже улетели. В небе остались одни облака. А на поляне мальчик возился уже с черной, как ворон, лайкой.

— Кúтюв, кутюв! — ласково звал он собачку, когда она убегала.

Нет, это не кличка. Это по-венгерски «собачка».

На лужайке недалеко от стойбища паслись лошади. Они щипали траву и ритмичным помахиванием хвостов отгоняли надоедливых мух. Из низенького деревянного сруба вышли двое мужчин и направились к лужайке. Они говорили что-то о лошадях, потому что несколько раз повторили слово «лув». В одном из венгерских диалектов слово «ло» — «лошадь» так и произносится — «лув».

Странник выходит из-за кустов и идет к мужчинам. Здоровается с ними по-венгерски. И они понятливо кивают головами. А волосы у одного черные, как у венгров, у другого почти русые, заплетенные сзади в короткие косички. Удивленно они смотрят на длинную странную одежду пришельца, так непохожую на их узорчатую одежду, сшитую из налимьей шкуры.

С любопытством детей слушают древние старики человека, пришедшего из другого конца земли, где «лето вечное, как время», и силятся припомнить предания о прошлом своего на-

рода, о том, как часть племени в погоне за лосем отделилась и ушла в край, где вечное лето.

Странник угощает хозяев пряным напитком своей солнечной родины и, счастливый, вслушивается в понятную речь рыбаков и охотников. Рыбу, которую добывают они в звонкой речке, бегущей вдали виднеющихся гор, они называют «хул». По-венгерски это звучит чуть по-другому: «хал».

— Не забыли еще лошадей? Хорошо! Седла, вся сбруя лошадей называется так же, как у нас, у венгров.

«Видно, в прошлом наши предки были скотоводами?» — задумывается он.

На склонах гор стада оленей. Хозяева зовут их «сáли». Во всем, что связано с оленями, венгр не нашел ни одного родственного его слуху слова.

«Видно, этому они научились позже, так же как мы виноградарству,— рассуждает про себя путешественник.— Они ведь о винограде и понятия не имеют».

А вдали белеющие горы они зовут Ур-алом. «Ур» — «хребет, гора». «Ала» — «крыша». «Ур-ала» — «крыша гор, крыша хребтов»...

— Вот где я нашел родственные венграм племена! — может быть, воскликнул землепроходец XIII века, отправившийся на поиски прародины венгров.

Долго ли, коротко ли гостил древний венгр Юлиан у своих восточных сородичей, стал собираться в обратную дорогу. Охотники надели на него шубу из мехов. А на мехах узор крылатый и тонкий, словно чьих-то мыслей отпечаток. Подарили они и шкурки горностая, что белее снега, и чернобурых лисиц, и соболей... Рыбаки дарили рыбу сушеную, коневоды поили кумысом, а оленеводы — оленьей кровью и молоком...

В древних венгерских летописях хранятся сведения о прародине, «старейшей Венгрии». По свидетельству летописцев, расположена она на Северо-Востоке. Отсюда в IX веке на-

шей эры венгерские племена двинулись на Запад; прошли по землям восточных славян, перевалили через Карпаты...

На поиски далекой прародины и отправился монах Юлиан.

На западных склонах Уральских гор по рекам Чусовой, Вйшере манси жили еще в прошлом веке.

Юлиан сообщает, что в городе Булгаре — в одном из городов на Волге — встречал женщину с низовьев реки Белой, которая говорила на венгерском языке.

Некоторые исследователи утверждают, что «угорские племена бассейна реки Белой принадлежали к древним мадьярам (венграм)».

«По мнению большинства ученых, основные массы обских угров в начале второго тысячелетия нашей эры жили еще к западу от Уральских гор и только позднее переселились в Западную Сибирь», — читаем в третьем томе книги «Языки народов СССР».

Об этом теперь могут рассказать лишь надписи и изображения на скалах, причудливые, непонятные русскому слуху названия горных вершин, речек, населенных пунктов...

А как же за Карпатами, далеко от Оби и Урала, оказался родственный ханты и манси язык?

Венгерская хроника XII века сообщает, что в VIII веке семь племен заключили союз в стране Этельгезе и двинулись на Запад.

В 896 году за Карпатами возникло новое государство. Венгры зовут свою землю Хунгарией. До XV века страну манси и ханты называли Угрой или Югрой. Из одного корня состоят названия народов, стран, находящихся на разных концах земли...

Прошло тысячелетие разрозненной жизни родственных племен, но в языках следы родства еще остались.

Вот послушайте: слово «сон» по-венгерски — «áлом», по-мансийски — «лум»; «нож» по-венгерски — «кеш», по-хантыйски — «кэши»; «имя» по-венгерски — «нэв», по-мансийски —

«нам»; «женщина» по-венгерски — «но», по-мансийски — «нэ»; «язык» по-венгерски — «нелв», по-мансийски — «нелм»; «глаз» по-венгерски и по-хантыйски звучит одинаково — «сэм». Названия частей тела человека, явления природы, счет, слова, рожденные общей древней жизнью предков венгров — манси и ханты, имеют одинаковые корни.

Но сказывается тысячелетие разрозненной жизни народов, и потому лишь отдельные слова да музыка и строй речи делают эти языки родственными.

Первыми исследователями мансийского и хантыйского языков были венгерские и финские ученые Регули, Мункачи, Алквист, Каннысто, Папай...

В середине прошлого века венгерский ученый Регули отправился на северо-восток. Помнили венгры о своих первых землепроходцах, искавших прародину древних угров.

Юлиану даже поставили памятник в одном из красивейших мест Будапешта.

Путешествие Регули оказалось удачным. Он побывал на берегах Оби, Иртыша, Конды, Сосьвы...

От деревни к деревне, от стойбища к стойбищу он добирался где на лошадях, а где на оленях, где плыл в утлой рыбацкой лодчонке, а где и пешком, сопровождаемый словоохотливыми манси и ханты.

Вслушивался он в певучую речь таежников, жизнь которых была так непохожа на жизнь его солнечной страны, и удивлялся схожести языков.

Записывал звучные мансийские песни, сказки, хантыйские легенды, героические былины, так похожие на древневенгерские, с причудливыми образами, и снова и снова улавливал что-то родственное... Ведь культура венгров так резко отличается... от культуры соседних народов Закарпатья — чехов, сербов, словаков, болгар, немцев, что даже неспециалисту это бросится в глаза. Но есть ли где язык похожий?

Долго венгры не знали точно.

И вот Регули привез кипы рукописей. Но издать их не успел.

По «следу» Регули поехал другой ученый, Мункачи. Он побывал в тех же местах, послушал те же сказки, песни, изучил язык, расшифровал и проверил тексты Регули и, приехав к себе на родину, все собранное Регули издал на мансийском и венгерском языках. Много здесь было текстов, записанных и самим Мункачи.

На столе у меня лежат шесть объемистых томов «Вогульской народной поэзии», недавно изданных в Финляндии на мансийском и немецком языках. Записал это финский ученый Каннисто, который побывал на Обском Севере в начале нашего века. А профессор Матти Лимола продолжил и издал собранное своим предшественником.

Так мансийский и хантыйский эпос стал известен на Западе, где его считают одним из самых древних и оригинальных эпосов мира, таких, как Калевала, Гайявата или Скандинавские саги.

В университетах Венгрии студенты изучают мансийский и хантыйский языки, а профессор Бела Кальман продолжает исследование и публикацию фольклора, собранного Регули и Мункачи еще в прошлом веке.

Так много веков спустя потомки древних венгров осуществили вековую мечту: нашли на земле родственный язык. Но где же, в какой части земного шара жили общие предки этих народов? Кто они были? Чем занимались?

Кибитка, степь, лошадь... Видно, кочевниками были общие предки. Их родным домом была степь, а не тайга.

Может, с тех далеких времен у манси и ханты осталось священное отношение к лошадям.

И бараны по сказкам, как по степи, бродят. Они муравьями в снегу копошатся, черны словно уголь. Как дивно и странно, на Севере вьюжном откуда им взяться? По сказам и песням бредут, словно тени, в легендах блистая, как черные стре-

лы; от прадедов к юным бредут поколениям, по снам моим бродят, как новая эра. По тысячелетью, как по равнине, в легендах югорских всё бродят и бродят...

И пастухи гонят какие-то стада под палящим солнцем по имени Пáра-пáрсюх. Не Барабинская ли это степь?

Теперь понятно, почему так много в сказках коней, а не оленей.

«Всадник в пушистой шубе на богатырском коне по ветвям скачет» — так говорят ханты о белке.

Теперь понятно, почему таежные белки и олени в сказках так часто сравниваются с загадочными богатырскими конями.

Это в сознании народа продолжает жить далекое прошлое. Потому и скрип колес, и кибитка, и пятерка лошадей, и знойная степь так понятны манси и ханты.

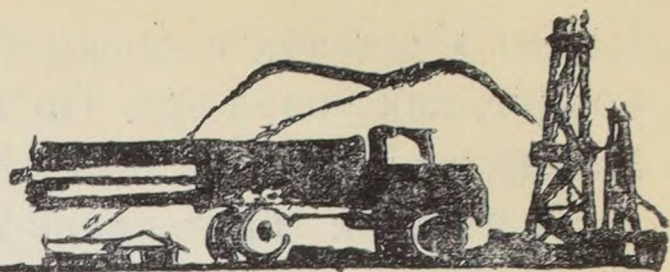
Кочевали древние по солнечной степи, наслаждались монотонным скрипом колес кибитки — и оставили это в сказке.

Гривастый конь, конь-огонь, для них был богом и другом — и это не забыли. Не только в сказке его оставили, а взяли с собой в тайгу.

Уйдя в тайгу, песню полозьев слушая, подружившись с оленем, не забыли они и баранов, которых пасли когда-то под знойным солнцем.

И какой бы ни бушевал мороз, щедрое тепло золотого солнца живет в сознании народа, греет его, зовет в новое кочевье. Было это кочевье вчера на оленях, а прошлое в сознании народа не гасло. Продолжится завтра это каслание на железных нартах, в новом железном кочевье народов — и то далекое прошлое будет жить в причудливом мире новых сказок, новых народов.

Ю

хрим... Твое старое мансийское имя Игрим. Почему ты сменил свое имя?

Юхрим... Где старая мансийская деревня?

На узкой полоске земли сидели дома, стаяй черных глухарей чернели они на песчаном берегу Сосьвы.

Тюр-тюр-тюр...— журчала вода. Почти у дверей плескались шипучие волны.

О, как пахло травами, мокрыми сетями, рыбой!..

Какой запах у тебя теперь?

Ой, какой большой стал Юхрим!

Когда Солвал жил рядом, в Люлюкарах, когда председателем колхоза работал, не маленьким был Юхрим — может, тридцать стояло домов, а может, целых пятьдесят. Колхоз, рыбучасток был.

Экспедиция пришла, железные деревья — буровые вышки — посадила, машины привела, землю сверлить стала...

Игрим пахнет железом. Не ржавым железом пахнет Игрим, а сияющим железом пахнет Игрим.

Разгружаются баржи, звенят топоры, рычат бульдозеры, урчат тракторы, лают машины, скользя по песчаным улицам, и небо кажется песчаным, и солнце кажется песчаным, раскаленным. Все движется, кружится, вьется... Жарко!

Игрим... Рабочий поселок. Раскинулся он на правом берегу Сосьвы, в ста двадцати километрах выше Березова. В 1959 году здесь геологи открыли газ. Тогда и началась новая история Игрима.

С открытием Игримского месторождения разведанные за-

пасы газа всего тюменского Севера увеличились вдвое. Это сыграло несомненно положительную роль. Ведь тогда не все еще верили, что на Севере есть много нефти и газа.

В 1964 году началось промышленное освоение Игримского месторождения. Пришли буровики-промысловики, строители, газовики. На полном ходу было уже строительство газопровода Игрим — Серов.

В палатках и зеленых вагончиках жили первые газовики. Ругали надоедливых комаров и мошек, песок, поднимаемый колесами машин. Удивлялись жаркому июльскому солнцу, теплой сосвинской воде, в которой можно было даже покупаться после работы. Наслаждались душистой ухой. В Сосьве рыбы много! Но у людей было не дорожное настроение, хотя они жили в «городке на колесах» — в зеленых вагончиках, которые поставили среди зеленых сосенок на окраине Игрима.

В моей записной книжке имена первых промысловиков: Николай Бурбасов — оператор газопромысла, приехал из Казахстана. Николай Танцеров — тоже оператор, волгоградец. Алаберды Ишанкулиев — дизелист, посланец солнечной Туркмении. Первый начальник Игримского газопромысла Владимир Немце-Петровский из Краснодарского края. Со всех концов страны приехали люди осваивать богатства Севера.

По завершению в 1966 году газопроводу Игрим — Серов северный газ уже поступает к промышленному Уралу.

Урал будет получать ежегодно десять миллиардов кубометров природного газа. Если представить, что десять миллиардов кубометров газа заменяют сто пятьдесят миллионов тонн угля и за счет этого можно получить двести двадцать пять тысяч тонн дополнительной продукции, то станет ясно, какое значение имеет для Урала северный газ. А Урал производит машины. Они на Севере тоже очень нужны!

Недалеко от Игрима, в глухой тайге, растет новый городок с поэтическим названием Светлый. Как и многие стройки Се-

вера, этот город строит комсомол для рабочих и служащих, которые работают на газопромысле.

А пока это место называется Пунгой.

Пунга... Не правда ли, таинственное слово? Я хоть и манси и то не знаю, что оно означает. Может, это слово хантыйское? Но это несколько не мешает Пунге быть самым популярным в Березовском районе. Сюда летят и летят. В аэропорту очереди на Пунгу. Может, потому, что Пунга самое трудное и пока самое неустроенное место в районе?

Летом — комары. И единственное средство связи — вертолет. Здесь вечно чего-то не хватает...

Весной — половодье. Цветущая черемуха в воде. И сосны в воде. И белые ночи, кажется, плывут по воде.

Зимой — белые деревья, и буровые вышки белые, и дома от мороза белые. А звезды большие, яркие. Вода, комары, бездорожье, мороз... А люди едут на Пунгу. Романтика? И так может быть. Но главное в другом!

С открытием Пунгинского месторождения, которое оказалось крупнее Игримского, к Пунге потянулись изыскатели будущей трассы газопровода. Они шли по тайге, болотам, через таежные речки. Пятьсот километров трудного пути от самого северного уральского города Ивделя до Пунги, не встречая ни одного человека.

Пунга была путеводной звездой и для тех, кто рубил первую просеку, прокладывал первую лежневку, провел первую машину. А те, кто вырыл первую траншею, уложил первую трубу, разве они забудут ее?

Пунга останется вечной звездой для тех, кто построил газопровод, пройдя сто пятьдесят километров болот, девяносто километров скальных пород, преодолев двести двадцать таежных речек, остальные из пятисот двадцати пяти километров — дикая тайга. Памятна Пунга строителям. Им пришлось ощутить всю трудность и все то большое счастье, которое выпадает на долю новаторов. Никто в мире еще на болоте и веч-

ной мерзлоте не строил газопровод. А советские люди построили! И газ по трубе идет!

Что я знаю о Пунге?

Знаю имена первых буровиков, строителей. Я их записал в свою записную книжку тогда, когда в Пунге еще жили в землянках и палатках, рубили первые срубы, строили первые дома, бурили первые скважины.

Геннадий Свечков, Анатолий Решетников... Строители... Помню, в срубе первого дома, который они клали, было всего еще несколько бревен. Когда я подошел, они присели отдохнуть, и я услышал оживленную беседу на тему: «Кто как поступал в институт и почему не попал».

С думой об учебе жили они в глухой тайге и возводили новую стройку.

Запомнились имена первых буровиков: Строгальщиков Леонид, Назаргалиев Мухтар, Петров Николай...

А Зою Абрамовну Беляеву все знали не только на Пунге и в Игриме! Медицинская сестра, заведующая здравпунктом, она здесь и врач и общественный деятель.

Что я знаю о Пунге?

Замечательные люди там живут! И трудятся на Пунге, как нигде — тайга! И любят на Пунге, только, может быть, сильнее — тайга! Знакомые на Пунге становятся друзьями — тайга!

А теперь рядом с Пунгой вырос новый городок газодобытчиков: Светлый. И Игрим стал другим.

В любое время года он принимает большие самолеты. А от здания аэропорта бежит железобетонная дорожка, бежит до самого нового Игрима, где выросли дома добытчиков газа. Не был я в Игриме чуть больше года, а поселка не узнать. Кинотеатр, школа, комбинат бытового обслуживания, аптека, столовая. Помню, совсем недавно это было лишь в словах, столько разговоров было! Газ Севера заработал. Рядом с молодым сосняком выросли двухэтажные жилые дома. Урчат

машины. Это в бетонные плиты одеваются улицы. Не будет больше клубиться песок под колесами снующих машин, и вода под ногами чавкать не будет. Праздничным выглядит здание управления «Игримгаза». Не только крыша у него шиферная. И стены здания обшиты шифером, будто разрисованы удивительным орнаментом. В железобетон одевается Игрим. Шиферным орнаментом окаймляется Игрим, крылатыми лодками окрылился Игрим, горючим газом славится Игрим.

* * *

В кабинете начальника Игримского газопромыслового управления Кушнарера Николая Спиридоновича деловое спокойствие. Выходят одни, заходят другие. Говорят о водоснабжении поселка, канализационных сооружениях, строительстве бани, животноводческой фермы.

Вот вошел молодой человек в форме, которую носят студенты строительных студенческих отрядов. Он приглашает Кушнарера на прощальный вечер. Николай Спиридонович благодарит его, командира студенческого отряда, за большую работу, сделанную ими за два с половиной месяца. В орнамент нового Игрима немало узоров нарисовали студенты, в улыбке нового Игрима есть задор юности.

Деловое спокойствие... Может, оно излучается этим человеком? Лицо у него загорелое. Волосы чуть седоватые. Сквозь очки смотрят глаза человека — доброго хозяина земли.

Я видел Кушнарера, когда он летел в первый раз на Север. Тогда он многому удивлялся, задавал мне вопросы. Сейчас роли переменялись. Интересуюсь я.

И я узнаю, что в 1968 году «Игримгаз» дал стране восемь с половиной миллиардов кубометров газа, а в 1969 году — девять миллиардов. В РСФСР «Игримгаз» по добыче голубого топлива занимает третье место после Кубани и Ставрополя. А с вводом трубопровода Надым—Пунга, который строится, не будет иметь себе равных.

Газ Севера... Какое он имеет значение для хозяйства страны?

— Газ Игрима и Пунги по трубопроводу Игрим—Серов подается на предприятия городов Свердловской и Пермской областей,— говорит Николай Спиридонович.— Если условно перевести на твердое топливо, то через каждые пять минут нужно было бы подавать эшелон угля. Теперь потребность предприятий этих областей в топливе удовлетворяется игримским газом.

И еще такие красноречивые факты: девяносто шесть процентов всей продукции Березовского района, Ханты-Мансийского национального округа выдает «Игримгаз».

Славился наш край сосвинской селедкой и муксуном, мягким золотом из собольего и беличьего меха, диким лесом, где медведь бродит да олень пасется. А теперь он раскрыл свое новое богатство — голубой огонь, голубое золото, которое уже служит людям. А добывают его обыкновенные люди. О них с большой теплотой рассказывает Фатихов Василь Абударович — секретарь парткома.

Он тоже вырос здесь, в новом Игриме.

В сентябре 1966 года при пуске газопромысла в промышленную эксплуатацию он работал оператором, был рабочим человеком и секретарем цеховой партийной организации. Через год — старший инженер-диспетчер. Потом избрали секретарем парткома «Игримгаза». А коллектив немалый — более тысячи человек!

— Плохие на Севере долго не задерживаются! — говорит Фатихов.— Хорошие люди у нас. Возьмите хотя бы Константина Ивановича Бабаева! Оператор по добыче газа. Работает с самого начала промысла, то есть с 1964 года. Безупречный человек! Не чурается любой работы.

Хорошим организатором зарекомендовал себя коммунист Бабаков Иван Иванович.

Не остаются в стороне и народы Севера. Молодые северя-

не присматриваются к удивительным машинам, стараются их освоить и понять. Многие уже работают. Фатихов называет имена:

— Посохов Виталий — слесарь-ремонтник, Пакин Василий — электромонтер, Новьюхова Елизавета — оператор, Анатолий Саратин и Дмитрий Нетти — машинисты дизельных электростанций.

Промысел растет — и молодые северяне растут. Молодые ханты и манси не только овладевают техникой, но и продолжают учебу. Комсомолка Гындыбина Мария, оператор газопромысла, окончила здесь десятый класс вечерней школы.

Коренные жители Игрима и близлежащих деревень Люлюкары и Ансева теперь тоже рабочие. Бывший колхоз подсобным хозяйством стал. Только думаю: рыбак все же рыбак, манси все же манси. Чутче лося надо быть начальнику, чтобы слышать многим неслышимое. Прозорливее орла надо быть начальнику, чтобы видеть многим невидимое. На то ты и начальник: услышь, пойми человека. Тогда будет тебе и рыба; и молоко, и мясо! И люди скажут: «Спасибо, директор, ты для манси рума — друг!» И люди пропоют: «Мы привыкли жить колхозом, колхозом думать привыкли. Если теперь тебе, большой начальник-директор, дано право думать за нас — думай! Но только помни, чтобы твоя дума была не легче рыб, которые мы сдаем в подсобное хозяйство, жирнее молока, которое доят наши доярки, не дешевле соболя, который так трудно дается охотнику. Твоя голова пусть будет не меньше всех наших голов! Вот какой директор нам нужен!»

Есть у рабочих подсобного хозяйства такой директор. Трусов Арсен Селиверстович больше двух лет здесь работает. Недавно он окончил Тюменский сельскохозяйственный институт.

В жизнь северян не только техника вторгается, но и наука. Сельское хозяйство Севера ожидают большие преобразования.

Очень плодородны почвы поймы Обь-Иртышья. На тысячи километров раскинулись необозримые заливные луга. Ни в одном крае нашей страны, как утверждают ученые, нет таких мощных массивов лугов, какие встречаются в пойме реки Оби. По подсчетам научной экспедиции МГУ в пойме Оби и Иртыша можно заготовливать за лето до двух с половиной миллионов тонн сена и силоса и содержать не менее двухсот пятидесяти тысяч голов крупного рогатого скота. Пока эти луга используются лишь на пятнадцать процентов. Есть на Севере все условия для создания птицеводства. Округ может обеспечивать себя собственным картофелем и овощами. В последнее время созданы десять новых совхозов и два подсобных хозяйства.

Богатства Обь-Иртышья будут служить людям!

* * *

Не было вертолета — придумали вертолет. Не был человек крылатым — стал сегодня крылатым. Я сижу в кабине маленького вертолета «МИ-1». С высоты птичьего полета смотрю на родную землю. Внизу зеленая тайга, речки, озера, пойма Сосьвы и Оби.

Опять веселой рыбкой плеснет сердце: внизу Люлюкары — старая мансийская деревня. Сюда не раз я приезжал на летние каникулы. И здесь мой отец работал председателем колхоза. Забыть ли мне этот теплый песчаный берег, смолистый запах кедров и серебряную гладь воды? Выйдешь, бывало, утром, налево взглянешь — вода блестит: там озеро; направо взглянешь — опять вода: там Сосьва. На узкой песчаной косе стоят дома. И кедровые стоят. А шишки на кедровых с кулак, а орехи в шишках сладкие. А на берегу рыбаки тянут невода, в них нежная сосвинская селедка...

— Мы здесь организуем выездной дом отдыха! — говорит Николай Спиридонович Кушнарев, сидящий рядом со мной в кабине вертолета.

Николай Спиридонович родился на Украине, приехал на Север из Краснодарского края. И ему, южанину, по душе пришлись эти плесы, где плещется рыба; эти песчаные косы, темные от стай уток и гусей; эта зеленая тайга, в зеленой тени которой бродит медведь, скачет соболь, стоит лось.

Развитие газовой и нефтяной промышленности не отразится ли пагубно на природе? Не затмит ли человеку глаза его собственная сила и могущество?

Не нарушит ли он гармонию в природе? Не забудет ли он о своих потомках?

Об этом, наверно, не я один задумывался. Я смотрю на Николая Спиридоновича, на его добрые и внимательные глаза, и на душе становится спокойнее. Рядом со мной летит Человек!

П А Р У С

Мы, я и мой приятель Давидка, сидели у жаркой железной печки. Боска у нее красные, раскаленные.

— К большому морозу это,— говорит мне Давидка.

Я к Давидке хожу почти каждый вечер. И неспроста: он чуть старше меня и знает не только это, а еще умеет так смотреть в книгу, что язык его выводит складные волшебные слова:

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет,
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах...

Он говорит, как трогает струны санквалтапа¹. И я вижу мир, невидимый моему глазу. Синее, как вечер, море. Белые, как песцы, волны. Теплый, как парное молоко, воздух. Хочется дышать этим воздухом и мчаться на кораблике под парусом самому.

— Не шаман ли ты, Давидка? — спрашиваю я его тихо, вызывая на откровенность. А сам боюсь, что допытываюсь, лезу с любопытством в такое святое дело.— Не хочет ли тебя мой дедушка сделать шаманом? Меня он пытался. Только, видно, я не такой умелый, как ты.

А Давидка смотрит на меня, как большая собака на щенка.

— Не я шаман, а Пушкин! И никакой он не шаман, а поэт. Большой это человек. Самый большой на свете!.. А дедушка твой, он даже книгу не умеет читать!.. А еще нам говорили в школе, что шаманы — плохие люди. Хуже росомах они!

— Ты не знаешь моего дедушки — он хороший! И не смей называть его росомахой, а то буду драться!

Стреляю я в него слова, как сухие смолистые дрова в печке стреляют искрами.

— А если хочешь знать, то и твой Пушкин тоже шаман! Он тоже уводит меня куда-то далеко, и я опять начинаю видеть и слышать то, что он хочет. Он тоже волшебник!

— О, это другой волшебник! Книжный волшебник, добрый волшебник, — объясняет мне Давидка, зажигая новую лучинку, от которой опять становится светлее в сумеречном доме.

А мне обидно. Очень обидно, что дедушка мой не такой.

— Ничего, — говорю я, — все равно научусь читать. И увижу твоего Пушкина, и буду с ним спорить!..

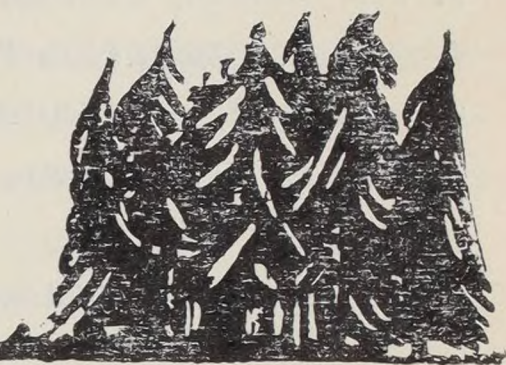
А выйдя на улицу, по дороге к своему дому я не хруст снега слышу, а плеск белых волн, и не чум цветистый — северное сияние — вижу, а бегущий по синему морю кораблик. Мне хо-

¹ С а н к в а л т а п — музыкальный струнный инструмент.

чется повторять эти строки и найти свои слова. Но они, как великие духи, не идут ко мне. Мне больно до слез. И, несчастный, падаю на свою постель — на старую, облезшую оленью шкуру. Во сне опять тот мир — парус, море, волны...

Долго жили во мне эти грезы. Долго мечтал увидеть живого Пушкина. Больно было, когда узнал, что певец был сражен злой пулей. И праздником стало мгновение моей жизни, когда понял, что Пушкин жив и я сам могу беседовать с ним сколько хочу.

СКАЗКА О ЗВЕРЯХ

Долго ли ехал Мирсуснэхум, коротко ли ехал, однажды слышит сверху:

- Куда едешь, внучек?
- Землю посмотреть, силу свою попытать.
- Силу не пытай, я тебе работу дам.
- Какую работу?
- Птиц, зверей делать.
- Как же я смогу делать зверей?
- Э, сынок, все узнаешь!..

Поднял Мирсуснэхум с земли два круглых камешка, потер их друг о друга — появилась собачка с внимательными глазами и, виляя пушистым хвостом, побежала за ним. С белой березы сорвал три листочка, свернул их в трубочку, дунул —

и появился маленький зверек, лесная мышь. Все вместе идут дальше.

Отломил от кедра веточку, обстругал ее наподобие зверька — прыгнул пушистый соболь. Тоже за ним пошел.

Увидел корягу с обсохшими ветвями, подтолкнул ее — и по лесу зашагал олень с ветвистыми рогами. Так, идя по дороге, делает все новых и новых зверей. Куда клонится голова — туда и идет. Куда Мирсуснэхум идет, туда и звери бегут.

Долго ли шли, коротко ли шли, Мирсуснэхум говорит своим зверям:

— Сейчас разойдемся! Ты, собака, иди ищи человека. А ты, мышь, ступай, может, где найдешь кучу сухой травы, там себе сделаешь гнездо... А ты на берег реки беги, — говорит он лисице, — увидишь мышь — убивай! Будешь убийцей мышей... А ты, соболь, в лес скачи... А ты, олень, будешь возить людей на охоту...

Звери разбежались по тайге.

* * *

С тех пор много стало в лесах Югры соболя, белки, горностая, выдры, росомахи, лисицы, медведя.

Даже речной бобер есть в мансийской тайге. Он так же, как тысячу лет назад, острыми зубами валит столетние сосны, строит плотины, любит озером, которое создал своим бобровым мастерством.

Говорят: во всей великой Азии бобер почти исчез. Каким чудом сохранился он в мансийской тайге?

Может, так наказал сам Мирсуснэхум? Настанет новый век. О Мирсуснэхуме уже никто не вспомнит. А разучится ли бобер быть мастером? Не замолкнет ли охотничья песня? А может, она по-новому зазвучит?

ЛЫЖИ МОИ, НЕСИТЕ МЕНЯ!

Два соболя, два зверя, как ни стараются обогнать друг друга, никак не обгонят... (Лыжи)

Засверкали над Сосьвой яркие, как спелая морошка, звезды — рыбаки знают: рабочий класс работает. Загорелись веселые огни в домах Игрима — колхозники знают: этот свет умеет зажигать рабочий класс.

— Наш Вася, — говорят манси, — тоже умеет зажигать удивительный свет — электричество.

— Я рабочий! — резко скажет сухощавый, среднего роста манси. — Правильное мое имя — электрик.

Его узкое, почти черное лицо в морщинках. И руки у него черные, маслянистые: Вася работает на электростанции, в газопромысловом управлении.

Хорошо работать на машинах. Семь часов отработал — домой. Вымылся, поел — пошел в кино или в школу. Хорошо слушать учителя — плохо писать диктант. Руки понимают машину, ум не справляется с грамматикой: трудный русский язык!

Проверит учительница тетрадку, а там ошибок! Вся страница разрисована — столько нет, наверно, на снегу следов куропачьих.

Он знает следы. И капкан на горностая правильно ставит. Если кто ошибается, то горностай, а не Вася. Вот только в школе...

— А, хватит! — скажет он с обидой. — Посмотрю, как ошибаются другие — горностаи и куропатки.

И, огорченный неудачей, он становится на лыжи.

Лыжи, мои лыжи, несите меня.
По снегу белому несите меня.
Я сделал вас из шкур лосиных ног.
Как носили лося, вы несите меня...

И несут его лыжи по снежному простору. Молодые ели приветливо ему кивают и от радости роняют легкие снежинки.

«Спасибо, что вспомнил. Росли ведь в детстве вместе», — будто говорят деревья шепотом под ритмичный шорох лыж. Для ханты и манси деревья живые. Они, как и люди, думают, страдают, веселятся.

И лиственница старая к нему склонила голову, лиственница старая протянула руки: «А я тебе, внучек, приготовила подарок. Сними с моей руки глупую тетерю».

Лыжи, мои лыжи, несите меня.
Крылатая птица тоже ошибается.
Ой, какая трудная грамматика!
Спою-ка я лучше простую песню.
Лыжи, мои лыжи, несите меня...

И он поет. О том, как мудрые ноги не хотят оставить свой ум в его голове, а звучные слова запутывают след своих узорчатых букв.

Поет он и о счастье. Много дел у Васи. Работал когда-то он дизелистом. И в какое время работал! Тогда мало кто верил, что на Севере есть газ и нефть. И где работал! В Березовке работал! На той самой буровой, которая дала первый газ Сибири.

Вот какое счастье у Васи! Вот о чем поет он в песне.

А какое счастье слушать тишину заснеженной Сосьвы!

Солнечный морозец целует зарумянившиеся щеки. Голу-

бой ветерок поет в ушах. Шапка-ушанка машет мягкими крыльями. И Вася летит под гору в замершую в снежном блеске Сосьву.

Река оделась в песцовую шубу. Рыбам тепло. Под шубой такой разве замерзнешь? Не хватает им теперь только воздуха. Они в это время плывут к живунам. Это так называют на Севере незамерзающие ключи, бьющие со дна реки. К ним тянутся косяки рыб. В таких местах их можно ведрами черпать. Вася знает эти места. Но не хочет использовать слабость природы. Рыба ведь не газ и не тягучая нефть. Долго ли ее вычерпать? Рыба живая. У нее если отнимешь душу, убьешь жизнь, красоту убьешь.

Вася любит ловить рыб. Только не тогда, когда они слабые, еле-еле дышат и жизнь в них держится на волоске. Вася ловит рыб, когда они носятся по плесу, как олени по снежному простору, когда сильными боками бьют журчащие струи, когда Сосьва «стреляет» звонкими всплесками.

Знает манси, когда ловить рыб.

В седом тальнике седые куропатки
Чистыми лапками на седом снегу
Рисуют седые узоры.
Лыжи, мои лыжи, несите меня...

И лыжи медленно, как усталые олени, несут его в гору. Над белым лбом берега шапкою седоватых волос седеют тальники. На глазастом снегу нет ни одного черного глаза горького дыма. Хорошо дышать! И куропаткам и человеку. На снегу только седые узоры. Их рисуют чистые лапки белых красавиц. Они снежными комками движутся от куста к кусту, от сугроба к сугробу. Вася любит читать эти узоры. Он знает, сколько минут назад прикоснулись к этой белизне лапки, в какую сторону взмахнули крылья. И вслед взмаху белых крыльев летит сердце охотника.

Сердце охотника летит за птицей. Лыжи охотника бегут за зверем. Зверь живет в тайге.

Для манси и ханты тайга, как и река, кормилица.

Больше всего в ханты-мансийской тайге белок. Бывают годы, когда охотники приносят с охоты тысячи тысяч беличьих шкурок. А эти шкурки издавна ценятся, как и шкурки соболя и других пушных зверей. В нашей тайге водятся еще и куница, лисица, норка, рысь, росомаха, а по берегам таежных речек — выдра, бобр, ондатра, горностай.

Но всегда высоко ценился и теперь ценится соболь. Это юркий хищный зверек. Меньше домашней кошки он. А мех его славится особой пышностью и красотой. Бывают соболи песчано-желтого цвета, черные и темно-коричневые.

В прошлом веке соболь был на грани исчезновения. Его хищнически истребляли.

Советская власть не только спасла соболя от уничтожения, но и приняла конкретные меры для сохранения и приумножения соболиного племени. На участке тайги между реками Северная Сосьва и Конда, где оставалось еще несколько десятков соболей, в 1929 году был организован Кондо-Сосьвинский боброво-соболиный заповедник. В настоящее время в ханты-мансийской тайге опять стало много соболя.

Для охоты на соболя, белку, горностая и других пушных зверей созданы ПОХ — промысловые охотничьи хозяйства, а в колхозах и совхозах есть бригады охотников.

Но северяне теперь не только охотятся за дикими зверьками, но и сами их разводят. Созданы специальные совхозы, где выращивают черно-бурых лисиц, песцов, норок...

Звероводы и охотники округа ежегодно сдают пушнины на несколько миллионов рублей.

Сердце охотника летит за птицей. Лыжи охотника бегут за зверем...

А вот горностай. Он попал в Васин капкан. В прошлое вос-

кресенье поставил его у входа в норку. Половил горностай под снегом мышей, хотел выйти — и ошибся.

Вася ставил капкан по всем правилам охоты. Чтоб не пахло человеком, он не трогал капкан голыми руками. Чтоб не пахло железом, капкан покрыл чистым листом бумаги. Чтоб не пахло бумагой, посыпал белым снегом.

Вася тоже знает правила. Не всегда ему ошибаться! Вот и горностай ошибся. А он не такой уж глупый. Его не каждый поймает. Пусть попробуют другие. Посмотрит Вася, как они его поймают! Посмеется и Вася, когда они ошибутся...

Э-эй! А деревья уже стали ресницами солнца. Э-эй! А солнце уже уходит в снег. Э-эй! Скоро на электростанции его смена наступит. Хорошо на охоте, а людям свет нужен! Э-эй! Э-эй!

Лыжи, мои лыжи, несите меня,
В родной Игрим несите меня.
Сегодня ошибся горностай,
А ошибаться больно.
Зажгу я людям яркий свет —
Пусть они не ошибаются!
Лыжи, мои лыжи, несите меня...

У РЫБАЦКОГО КОСТРА

И вот я у рыбацкого костра. Красная корова лижет черную корову. Отгадка этой загадки перед глазами: языки огня лижут прокопченный котел, висящий на перекладине. Веет смолистым дымком и душистой ухой.

Сосьвинская селедка... Долго ли ей надо вариться? Вкусная она и свежая. Бросишь ее живую в соль, а через часок

будешь чувствовать сказочную нежность золотой рыбки. А уха!.. Но я сегодня не об ухе, даже не о сосьвинской. У костра — люди, у костра — жизнь. А у жизни — своя история. История грустная, или веселая, или маленькая. Костер сам не любит молчать. Он отплясывает на смолистых ветках огненный танец, стреляет искрами, шипя и вздыхая, греет людей, кипит наваристый чай.

Но разве первый говорящий знает, какая дума у последнего? Костер любит слушать и других. Отдавая свое тепло, он навевает людям желание говорить, смеяться, исповедоваться. И перед глазами золотого огня оживает одна история за другой. И не только о рыбе.

— А я на рыбе вырос,— рассказывает Солвал.— И о ней моя главная песня.

Снится мне однажды, будто я в старое время живу и езжу на рыбалку не на моторной лодке, а на маленькой калданке. И в реку опускаю не плавные сети из крепкого капрона, а легкий калдан. Была такая ловушка у манси — молодым где ее знать! А калдан этот такой: на шест с камнем сеть в виде мешка нанизана. Опускают этот калдан на дно реки, по течению плывут. Зайдет в нее осетр — дернет ниточку. А эта ниточка на пальце рыбака. Целый день, бывало, плаваешь по реке, десятки раз поднимаешься вверх по течению, пока не дернется эта волшебная ниточка, пока не зайдет в калдан сам осетр. Поймаешь осетра — опять забота. Куда его сдать? Не было тогда ни плашкоутов, которые теперь в каждом уголке стоят, рыбу принимают. О рефрижераторах и ледниках и говорить нечего. Везешь этого осетра до самого Березова. А это, ни много ни мало, целых сорок—шестьдесят километров. Приезжаешь — идешь к купцу. Предлагаешь ему купить. «Нет,— скажет рыбопромышленник,— дороговато! Возьми пятнадцать копеек».

Умоляешь его, просишь посмотреть. Наконец он смотрит осетра. Вертит его с боку на бок. Икру ищет. В жабры заглядывает, на руках взвешивает. Чмокнет губами, подумает и скажет: «Нет, не возьму!»

Куда деть осетра? Пока рыбопромышленник дергал его, сдохла рыба. Сдохнет рыба — гнить начинает. Кому тогда она нужна будет? И соглашаешься. И за бесценок отдаешь осетра.

Старая эта сказка. Все старики ее знают. Старая сказка, а правдой ведь когда-то была. Тяжелое было время. И почему оно мне приснилось? Не потому ли, чтобы дети наше новое время ценили? Славное время для рыбака настало. Высоко ценится наша рыба, и рыбаку теперь большой почет. Все ему дают: и моторную лодку, и бензин не надо покупать. А комбинезон рыбака как одежда космонавта. Я космонавтов сам видел. В нашем клубе. В кино...

Хорошо теперь в поселке рыбаков в Елке-Шапке. Свет горит. Яркий свет, электрический. У всех рыбаков квартиры. Их рыбокомбинат построил. Раньше сами рыбаки строили, а теперь рыбак лишь рыбку ловит, а дома строит строитель. Так и должно быть у хорошего хозяина.

А у рыбаков Севера добрый хозяин — Загваздин Петр Николаевич. Работает он начальником Управления рыбной промышленности Сибири. Но я его называю хозяином. Человек на земле хозяином должен чувствовать себя! Если рыбак потеряет это чувство, в кого он превратится? В браконьера, в расхитителя даров природы!

Щедра природа, богата! В реках плещутся рыбы. В тайге скачут звери. Диву даешься: сколько их! Только человек-то сильнее! И придумал он много хитроумных ловушек. Если не по-хозяйски отнесется он, намного ли хватит щедрых даров наших рек и тайги?

Загваздина знаю давно. Новую жизнь Севера в одно время начинали делать. Я в маленьком колхозе работал. Загваз-

дин — на маленьком рыбозаводе. Я большим колхозом стал руководить, и Загваздину дали большой комбинат. А потом он дальше пошел. Целыми управлениями рыбной промышленности стал заворачивать.

Помню, приедет Загваздин на белокрылом катере. (О, тогда еще мало было катеров!) Не в правление колхоза идет, а к самим рыбакам. Расспрашивает их, в чем они нуждаются, слушает. И хотя не записывает в бумажку, все выполнит потом, как в сказке.

Загваздин приезжал к людям не просто так, а с подарками! Кому спецовку привезет, кому — рубашку, кому — добрую сеть. Хотя молодым был, а отцом быть уже тогда умел. И требовательным слыл. Сильно требовательным!

Кто откажет чуткому человеку? Кто не выполнит справедливое требование? Время было такое. Трудное время. Фронту рыбка нужна! Из-подо льда доставали, по два, по три годовых плана выполняли.

Зверь скачет в лесу, рыба в речке плавает. Без зверя жить нельзя: ноги лыжи потеряют, глаза зоркость потеряют — кто будет охотиться? Скучно будет... Без рыбы жить нельзя: без плеска рыб оглохнут уши, без пляски рыб и река замрет, мертвой станет. И человеку нечего будет ловить! Скучно будет... Земле нужен хозяин. Земле нужна голова.

Богат наш Север жиром земли — черной нефтью. Не расплескать бы ее по ручьям, не замутировать бы речки.

Богат наш край духом земли — горючим газом. Не продымить бы наши леса, не затмить бы солнце.

В лесу еще токуют глухари, а в Сосьве плавится сырок, хватая бабочек над плесом...

Когда жизнь человечья начиналась, спросили Торума: чем будут на земле питаться люди? Отец Вселенной ответил: в тайге дремучей — черные звери, в реке широкой — белые рыбы. Мудрыми будете — сытыми будете. Рыба — начало жизни и манси и ханты. Без нее они жить не смогут...

Если на столе нет строганины из нельмы и пряной сосьвинской селедки, то этот стол не мансийский. Если нет на столе малосоленого муксуна и ухи из осетра, то этот стол не хантыйский. Если на столе не лежит нярхул — трепещущая стерлядь с живой и сладкой кровью, — этот стол не мансийский, этот стол не хантыйский.

А уха из свежего зимнего налима! А сосиски из налиимьей печени! Если есть это на столе, то этот стол богатый, праздничный!

Ёхыл — сушеная рыба: сорога, сырок. Это лакомство.

Хор — сушеный щекур, или сырок, поджаренный на рыбьем жиру. Это тоже лакомство манси и ханты.

Варка... Рыбий жир из жареных рыбьих кишок. Варка с молотой черемухой украсит стол мансийский, сделает богаче стол хантыйский.

Вареная рыба, мерзлая рыба, сушеная рыба, жареная рыба, живая рыба — вот стол мансийский, вот стол хантыйский!..

Манси и ханты «на рыбе рождаются», на рыбе наливаются силой их руки и зреет зоркий ум.

Рыба... Живое, трепещущее золото. Реки наши не потеряли свою живую душу. Они плещутся рыбой, как и волнами.

В годы большой воды, когда Обь из берегов выходит, ой рыбы много бывает! Раз закинешь невод — и лодка полная, и вторая полная, и третья. Приемщики день и ночь работают. Не успевают принимать живое серебро. Плашкоуты чуть не тонут, ледники ломаются не ото льда, а от рыбы. Тысячи, десятки тысяч тонн вылавливают наши рыбаки за год.

* * *

Я вижу — не обойтись без справочника. А в нем такие факты.

В реках Обь-Иртышского бассейна сосредоточены основные запасы сиговых и осетровых. Рыбаки бассейна добывают две трети всей рыбы, вылавливаемой в реках всей Сибири.

В речных и озерных водоемах округа (общей зеркальной поверхностью около трех с половиной миллионов гектаров) из двадцати девяти видов обитающих в них рыб четырнадцать относятся к промысловым: осетр сибирский и стерлядь, муксун, нельма и сосьвинская сельдь, язь и щука, налим и окунь, плотва, елец, ерш.

По запасам язя и щуки Ханты-Мансийский округ занимает первое место среди районов Советского Союза. Уловы щуки в некоторые годы достигают десяти тысяч тонн, а язя — шести тысяч тонн. Мастера промысла дают ежегодно по семьдесят—восемьдесят тонн рыбы. Прославленный рыбак колхоза «Знамя Ленина» Ф. С. Терешкин выполнил шесть семилетних планов, выловив около четырехсот тонн ценной рыбы. Знатный рыбак Ханты-Мансийского национального округа И. Д. Скуляк трудится уже в счет 1985 года. Всегда высокие уловы в бригаде Полноводского рыбучастка, которым руководит потомственный рыбак коммунист Илья Сергеевич Шесталов.

Высокосортная обская рыба обрабатывается в цехах Ханты-Мансийского, Березовского, Сургутского рыбокомбинатов.

Сотни миллионов банок рыбных консервов с этикеткой ханты-мансийских предприятий идет не только во все концы страны, но и за рубежи нашей Родины.

* * *

Вот уха готова. Долго ли вариться маленькой рыбке — тугунку, нежной сосьвинской селедке? Опustiшь ее в горячую воду — и уха золотится от жира. Солвал-ойка вынимает из зеленого вещевого мешка большую алюминиевую чашку и пластмассовой поварешкой накладывает чуть потрескавшихся белых рыбок.

Хороша уха!

Солвал-ойка задумчиво глядит на сынишку, с аппетитом тянущего из деревянной ложки с узорами душистую уху. О чем

он задумался? Может быть, о том, будет ли его сын, так же как сегодня, любить уху, воду, где ловится эта рыба. Или его очаруют другие, более романтические профессии. Многие ведь так же, как он, росли на реке и всё позабыли: и древнее ремесло предков, и святое, бережное отношение к воде...

О чем думает сейчас рыбак?

Наверно, о том, что сын может вырасти добрым хозяином.

Приживутся ли нефть и сосьвинская селедка в одном краю? А человеку нужна и нефть и рыба. Не постигнет ли Обь и Сосьву участь других рек? Нам надо быть очень чуткими к природе, к ее богатствам.

Я думаю, думаю... И вправду, снятся людям города, космос, нефть... Но разве человечество забудет земные сны, разве в моем потомке не шевельнется душа рыбака?

* * *

И вот опять уже скрипят гребни, летит в волны невод, стреляет вода, стучаются о борт лодки поплавки — и над тихой вечерней Сосьвой вдруг оживает музыка:

Чешуей стальной сверкая, хэй-я,
Пляшет в струях рыба стая, хэй-я!

Может, эту песню поют еще голубоватые глаза Солвала, зорко следящие за каждым движением лодки. Знают они, эти глаза: закинешь невод чуть подальше — селедки не будет; чуть не дотянешь до положенного места — не будет золотой!

Лодка на полном ходу вскакивает на песок, за ней спешит шипящая волна, и руки рыбаков бегают — тянут невод, и босые ноги рыбаков бегают — тянут невод. Вот уже первые рыбы, застрявшие в ячейках. Значит, в мотне что-то будет. Даже одна-две селедки в ячейках. Неужели в мотне и сосьвинская будет? Глаза рыбаков сияют, как эта Сосьва под лучами заходящего солнца.

И правда, в мотне плещутся и серебряные сырки, золотистые язи, полосатые окуни, ершики колючие...

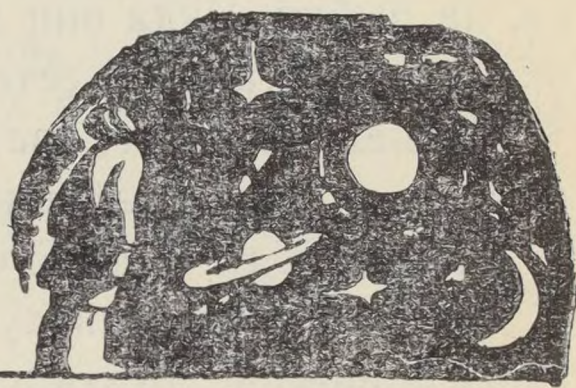
Среди этой суетливой «мелочи» величаво плавают рыбки снежной белизны, удивительного спокойствия. Это она, сосьвинская селедка.

И кому пришло на ум назвать эту нежную рыбку селедкой? И что общего у нее с тихоокеанской?

Еще зовут ее тугунком. А манси ее золотым мальком, рыбкой золотой величают.

Хорошо! Золотой нашей рыбки ведро, два, три... Много тугунка. Опять много! Спасибо Сосьве, что она подарила нам свое золото!

НЕ ЛОМАЙ КОСТИ

У всех одна радость... (Жизнь)

Дошел Мирсуснэхум до места, где небо и земля вместе сходятся. Смотрит — и глазам не верит: опять куда-то уходит небо, опять куда-то бежит земля. Неужели у земли нет края, а у неба — конца? Между небом и землей — огромная дыра. В нее вделан железный перевес¹, сверху донизу натянут. Зорким, ястребиным взором ее даже не заметишь. У перевеса кто-то сидит.

¹ Железный перевес — сеть для ловли уток, гусей. Ее вешают на просеке между деревьям.

«Убью! Убью!» — говорят его глаза, жаждущие добычи.

«Поймаю! Поймаю!» — трясутся его руки, видно задушившие не одного зверя, не одну дичь. Видно, ждет гусей, лебедей, уток.

Мирсуснэхум из кармана вынул шкурку железного ястреба. Забрался в шкурку, полетел прямо на железный перекладина.

Ударился Мирсуснэхум о стальные ячеи, а незнакомец опустил свою ловушку. Обрадовался, что поймал самого ястреба. Чуть не запутался Мирсуснэхум в стальных нитях, но успел их разорвать. Злой незнакомец бросился за ним, чтоб схватить его. Мирсуснэхум залез в шкурку щуки и нырнул в озеро.

Плывет по озеру и удивляется мертвой тишине. Ни всплеска, ни рыбки. Куда они делись? Запахло железом. И он опять оказался в стальной сети.

Вышел на берег, взад-вперед ходит, смотрит. Видит — домик стоит, рядом избушка на курьих ножках.

Пошел туда. В доме сидят старик со старухой.

— Э-эй! Мирсуснэхум, внучек! Крылатой ли птицей ты сюда принесен, рогатым ли зверем ты сюда доставлен?

— Растущий человек разве ездит по одним и тем же местам, разве плавает по одним и тем же водам?

— Садись, внучек. Будь гостем!

Вышла старуха на улицу, принесла уток, гусей. Ощипала их... Когда сварилось пахучее утиное, гусиное мясо, она сложила его в две деревянные чаши. Одну подала ему со словами:

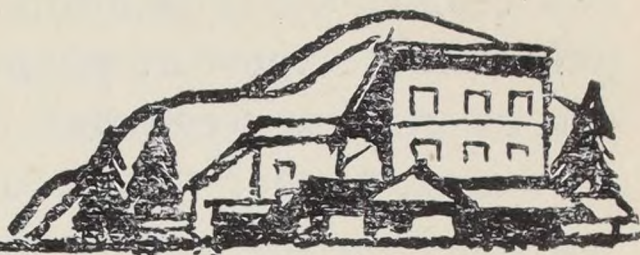
— Хорошенько ешь, внучек! Не ломай кости.

Поели, попили. Кости из двух чаш старуха сложила в одну, вынесла их на улицу. За домом озеро с живой водой. Высыпала она кости эти в озеро. А из воды вылетели живые утки, живые гуси.

— Хорошо! — молвил Мирсуснэхум. — Теперь я знаю: все

в мире кружится! Все рождается, умирает и вновь рождается... Только не надо ломать кости! Тогда вечно богатой будет наша земля!

М О Е Б Е Р Е З О В О

А

ночь в Березове белая. Пахнет цветущей черемухой и лиственницей, ароматной прохладой дремлющей в белой дымке Сосьвы. А в белую ночь березяне, кажется, не спят: где-то тарахтят моторы, видно, рыба пошла, на лиственном мысу музыка — школьники окончили школу, а на пристани веселые гудки теплоходов.

В белую ночь Березово встречает... Мать ждет сына со службы, сестра — брата из института, муж — жену и детей, едущих к нему на новостройку.

В белую ночь все Березово, кажется, на пристани. А пристань здесь особенная, северная. Теплоход подходит не к набережной, одетой в гладкий камень, а к барже с высокими бортами. Ее называют дебаркадером. Этот дебаркадер стоит рядом с другим, старым, пахнущим гнилой тайгой. К нему с далекого крутого берега, где голубеет деревянное здание вокзала, тянется дощатый настил. Длинным «мостом» возвышается он над залитым водой пологим берегом. Всю белую ночь с «моста» свисают тонкие удилища, а на темной воде плавают поплавки. Всю белую ночь под ногами встречающих и провожающих скрипят протертые каблуками доски, и кажется, «мост» поет. Здесь можно встретить друзей детства, старых знакомых, познакомиться с интересными людьми...

Отсюда-то мы и начнем наше путешествие в мое Березово.

На горе, слева от речного вокзала, среди старых домиков с зелеными палисадниками возвышается двухэтажное здание. Это новая средняя школа. Этого здания здесь не было. Милая сердцу картина детства ломается. Где тот кирпичный сарай, весь пестрый от ударов монет, которыми мы играли, греясь на весеннем солнце? Где тот почерневший дом с узорами на окнах, вокруг которого мы бегали, играя в наше любимое «пу-пу»?

А вы знаете, что такое «пу-пу»? Это игра нашего военного детства. Нет, мы не стреляли из луков и не кидались камнями. Хотя и снегу много, не лепили даже снежки. А свои полководческие способности побеждать неприятеля выявляли, «стреляя» словами. Простым «пу-пу». Все искусство заключалось в том, кто первый заметит и «выстрелит» — выкрикнет «пу!», назвав имя «врага». Если он ошибся, назвал не то имя, «враг» не «убит». Противник имеет право «стрелять».

А делились на две равные команды. И какая победит, «перестреляв» всех, получала почетное звание «красных», а побежденные — оскорбительное имя «фашистов».

Все, конечно, старались быть «красными». Шли в атаку, подбирали самый удобный момент, чтобы, прежде чем «погибнуть», «уничтожить» как можно большее количество «врагов», назвав их имена.

Эта игра воспитывала хорошую черту — честность, неприязнь к лгунам. Ведь часто противники встречались один на один. Кто первый выкликнул имя и произнес волшебное «пу»? Никто, кроме них, не может знать. И иногда случалось такое:

— Я не убитый!

— Нет, убитый!

— Наоборот, ты убитый! Ведь я первым сказал «пу»!

Разгорался жаркий спор. Прибегали ребята — «судьи». Выяснили, кто из них может лгать. Ребята могли ошибиться,

а те двое твердо знали, кто из них прав. И открывали друг в друге новые черты. А всем хотелось быть победителями. И чтобы судьи при разборе не присуждали поражения, ребята старались и в повседневной жизни в школе, и в интернате вести себя так, чтобы никто не подумал плохо.

Это была, пожалуй, игра не в войну, которая только что кончилась, а игра в честность! Все воспитанники нашего Березовского интерната в нее играли...

А вот и дом, в котором мы жили. Та же красноватая железная крыша. На ней часто был наш сигнальщик. Когда наступал ужин, он поднимал наш флаг, и мы бежали в интернатскую столовую. На чердаке был «штаб». Не мог я не подняться и сюда. Ведь на балконе этого чердака часто мы учили уроки, и, вглядываясь в просторы Сосьвы, Оби, серебрящиеся до горизонта под солнцем, мы мечтали.

Помню, перед самым окончанием школы мы стояли здесь с Ваней Неттиным и, глядя вдаль, давали клятву. О чем она? О верности родному народу. И чтобы мечты осуществились. А чтобы это стало явью, надо учиться, учиться дальше, может, всю жизнь. И об этом в той клятве было.

С тех пор мы не виделись с Ваней Неттиным. Был он хорошим комсомольцем, секретарем нашей школьной организации. Потом служил в рядах Советской Армии, работал на заводе и заочно учился в институте. Теперь он инженер на одном из заводов Ставрополя. Бывший рыбак, сын ханты стал инженером...

А вот доска, разрисованная завитушками. Нет, это не орнамент, а росписи воспитанников. Рядом с почерневшими от времени совсем новые.

Вот знакомые наши буквы — Н.М.В. Читаю, как по складам. Новьюхов Михаил Васильевич — догадываюсь. Миша Новьюхов! Он живет здесь, недалеко от Березова, в поселке. Работает зоотехником. Окончил Московскую зооветеринарную академию и вернулся на родной Север.

С.К.С.— читаю дальше. Это, конечно, Самбиндалов Кирилл. Он плавает в Тихом океане. Ловит рыбу. Главный технолог большого морозильного траулера.

М.Д.Е.— Миляхов Даниил Егорович. Учился в Ленинграде. Теперь сам учитель. В Свердловске работает.

Х.Т.Н.— Харамзин Терентий — работник Ханты-Мансийского горкома партии.

Росписей много. Многие получили путевку в жизнь в Березовском национальном интернате. И стали инженерами, врачами, учителями, знатными рыбаками, охотниками...

Я иду по улице, знакомой с детства. Под ногами, как и в те годы, клубится пыль. Улица хотя и центральная, еще не мощеная — те же самые деревянные тротуары.

А зимой по ней мы катались... На чем бы вы думали? Не на автобусах и «газиках», что снуют сегодня — их тогда здесь почти не было, — а на коньках. Под копытами лошадей и мчащихся полозьев снег затвердевал, и звенели коньки, как на льду. Бывало, несется по улице оленья упряжка, прицепишься к нарте, летишь по улице, как вьюга. А оленевод в белом меховом кувсе с узорами, размахивая длинным шестом-хореем, и не подозревает, что сзади него скользят «железные ноги».

И сейчас центральная улица такая же, одноэтажная. Старые дома с причудливой резьбой... Но нет, есть и новые. Вот просторная районная библиотека, широкоэкранный кинотеатр, новый магазин, ресторан «Сосьва» с гостиницей на втором этаже...

Впрочем, нового больше в Березове, как и везде. Там, где раньше мы собирали бруснику и сшибали с кедров шишки, сегодня вырос новый поселок. Двухэтажный. В квартирах газ. Тот самый газ, который волею геологов осенью 1953 года вырвался с ревом из недр и заявил о несметных богатствах Сибири.

Это было в сентябре. В полночь. Мы только что начали

457

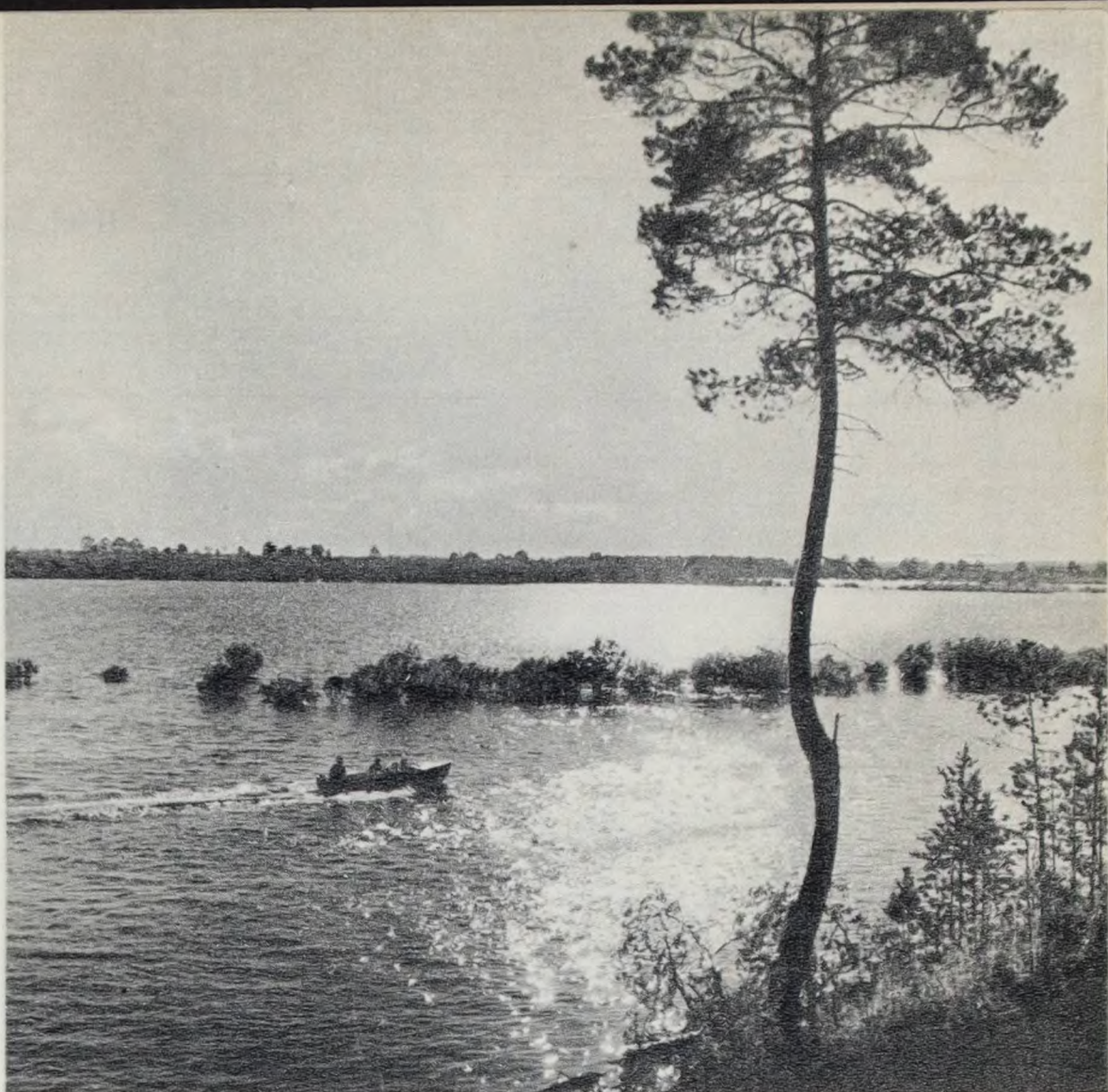

Памятник героям революции в г. Тюмени.

Молодой город Сургут.

В окрестностях Сургута.

Из кабины самолета
хорошо виден г. Хан-
ты-Мансийск.

Школа в Нефтеюганске.

Вертолет.

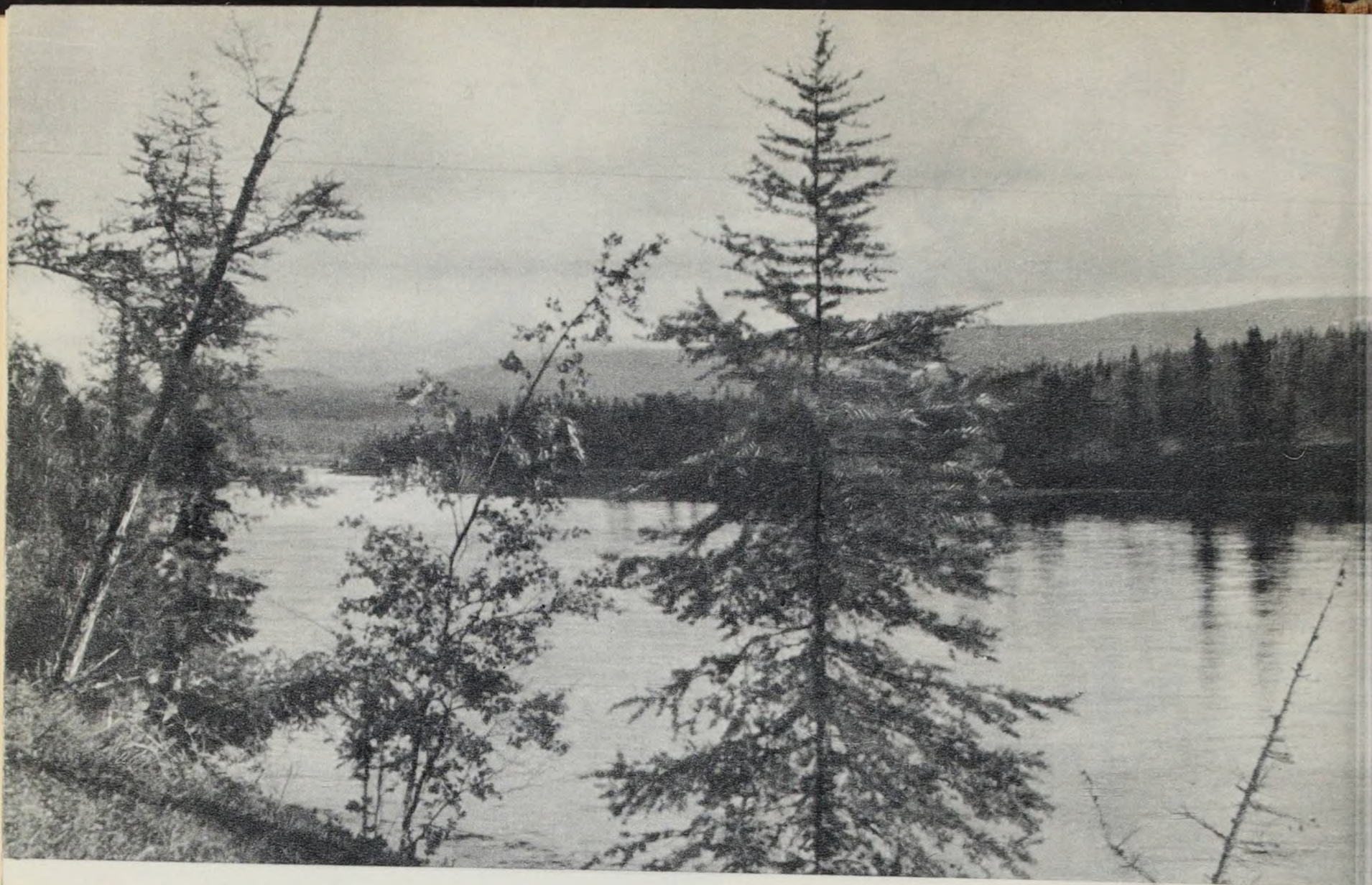

Сельская улица.

Л. Д. Чурилов — один из первых добытчиков тюменской нефти.

Река Сось, приток Оби.

Летний хантыйский чум.

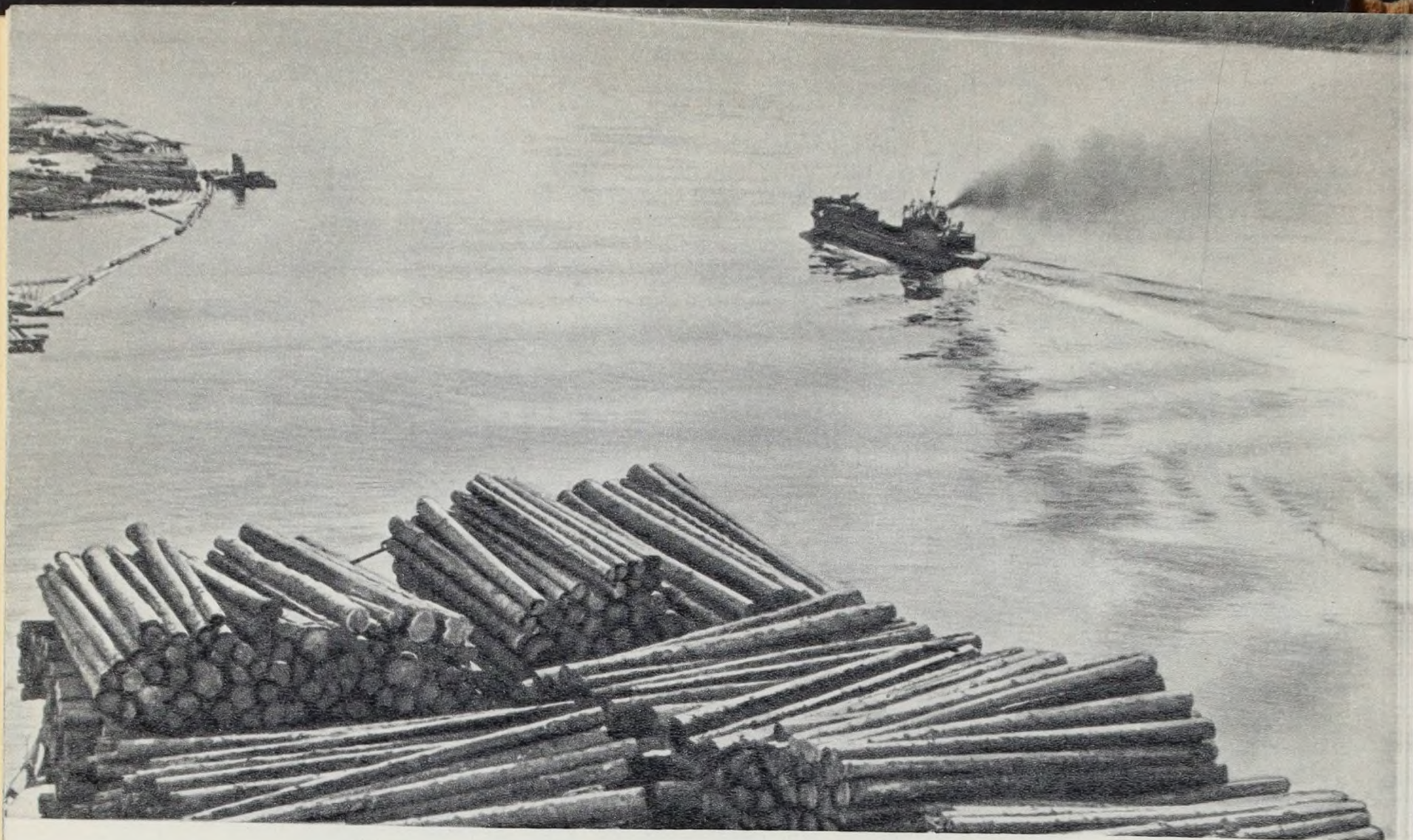

Горноправдинск — поселок нефтеразведчиков.

Мансийские женщины.

На Иртыше.

В тайгу пришли
лесорубы.

На лесных трассах Урай-
ского лесопункта.

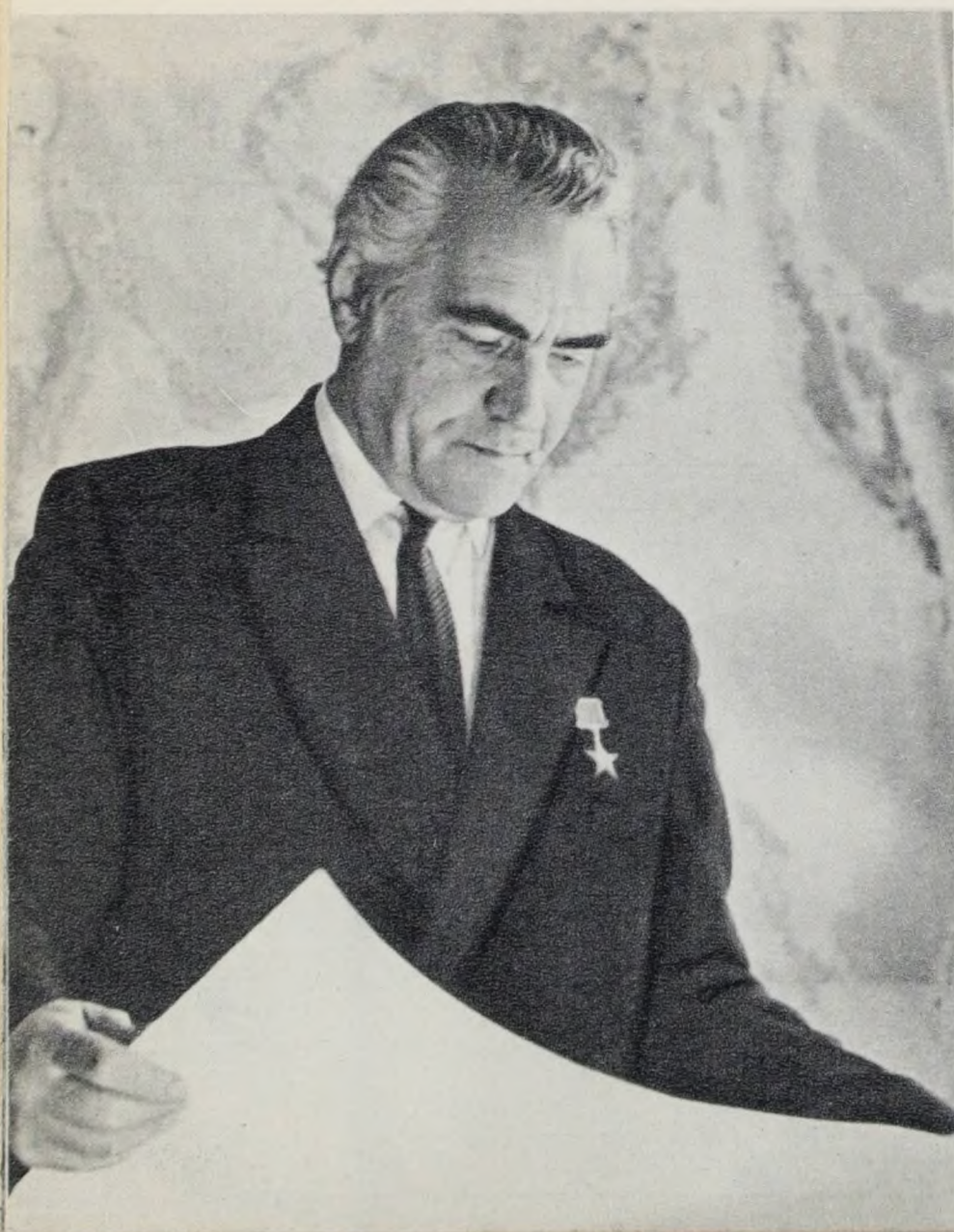

Река Конда.

Великая Обь.

Ю. Г. Эрвье, начальник Главного тюменского производственного ордена Ленина геологического управления.

Строительство нефтепровода.

Могучая техника помогает строителям-нефтяникам.

Соболь.

Оленеводы.

Каяры отдыхают.

Соревнуются в ловкости и силе.

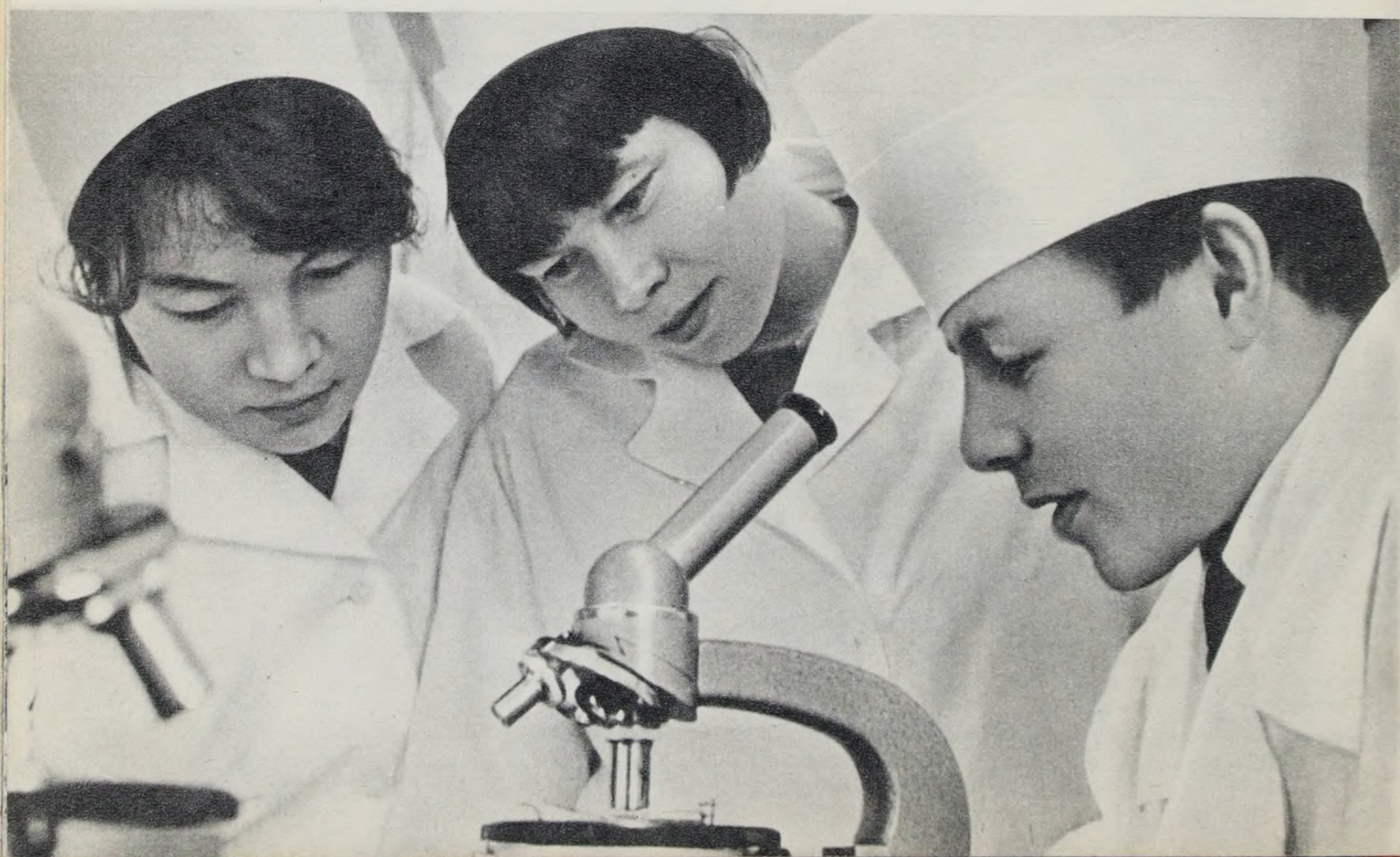

Молодой рыбак.

П. А. Вахрушев — заслуженный учитель РСФСР.

Они станут врачами.

Будущие учителя.

Веселое катанье.

Работа П. Шешкина, мансийского скульптора,
экспонировалась на выставке в Москве.

засыпать. Вдруг посыпались книги с полки. Грохот, шум такой, что ничего не слышно. Все соскочили с коек.

— Не медведь ли там ревет? — испугались малыши.

Все Березово было на ногах.

Откуда нам было знать, что это начало новой истории не только нашего округа, но и всей Западной Сибири. И край наш превратится в ударную стройку страны, в нефтяной гигант номер один, как потом назовут его во всем мире.

А у Березова есть и старая история. Когда подъезжаешь к поселку на теплоходе, в глаза бросаются зеленые лиственницы на крутом берегу. Это лиственный мыс. Это место березяне почему-то зовут садом, хотя, кроме танцплощадки, нет других признаков городского сада. Правда, по вечерам здесь под звуки баяна и радиолы веселится молодежь, в воскресные дни устраиваются гуляния и спортивные праздники.

А лиственницы, стройные и высокие, говорят, были священными. Об этом повествуют легенды манси и ханты.

На месте сегодняшнего Березова давным-давно стояло югорское городище Сумгут-вош — Березовый город. А на этом мысу древние приносили жертвы своим языческим богам.

Вековые лиственницы, как боги, стояли на этом мысу и стерегли тишину края. На их ветвях белые и черные тряпки — знаки жертв. Это белый и черный йир¹. Белый йир в лесу над жертвой значит милость добрым духам. Черный йир — жертва злему духу; кто-то робкою рукою повесил в час тревожный с надеждой на избавление от злодейств.

В тени ветвей — самострелы². Деревянные плосколицые идолы, стоящие вокруг огромного костра, стерегут избушки на курьих ножках — кумирни. Там сидит богиня, отлитая из золота. Зовут ее Сорни-най. Золотая женщина-героиня. А еще, говорят, звали ее Рáчей.

¹ Йир — жертва.

² Самострелы — лук с прикладом для метания стрел и камней.

У входа в кумирню стоит серебряная чаша. Все, кто подходит близко к ней с мольбой или с просьбой, бросает золото, серебро, монеты... Бросают монеты и в дупло трехкрылой лиственницы — трех лиственниц, восходящих из одного корня. До сих пор под горой попадаются монеты разных веков и стран.

Это не та ли знаменитая «золотая баба», о которой писали книги, составляли трактаты и место ее «жизни» заносили на географические карты древности? Это не тот ли «Великий идол Зауралья», которым интересовались на Западе — Англия и Франция, францисканцы и священная Римская империя? Это не та ли статуя из золота, как утверждают некоторые ученые Запада, вывезенная из Рима в 410 году, после захвата его племенами готтов?

Не отсюда ли следует идти дальше вездесущим неустанным следопытам, до сих пор не прекращающим поиск «золотой богини» и стремящимся разгадать таинственную загадку прошлого?

Неизвестно, была ли это статуя, и действительно ли она из золота, но в глухих деревеньках старые манси до сих пор поклоняются своей Сорни-най. И даже в обыденном разговоре вздыхающих старух то и дело повторяется: «Сорни-най!» — «О боже!»

Сорни-най и другим духам здесь устраивались щедрые жертвоприношения. Представьте картину. Вот стоит белая лошадь. На ее спине ковер с узорами. А расшили его искусные руки шамана-художника. Семь дней и ночей он «рисовал» иглой волшебные узоры духа, которому предназначена эта жертва.

А для чего эта жертва?

Чтобы к рыбаку шла рыба, а к охотнику — зверь и больные выздоровели. Кровью убитой лошади, оленя или курицы мазали рот Сорни-най и других духов. Голову варили тут же на костре. Шумные пиршества и пляски под гром бубнов не

прекращались ни зимой, ни летом. Вольготно было шаманам, в карман которых текли дары рыбаков и охотников.

Потом пришли ратники воеводы Никифора Траханиотова. На месте древнего города они построили новый. Окружили его деревянной башней и глубоким рвом. Построили церковь и стали крестить. Это было в 1593 году.

Богиня Рача, по легендам, не далась в руки несшим крест, бросилась в Сосьву. Но это видели только глаза «неверных». А на самом деле она незаметно исчезла и ушла в глушь: велика и необъятна тайга!.. А на месте святого места попы построили церковь и стали крестить идолопоклонников.

До сих пор в саду стоит белое каменное здание. Говорят, на этом месте была бревенчатая часовенка князя Меншикова, который отбывал ссылку в Березове. Позже построили каменную. И дом его был на этом мысу, и могила.

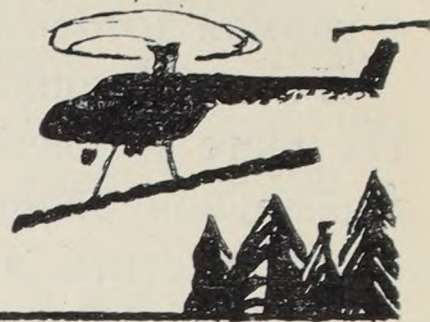
Раньше цари ссылали в Березово крамольных людей, стрельцов-мятежников, декабристов. Даже пушки Пугачева, рассказывают, сюда сослали. На этом мысу, говорят, стояли они. Их наказала Екатерина II, чтобы не смели тревожить больше ее императорское величие...

В школьные годы мы, члены исторического кружка, пытались найти пугачевские пушки. Но берег обвалился. На мысу выросли какие-то хозяйственные постройки. Под ними, быть может, и покоятся крамольные пушки.

История Березова полна подъемов и падений. То селение становилось городом, то селом, то центром огромного края, то обычным захолустьем вдали от путей и дорог, по которым движется и развивается жизнь.

Такой была история и Сургута и Нижевартовска, ставших теперь центрами нефтяных районов, запасы которых могут соперничать только с самыми крупными месторождениями мира.

ШАИМСКИЙ ОРНАМЕНТ

*Когда дым из чума к земле
идет — мороза не будет...*

— А это что плывет? — шепчет старуха, вглядываясь узкими глазами в небо. — Как курк, большая, злая птица. Она уносила в клюве красавиц из мансийских деревень... Или это мне просто кажется? — любопытствует девяностопятилетняя мансийка.

— Что ты опять, старая, мелешь? — возмущается сухощавый, с реденькой рыжей бородкой* мужчина. — Это же вертолет. Я тебе показывал. Пора уже привыкать.

— Та птица была маленькой. А это?

— Это вертолет «МИ-6». Он таскал трубы для нефтепровода Шаим — Тюмень. Помнишь, когда было много шума. Теперь «МИ-6» у нефтяников.

— И зачем нужны эти трубы? Зачем над чистыми головами людей поднимать такое железо?

— Наша шаимская нефть поплыла по этим трубам до самой Тюмени.

— Растут, что ли, эти птицы? В тот раз маленькая летала. С каждым днем все больше и больше становятся. Не займут ли все небо, не заслонят ли собой наше солнце? И что будет на этой земле?

— Город Урай будет. Вот уж он сегодня какой! Сколько за один год понастроили! Десятки тысяч народу собралось. Столько нет даже манси на земле! — объясняет старой матери вчерашний рыбак и охотник.

— А что-то ты, сынок, не стал приносить домой свежей рыбы! — вздыхает старуха, посасывая трубку, сделанную из старого охотничьего патрона.

— Не до рыбы нам теперь. Новым людям показываем, как лучше провести тракторы к точкам бурения. С вертолета-то они видят хорошо, а на земле иногда еще путаются. В болотах застревают тракторы.

— А как зовут этих твоих новых людей?

— Нефтяниками!

— А, это о них теперь так много говорят, песни поют, рассказывают легенды. И чем они заслужили такое внимание? Разве они следопыты-соболятники? Или могут покорить своей мудростью и силой самого медведя и устроить на радость всем веселый медвежий праздник, где оттачивается острие мудрых слов? А может быть, к их рукам плывут самые главные рыбы — осетры? Ведь когда рыбак держит в руках осетра с зубчатой спиной, кажется, что в его руках покоятся зубчатые скалы крыши земли — Урала. Как не запеть его руками сложенную песню, его руками сказанную сказку!

— Нет, они по следу соболя не ходят, медведя не боятся, рыбу покупают в магазине! — смеется манси, удивляясь, как это его мать не понимает, что новая жизнь пришла на древнюю землю таежных охотников и люди заняты новыми, тоже важными делами.

* * *

Урай... Что это за слово?

— У-рай!.. — говорят участники казанского студенческого строительного отряда, строители Урая.

— «Урай» по-мансийски — «старица», — говорит мой новый знакомый, коренной житель этих мест.

— Урай — большая нефть, — говорят нефтяники.

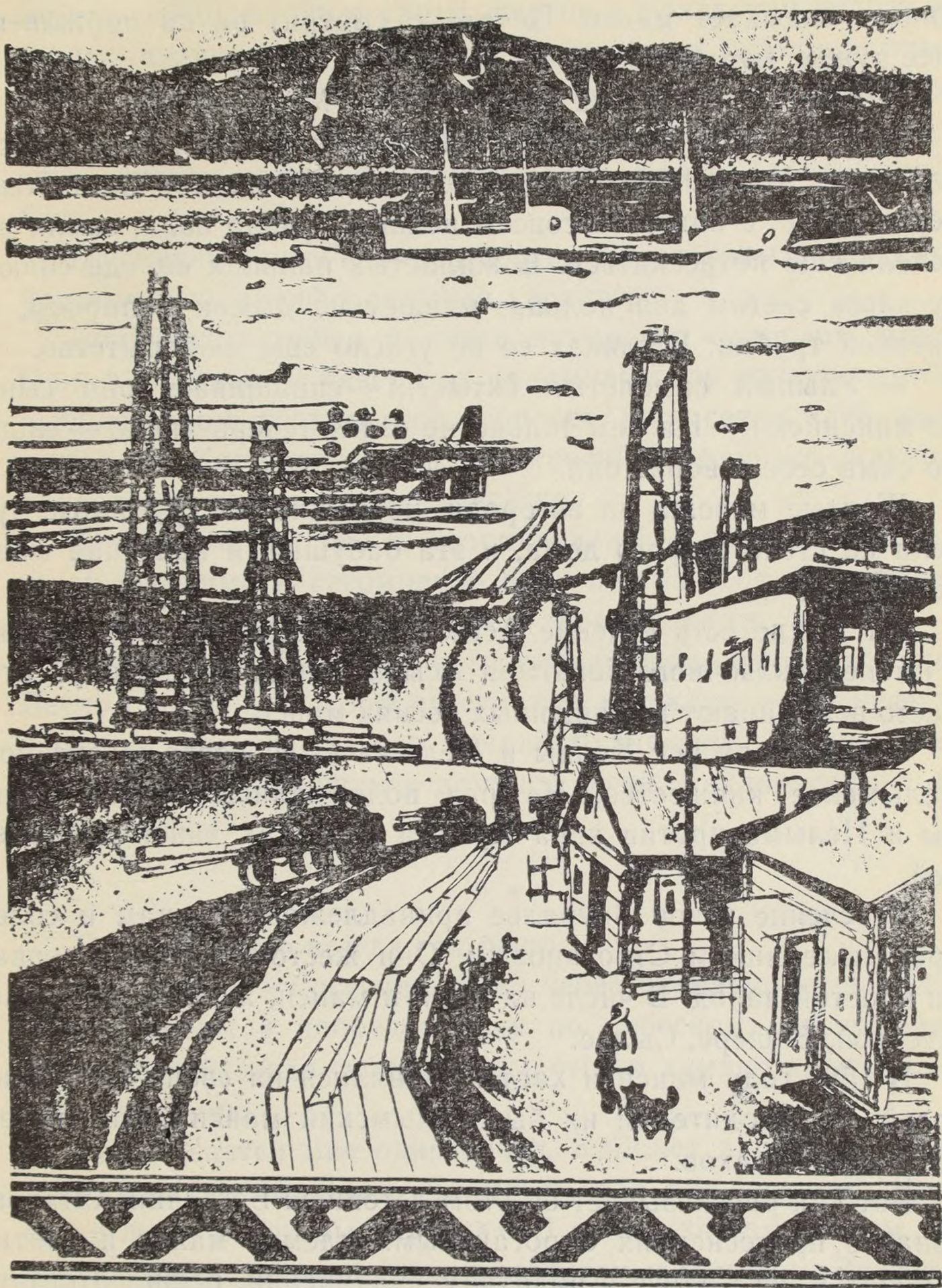
Сначала пришли в Урай лесники, потом геологи, а теперь нефтяники, буровики...

В первый раз я здесь был в сентябре 1964 года. Разгрузка барж, монтаж буровых, звон топора... Буловики днем бурили, а вечером строили себе жильё.

Урай воспринимался тогда большим стойбищем из зеленых вагончиков. Днем и ночью урчали стада железных оленей — бульдозеров, тракторов, «ЗИЛов»...

И вот я снова в Урае. Так же шумно пасутся на улицах, окраинах железные олени. Но рядом со стойбищем из зеленых вагончиков выросли двухэтажные дома, пахнувшие смолистой сибирской сосной. Это дома буровиков, нефтяников, строителей. А рядом уже растут многоэтажные каменные дома. Первое заседание городского Совета превратилось в народный праздник. И как же не праздновать! Ведь все построено своими руками! Там, где год назад стояли кедры, выросли дома; где льнули к берегу юркие рыбацкие лодчонки, громоздятся баржи, речные трамваи, катера; там, где сушились рыбацкие сети, развеваясь на ветру на крылатых вешалках, как огромные журавли с длинной шеей наклоняются к баржам краны; там, где сияли лишь одинокие костры охотников да холодные звезды, сегодня зарево электрического света...

Я с трудом нашел старую часть Урая с почерневшими от времени домами. С трудом нашел я и дом моего нового знакомого. Может быть, остатки старого, выцветшего невода, выброшенного на изгородь, подсказали мне, что здесь живет манси? А может быть, чучела, висящие на стене дома, небрежно выструганные чучела (так идолов манси строгают!) заставили остановиться? А может быть, голос ласковой лайки, выбежавшей навстречу, разбудил в сердце сны охотничьего детства? Словно издавека-далека, из какой-то сказки, я услышал вдруг голос моей лайки Хáнси, свежесть первой пороши с узорами собольих лапок, пляску золотистых белок на курчавых ветках кедра словно вновь увидел... И я вошел в дом.

— Двадцать два года ходил за зверем! Теперь его стало мало,— вздыхает манси. Печально смотрит он на поржавевшее ружье, которое висит на стене.

— Олень, лось — как рогатый скот. Много было!

На сундуке у стены сидит бабушка в повязанном накрест платочке. Морщинистое лицо ее мне напоминает глинистый берег речки, с которого совсем недавно сошла вода, земля не успела еще потрескаться. В жилистых пальцах ее, где сияют тусклым светом два кольца, пляшет не дымок папиросы, а древней трубки. В глазах ее не угасло еще любопытство.

— Улыпыл самолетыл ёхтыс?..¹ — спрашивает она сына по-мансийски.— На чем только не ездят теперь люди! — словно сама себе говорит она.

Желтые мережи на изгороди, небрежно выструганные чучела на стене старого дома, и эта бабушка, и напевная мансийская речь...

На Конде есть селение Асык. Не связано ли это селение с именем сказочного богатыря Асыки, борца за свободу? Его часто вспоминают в священных песнях манси.

В бассейнах рек Конды и Пелыма было когда-то сильное Пелымское княжество. Не раз поднимались жители Конды и Пелыма против хана Кучума и других ханов-угнетателей.

В течение веков Зауралье принадлежало купцам и солепромышленникам Строгановым. Они жестоко эксплуатировали простой народ. В числе их были и манси, жившие по рекам Чусовой, Вишере, Сылве.

В 1581 году манси и ханты поднялись на своих притеснителей. Предводителем их был пелымский мансийский князек Бегбелий Ахтахов.

Вот как рассказывает об этом летопись: Бегбелий Ахтахов, узнав о притеснениях Строгановыми племен манси и ханты, бывших у него ранее в податном подчинении, решил отстоять

¹ Наверно, на самолете приехал?

своих подданных и, собрав в отряд «немалое число» (по летописи — 680) манси и ханты, перешел Уральский хребет, «нечаянно подошел под Чусовской Строгановых городок и оттоль, учиня нападение на Сылвенский острожек и прочие села и деревни, многие выжег и разорил, убийство учинил... и получа добычу несколько мужска пола людей, назад было побек».

Движение ханты и манси против Строгановых имело освободительный, антифеодальный характер.

Кондинских манси в науке называют «южными манси». Они, в отличие от северных, занимались не только охотой и рыболовством, сбором ягод и орехов, но и сеяли хлеб, разводили скот. Кондинский диалект мансийского языка сильно отличается от северного сосьвинского.

Южные манси теснее соприкасались с татарами, а позднее с русскими и несомненно ощутили на себе их влияние в большей степени, чем северные. Такова история.

Теперь же кажется, будто вечно были здесь нефтяники. Вечно бродили по тайге огнеглазые великаны — буровые; как мамонты древние, всегда урчали бульдозеры; а над рекою, как огромные журавли с длинной шеей, наклонялись к баржам краны...

* * *

На этой земле всегда так было.

Как только на осеннем снегу небес появляются рыжие лисенята-звезды и побредет луна по небесному снегу, считая своих зверей, люди собираются у огня и думают свои длинные вечерние думы.

Вспоминается мне один вечер. Кабинет директора Шаимской конторы бурения. Длинный стол под сукном. Вокруг стола люди в меховых куртках. В ярком электрическом свете куртки поблескивают. Пахнет мазутом и железом. За сиреневыми окнами бушует буря. Но ее никто, кажется, и не слышит.

В кабинете тоже буря. Буровые мастера, монтажники, транспортники собрались на разнарядку.

— Скоро ли закончится отделка общежития на новой, Теревской площади? — задает очередной вопрос директор конторы бурения Абзай Гизатович Исянгулов.

— Холодно!...

— Спальные мешки есть?

— Мало!

— Сколько нужно?

«О каких обыкновенных «мелочах», оказывается, приходится говорить буровикам на разнарядках! — думается мне. — Совсем как у костра после охоты».

Словно угадав мои мысли, Исянгулов продолжает:

— Это, товарищи, не мелочи! Рабочим надо создавать условия.

* * *

В кабинете главного инженера Якуба Мохамметовича Шамсутдинова звучит башкирский язык.

— Новая Башкирская республика! — шутят в Урае.

— Когда-то на Волгу осваивать второе Баку вот так же пришли нефтяники Азербайджана. Передали свой опыт нам, — говорит Якуб Мохамметович. — А вот теперь и наша очередь передавать опыт добычи нефти. Мы и пришли сюда из Башкирии...

Хорошо в конторе главному инженеру, а на буровой лучше. И полуглиссер мчится по бурым волнам таежной Конды, рассыпая радужный бисер. Кажется, даже волны пахнут нефтью, торфом, болотом. Мелькают сосны, глядящие в реку. Золотятся песчаные отмели в лучах скупого, осеннего солнца. И рыбаки, словно коряги на отмели, застыли в ожидании, когда «золотая» клюнет. И мы летим...

Показалась первая вышка. Нет, она совсем непохожа на мамонта древнего, четырьмя ногами вкопанного в землю. Она

легкая, изящная! Древним мамонтом мне когда-то показалась знаменитая березовская вышка, давшая миру первый сибирский газ осенью пятьдесят третьего года. Далеко шагнула техника!..

Буровой мастер Шакшин Анатолий Дмитриевич. Высокий, сухощавый, неразговорчивый. Может быть, оттого, что всегда в лесу и «разговаривать» приходится чаще с буровой? А на устах у нее гул моторов и песни ветра... А так хотелось бы услышать и о Москве, где он участвовал в работе конференции советской общественности в защиту мира, об интересных встречах и о том, как идет соревнование с Урусовым.

Урусов... Кто он такой?

Вы видели нефть? Зеленовато-коричневую с золотистой пеной жидкость. Аромат какой! Нефтяники утверждают, что с запахом нефти не сравнятся даже самые дорогие духи.

Не будем спорить. Им виднее. Раз с таким упорством они ее ищут — значит, она чего-то стоит. В непроходимой тайге ищут, в ледяной земле — тундре — ее ищут. При пятидесятиградусном морозе не отступаются от мечты. Тело зудит, будто по нему крапива скакала, жгучие комары жгут, но упрямые разведчики не отступают.

Девять долгих лет и Урусов искал сибирскую нефть. Девять вечных лет он со своей бригадой бурил и каждый раз впустую: ни одной живой скважины. Сколько бессонных ночей! Сколько ожиданий! Но она все не являлась...

И все же аромат нефти вдохнуть первым было суждено ему, Урусову Семену Никитичу. Это случилось здесь, в глухой шаимской тайге, весной 1960 года. Забил фонтан, один, второй, третий... Потом Урусов станет депутатом Верховного Совета РСФСР, станет Героем Социалистического Труда, лучшим скоростником страны, но главным его именем останется: первооткрыватель тюменской нефти!

Урусов и Шакшин — два командира, два мастера. Только один — буровик-разведчик, другой — буровик-промысловик.

Один ищет нефть, а другой найденную нефть подготавливает к добыче. Без второго открытые запасы будут мертвыми. А бурить тому и другому надо. Вот и состязаются. За одно и то же время чья бригада больше метров пробурит, кто быстрее буровые вышки построит. Экономия средств и времени. Понятно это, наверное, не только экономистам. В первый год Шакшин уже «наступал на пятки» опытному буровика, изучившего все капризы Севера. Учился Шакшин и смотрел дальше. Присматривались буровики к Северу, к старым разведчикам, приспособлялись к суровым условиям и старались найти «свой почерк».

Башкирию осваивали десятки лет. Такие же темпы для Сибири пророчили некоторые скептики. Мороз, болото, бездорожье, комары.

Казалось бы, все слухи имели реальную почву. Но скоро буровики-промысловики стали нащупывать «свою походку». Потом они создадут свою систему, сибирскую школу бурения.

Уже в 1966 году бригада Шакшина достигла выдающихся успехов. Она пробурила за год 40 161 метр, а бригада прославленного первооткрывателя шаимской нефти — 29 325 метров. А. Д. Шакшину присвоили звание Героя Социалистического Труда, избрали депутатом Верховного Совета СССР. Не отставали и другие бригады Шаимской конторы бурения. Бригады прославленных ныне буровых мастеров Григория Петрова и Сабита Ягофарова не раз потом обгоняли Шакшина, не раз ставили новые всесоюзные рекорды бурения. Рабочие бригад Шакшина, Петрова, Ягофарова добровольно приняли на свои плечи двойной груз. Каждый работает за двоих. Сократились затраты на бурение. Они составляли половину себестоимости нефти. В таежном Шаиме родился не только трудовой подвиг, но и новая организация труда, новая технология в бурении.

Щедра земля не только кладами, но и богата чудо-богатырями, которые преображают ее.

В 1964 году — первом году промыслов — было добыто две-сти тысяч тонн нефти, в юбилейном году — более пяти с половиной миллионов тонн. Ныне по ежегодным приростам добычи тюменские промыслы занимают ведущее место в нефтедобывающей отрасли страны.

А что такое тюменская нефть?

Сравним Тюмень с Баку. Немногим более двадцати миллионов тонн «черного золота» давали бакинские промыслы в самые «горячие» нефтяные годы. А Тюменская область в 1970 году дала Родине более тридцати миллионов тонн нефти. А в 1975 году по Директивам XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану добыча нефти в Западной Сибири достигнет ста двадцати — ста двадцати пяти миллионов тонн.

Лет через десять Тюменская область станет самым крупным нефтегазодобывающим районом страны, так утверждают ученые.

В мире всего двенадцать стран, где ежегодная добыча нефти превышает двадцать миллионов тонн.

Если хорошо присмотреться к цифрам, сравнить их друг с другом, то, наверно, станет ясно, что такое тюменская нефть.

Вы скажете, при чем тут тюменская нефть, ведь речь в этой книге идет о Ханты-Мансийском национальном округе. А дело все в том, что вся так называемая тюменская нефть добывается на территории Ханты-Мансийского округа. Сургут, Урай, Нефтеюганск, Нижневартовск, Игрим — основные центры нефтяных и газовых районов — города и рабочие поселки округа.

* * *

На шаимской земле я впервые увидел шагающую по тайге буровую вышку. Я не оговорился — шагающая вышка.

Над тайгою то замирает, то гремит громом. А дирижирует новой мелодией тайги бригадир монтажников Николай Иванович Литовченко. Вот он стоит в выцветшей то ли от солнца, то ли от хлопьев глины спецовке.

Тишина. Слышно даже полет комара. Взмах руки. Тонкий свист. Дружно зарокотали тракторы, натянулись тросы. Вздогнул стальной великан, что-то прозвенело наверху, но буровая не сдвинулась с места. Болото под ногами хлюпает. Монтажники, трактористы собираются на совет. Лица их оживленны, а тайга молчит.

Потом оживают бульдозеры. Как зубастые звери, они впиваются в землю. Валятся сосны и ели, укутанные в игольчатую шубу, перед железными зубами со стоном куда-то ползут. И земля, недавно глядевшая живыми глазами брусники, зелеными листиками морошки, седая земля с белеющими волосами мха, глядит уже мрачными глазами торфа, слизана она вся, причесана. Скоро по ней поползут тракторы. Тонкий свист бригадира, властный взмах руки, говорливый танец пальцев — и буровая вздрагивает и медленно, словно нехотя, поворачивается к прорубленной просеке. И стальной великан, похожий на скелет гигантского чудовища, по тайге шагает. Шагает и качается, но не падает. И мне кажется, что сосны и кедры дрожат, боясь, чтобы он не свалился, не задавил их, оставшихся. И я, как заколдованный, смотрю вслед великану, который повинуется взмахам рук вышкомонжника Литовченко.

Удивленно смотрит земля красными глазами брусники. Смотрит земля на железного зверя, который без страха шагает по гнущейся мшистой ее спине. И, словно карлики перед великаном, вздрагивают могучие кедры. И крыльями радости машет мое сердце перед ним, замирая на полном лету. Душа моя будто лает удачливой лайкой, нашедшей много-премного белок, и прыгает она от восторга — ибо на чудо сейчас я гляжу. Взмахнет дирижер — и стальные олени зафыркают. А великан покачнется, железными ребрами зазвенит, шагнет, повинуюсь рукам человека, его говорящим и мудрым рукам.

И запомнился мне еще один вечер. Скользящий по волнам полуглиссер. Вечерняя прохлада берегов Конды. Темно-голу-

бое небо, звезды с кедровыми ресницами. Огни буровых. Тайга, словно черная красавица, убранная сверкающими бусами.

Новая тайга. Может, в первый раз я ее такой вижу. И Конда в бусах. И она даже ночью не спит. Вся она в движении: по ней плывут нефтеналивные баржи, бегут катера, плывут вездеходы, летят полуглиссеры...

Нефтеналивные баржи плавают по Конде. И по тайге не охотники ходят, а железные чудо-великаны. Волшебники пришли на древнюю землю. И по-новому зазвучали старые мансийские слова: «Шаим», «Урай»... Только ли одни слова по-новому зазвучали?

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

— Моя загадка: по дереву красная лисица бежит.

— Это огонь. Какой манси не знает! Вот он несется вверх по чувалу¹.

— А и правда: языки огня похожи на лисиц. Скачущие лисицы. Красновато-золотистые.

— Хорошо у чувала — огонь не прячется.

— А у нашего учителя печь каменная.

— Не каменная, а кирпичная. Кирпич люди сами сделали, а камень на берегу речки валяется. Дикий он, как и деревья.

¹ Чувал — очаг, примитивная печь из обожженной глины.

— Моя загадка: какая печь лучше?

— Это кому как: русским, наверно, белая печь, она не дымит, как чувал. А нам, манси, наверно, без чувала плохо будет.

— Почему?

— Огонь спрячет свой танец. Глаза радость потеряют. И загадки загадывать, может, не захочется... Моя загадка: а почему одна сторона чувала почти до потолка открыта?

— Разве это загадка? Думать-то здесь над чем? Наверно, потому чувал открыт, что от него светло в юрте. Без огня ночь стояла бы.

— Моя загадка: в углу дремучего леса стоит чаша со строганиной из нельмы, со строганиной из осетра.

— О, это то, что кушает чувал. Вот они валяются, твои стружки. Сытым будет чувал. Много ты настрогал!

— Моя загадка: хорошей ли едой питается, плохой ли едой питается, а в свой дом заходит.

— Так это нож заходит в ножны... Что ты строгаешь?

— На черный лук натянута острая костяная стрела. Отгадай!

— Костяная стрела... Наверно, это клюв. А какой птицы, не знаю.

— Тогда еще: мужчина в черном кувсе¹ за ночь облазает верховья семи лесных речек, собирая камешки.

— А, глухарь! В его зобу бывают камешки. Как надуешь этот зоб, прозрачный, легкий шар получается. А камешки внутри глухо позванивают.

— Я глухаря и вырезаю.

— А я знаешь кого?

— Пока не знаю. У тебя ведь еще ничего не получилось.

— Тогда моя загадка: в дремучем лесу серебряная дубина валяется.

¹ Кувсь — меховая рубашка с капюшоном, мехом наружу.

— Любой манси знает такую загадку. Медведь.

— А я не такого хочу вырезать. Не дубину, а страшного, черного, как коряга. Под ветвями притаился он. Вот-вот набросится. Увидишь — и задрожешь, как голый на морозе. Стра-а-ах!.. Сам дрожал. От коряги убежал, думал — медведь...

Похрустывал под лыжами снег, сыпался радужной пылью с отяжелевших веток снег, тенями деревьев разрисован солнечный снег. Но не его сегодня видел Петр Ефимович Шешкин. Коряга, выглянувшая из-под зеленовато-заснеженных ветвей ели, ему напомнила детство, вечера у чувала, приятеля, который любил задавать причудливые загадки. А может, сейчас мир этих загадок стал казаться причудливым? Книги сельской библиотеки, которые он все перечитал, может, изменили этот волшебный мир мансийских сказок и загадок, который когда-то казался таким привычным и обыкновенным?

А теперь в жизни будто загадок и не стало. Все ясно, просто, гладко, кругло...

И он, Петр Шешкин, вырезал много фигур. Простым перочинным ножом ковырялся, охотничьим резал. Из осины вырезал, из ели пробовал. В дереве продолжали драться россомахи и волки, рычали рыси, хозяевами тайги старались быть медведи, поднимали рога лоси, слепыми оставались большеглазые филины, рвались в небо орлы.

В дереве оживали рыбаки, добывающие рыбу из-под льда; охотники, сдающие шкурки пушистых соболей; оленеводы, пасущие стада оленей. Но тот причудливый мир словно растаял. Может быть, это оттого, что жизнь манси теперь становится другой, не похожей на древнюю. И это правда. Но ведь тайга-то осталась. На заре так же токуют глухари, резвятся белки на ветвях, храпят в берлоге медведи. И таежные речки все так же бегут к Оби. А великая Обь плавно, не торопясь несет свои воды на север, к самому Ледовитому океану. И рыбы плещутся, как много веков назад. А бобры валят столетние

кедры и строят хаты, сооружают плотины, купаются в своем «море». Бобры... О, какой у них ворсистый, золотистый мех! Они снова появились в таежных речках. Они так же, как прежде, катаются с гор, ловят в прозрачных струях юрких рыб. И медведь не ушел из тайги. Куда ему, зверю, уходить? И хотя манси уже не считают его хозяином тайги, но все же медвежий праздник справляют. Правда, не всюду, а лишь в глухих, таежных деревнях.

В деревне Ломбовож, где живет Петр Шешкин, можно и сейчас побывать на представлениях, загадочных и таинственных, где сказка и жизнь слились, играя одну игру. Это не праздник медведя, а народный театр. Своеобразный театр. Большое искусство народа. Об этом еще Лев Толстой говорил: «И недавно я прочел рассказ о театре у дикого народа вогулов. Одним из присутствовавших описывается такое представление: один большой вогул, другой маленький, оба одеты в оленьи шкуры, изображают — один самку оленя, другой детеныша. Третий вогул изображает охотника с луком и на лыжах, четвертый голосом изображает птичку, предупреждающую оленя об опасности. Драма в том, что охотник бежит по следу оленьей матки с детенышем. Олени убегают со сцены и снова прибегают. Такое представление происходит в маленькой юрте. Охотник все ближе и ближе к преследуемым. Олененок измучен и жметя к матери. Самка останавливается, чтобы передохнуть. Охотник догоняет и целится. В это время птичка пищит, извещая оленей об опасности. Олени убегают. Опять представление, и опять охотник приближается, догоняет и пускает стрелу. Стрела попадает в детеныша. Детеныш не может бежать, жметя к матери, мать лижет ему рану. Охотник натягивает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают, и в публике слышатся тяжелые вздохи и даже плач. И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства».

А вот каким бывает этот праздник охотников сейчас.

Пух! Пух! Пух! — раздаются выстрелы.

Пух! Пух! — говорят ружья.

— Сколько выстрелов?

— Семь.

— Значит, низвели «его».

Медведя не называют, а величают иносказательно: «он». И не говорят «убили», а «низвели». Услышит медведь — обидится. Зачем обижать родственника? Манси и ханты думали, что медведь предком людей является. Только он живет в лесу. Поэтому называют его Вóртолнут — в лесу живущий значит.

Сейчас никто не верит, что от медведя произошли люди. Но старая традиция еще осталась. Хорошо ли, плохо ли, кто знает. Только встречать медведя интересно не одним детям, но и взрослым. И как же не интересно, если в снежки играют даже старики. И снегом моют друг друга, и водой опрыскивают. И собаки лают, носятся радостные, как и охотники.

Снимут с медведя шкуру, и самый искусный мастер делает чучело медвежьей головы. Поставят голову медведя на «священный» стол, заиграет пятиструнный санквалтап, зальется волшебными звуками многострунный торыг — и в пляс идут ноги. И не узнаешь, кто плывет в огненном танце: молодые ли, старые ли, потому что все в берестяных масках.

— У-ку-лу-лу! У-ку-лу-лу! Что вы делаете? — кричит на весь дом одна берестяная маска.

— Мы медвежий танец пляшем, — тянет в лад музыке другая.

— А это что за зверь? — говорит первая.

(Те, что в масках, медведя могут называть не только по имени.)

— Если ты не знаешь — посмотри на стол!

— Твой зверь плохой, черный.

— Наши звери хороши. Сочиню я песню о твоём звере, взобравшемся на стол. Твоего зверя застольного буду «колоть» словами.

— Умеешь — так пой!

И «берестяной нос» — как называют маску — поет хулу на медведя:

Его руки —

Лопаты, которыми женщины копаются в потухшем костре;

Глаза —

Круглые берестяные чумики с черной водой...

Но хозяин «священного» стола не обижается. Ведь говорит кто? Не человек, а берестяная маска. У него нет лица.

Осмеивают всех, не одного медведя. Лишь бы слова были яркие и ум острый.

В дом, полный людьми, влетает какая-то птичка.

— Чайка! — узнаёт кто-то.

Птичка хватает со стола сияющую серебром чашу, прячет ее за пазуху и мчится в танце.

За ней едет богатырь. Он одет в лисьи и собольи меха. А конь у него деревянный. А бубенчики — настоящие, звенят.

— Мирсуснэхум! — говорят люди. — Он гонит чайку, дерзнувшую украсть народное счастье.

— Когда прошла чайка? — молвит он человеческим голосом.

— Семь дней тому назад проходила мимо нас чайка, — отвечают ему люди.

Мирсуснэхум подпрыгивает на одной ноге, напевая:

Золотую чашу, из которой питается народ мой,

Похитила чайка.

Конь мой с пестрыми боками,

Зверек мой, быстрее, быстрее!

— Когда прошла чайка? — опять спрашивает.

— Вчера прошла, — говорят сидящие на полу.

И опять едет, пляшет, напевая:

Как сохнувшая таежная речка,
Живот моего народа высох.
И сердце жаждет пищи.
Богатую чашу с народной пищей
Своровала чайка.

Немного едет — видит белую птицу. Догоняет. Бьет — чайка падает. А Мирсуснэхум забирает сверкающую чашу.

— Вот ваша чаша! — говорит он народу, бросая чашу в руки людям. И удаляется в огненном танце.

Небесмысленна эта сценка!

Сама жизнь играет на этом празднике. Потому у зрителей так сияют глаза и лукавая улыбка не сходит с лица, а иногда вырывается печальный вздох.

Такой древний праздник манси и ханты...

Похрустывает под лыжами снег. И тайга хрустальная, кажется, навстречу Петру Ефимовичу шагает. И мысли бегут и бегут, как в старых мансийских загадках. А сейчас эту загадку будет делать сам Петр Ефимович. Вот скатится он к берегу таежной речки, где глухарь любят по утрам разрывать снег и собирать камешки. Отгадайте, что будет делать Петр Ефимович по такой загадке: «Мужчина ростом с палец и небо подпирает, и землю подпирает...»

А отгадка простая: Петр Ефимович подойдет к ловушке, сделанной из двух бревнышек. Слопцом зовут ее. Вытащит из-под упавших бревен глухаря и будет подпирать небо, то есть поднимать бревнышки. Будет подпирать землю — потому что бревна одним концом на земле, другим концом на двух кольях держатся, которые тоже в земле. Зайдет под эти бревна глухарь, тронет веревочки — бревна и упадут. А Петр Ефимович придет, и опять глухарь на ужин попался. Для Петра Ефимовича охота и рыбалка — главное занятие, ими он живет. А скульптуры — это так, для души. Самодеятельным художником называют Шешкина. Хорошо! Но надо бы и больше!

Лыжи катятся — и мысли катятся. И жизнь древних загадок оживает. Петр Ефимович ее уже видит. Вот так бы и надо ее вырезать. Чтоб дерево пело свою деревянную песню. И жизнь вставала такой же волшебной, как в бронзовых отливках, изображающих загадочных зверей с оскаленными пастьми, с поджатыми лапами и вытянутыми хвостами...

Собака или рысь, волк или бобер? Сразу не скажешь, кого изобразил древний мастер.

Подобные загадочные слитки из бронзы были найдены на территории Ханты-Мансийского округа еще в конце прошлого века.

А летом 1968 года археологический отряд Московского государственного университета во время раскопок на территории округа на поселении Вургасян-Вад нашел клад — девять две бронзовые отливки. Как считает Вадим Старков, руководитель раскопок, эти фигурки, пролежавшие в земле более двух тысяч лет, не украшения, а произведения ритуального искусства.

Эти фигурки, поражающие нарочитым схематизмом, изображают прапредка умершего, его тотем.

По преданиям ханты и манси, у каждого рода свой тотем — одно из реально существующих животных. Согласно этим представлениям «душа, дыхание», «носительница имени» в этом изображении продолжает жизнь, обретает бессмертие.

Мастер вынимал из глиняной формы эти стремительные, оскаленные, готовые к прыжку тела и бережно нес к родовому святилищу, где охранялись тотемы. Он был спокоен — его род не умрет. И как считают исследователи, «эти находки показали, что археологи столкнулись в Приобье не с какой-то отдаленной ветвью скифского искусства, не с изделиями мастеров, лишь копирующих случайно попавшие к ним изделия, но с высоким и самобытным искусством».

Своеобразное видение мира живет и в народных загад-

ках, орнаменте, надписях на скалах, в пиктографическом письме манси и ханты.

Не забыли современные художники оригинальный опыт, зоркий глаз предков?

Может, и Петр Шешкин вырежет такую скульптуру. И после местной олимпиады повезут ее в Ханты-Мансийск, потом в Тюмень, а потом до самой Москвы. Было же так и раньше!

Дерево оживет, запоет свою древнюю мансийскую песню, так же как у первого хантыйского художника Геннадия Раишева. Линогравюры и картины Геннадия Раишева на зональных выставках не раз получали высокую оценку.

Книги, оформленные им, радуют красочностью, своеобразием рисунка.

Раишев свободно владеет искусством причудливого северного орнамента. Но если бы экзотическим орнаментом ограничивалось творчество художника, было бы это печально. Раишев современный человек. Он знает и Шекспира, и Толстого, и Пикассо. Жизнь нашего века кипучая, сложная. Уложится ли она в древнюю загадку и орнамент? Нет! Раишев лишь отталкивается от «взгляда мира» своих предков и ищет свои пути отображения многогранной жизни современного мира.

Олимпиада... Новый праздник ханты и манси.

Олени летят — оленеводы на праздник спешат. Праздник по-мансийски, как и по-хантыйски, — день святой. Опаздывать нельзя. А оленеводам ехать и ехать! Сто километров — как к соседу в гости сходить, двести километров — как в лес по дрова съездить, триста километров — прокатиться на утреннюю охоту, четыреста километров — это уже расстояние.

А стойбища оленеводов и за пятьсот километров от селений бывают. Потому олени в снежном вихре летят. Потому оленеводы так на олимпиаду спешат.

Без оленей олимпиада — это уже не праздник. Не будет оленьих гонок — так называются состязания на упряжках — это уже не олимпиада.

Прыжки через нарты шустрых прыгунов, меткий полет змеи с костяной головкой, меткий полет тынзяна, веревки, — и олень пойман. Это уже праздник!

Какая олимпиада может обойтись без стрельбы из лука, без состязания на охотничьих лыжах! И рыбаки будут на олимпиаде, и лесорубы, и звероводы, и доярки!

Не было на Сосьве стерляди — появилась сейчас эта рыба с очень нежным мясом.

— Откуда появилась?

— С Оби приплыла.

Стерлядь чистую воду любит, а Сосьва еще чистая. Особенно приток ее, Ляпин.

Есть стерлядь в реке Сосьве — река еще чистая. Хорошо! Приехал рыбак в поселок Сосьву, на олимпиаду — хорошо! Весело будет! Совсем весело!

Струны санквалтапа звенят, звенят. О начале праздничного вечера кричат, кричат.

Санквалтап — это пятиструнный инструмент, похожий на лодку. Нарыс-юх — зовут его ханты. В переводе значит «поющее дерево». Похож на лодку, но плывет он не по воде. В душу людей его звуки плывут.

Санквалтап звонкий, певучий, многострунный. Звенит санквалтап. Неужели это опять медвежий праздник?

Дом большой, медведь в таком не праздновал. И не лучины горят в доме, и не луна серебряным кольцом сияет, а радостное электричество.

И люди сидят не на полу, а на скамейках. А в первом ряду — женщины. Я их знаю. Это лучшие доярки. Не шаман впереди сидит, а труженицы. Женщины рядом с мужчинами. Это не медвежий праздник!

Струны санквалтапа звенят, о начале нового праздника они кричат.

Впрочем, праздник начался раньше, еще когда золотое солнце вставало. На берегу Сосьвы начался он. Там состязались сильные и ловкие: кто больше нарт оленьих сможет перепрыгнуть, кто дальше всех закинет топориче и хорей скользкий, кто проворнее всех оленя заарканить сможет, кто быстрее всех проедется на шкуре, а кто на обыкновенной оленьей нарте, кто метко стреляет не только из мелкокалиберной винтовки, но и из древнего лука. И во многом другом состязаются на берегу Сосьвы участники нового праздника Севера — олимпиады.

А когда по небу поползут светящиеся жуки-звезды, продолжение состязания в музыке, танце, слове.

Ломбовожские девушки споют мелодичную песню о Ленине. Охотник из Няксимволя спляшет танец «За соболем». Рыбачки с Оби спляшут огненный хантыйский танец «Куриньку». Доярка из Кимкясуя прочтет стихи мансийского поэта на своем языке, а хантыйский поэт Микуль Шульгин прочтет свои стихи. Может, отсюда и начнется его путь к победе на Всесоюзном смотре художественной самодеятельности.

Может, с этой олимпиады он увезет стихи об оленеводах, которым не страшны ни мороз, ни вьюга и которые даже в холодном чуме с улыбкой смотрят на жизнь.

Народы Севера смогли освоить эту суровую землю, воевали с морозом, голодом, с болезнями, искали и находили счастье в вечных касланиях. А сегодня новое каслание у народов Севера, новое счастье, новые огни и песни.

Прочитайте стихи молодых ханты-мансийских поэтов Романа Ругина, Прокопия Салтыкова, Владимира Волдина, Микуля Шульгина, Андрея Тарханова — и вы поймете многое.

Может быть, кому-то покажется, что в первых произведениях молодых поэтов Севера слишком много солнца, радуги, восторга. Это, наверно, не случайно. После долгой полярной

ночи, когда даже слезы замерзали, долгожданное весеннее солнце кажется особенно ласковым и ярким. И поют ему гимн не только пробуждающиеся реки, распускающиеся листвой деревья, голосистые птицы, но и люди.

А может быть, песня сегодняшнего дня, творимая самой жизнью, красноречивей любых легенд, а факты и цифры сильнее поэм? Может быть, и так. Ведь теперь многое нам кажется обыкновенным, давным-давно вошедшим в жизнь.

Кен-кенын,
Кенын, кенын,
Кенынгына,
Кенынгына...

Это уже играет журавль. Звонящее дерево, поющее дерево, похожее на многострунную арфу — торыг. Тронешь струну — проснется ветер, травы зашелестят. Тронешь вторую — приснится озеро, серебряным плеском волны заплещут. Третью тронешь — зазвенит, закурлычет небо голосом журавлиным, зальется лебединой песней. Только осталось мало исполнителей. И не случайно лишь самый седой манси мог прикоснуться к его священным струнам. Поплыли волшебные звуки, вновь заиграл загадочный мир.

Но в такт крылатым звукам летела не птичка и не человек плясал, а деревянная кукла. Ожило дерево. Оно носилось в огненном танце. «Откуда у жителей ледяного Севера, у таежных манси, у обских ханты, южный темперамент?..» — воскликнут любопытные.

Дерево поет, дерево танцует. А люди смотрят и наслаждаются сказочной музыкой, огненным танцем.

Совсем как на медвежьем празднике. На советской сцене оживает вековое искусство с доброй мыслью, новым содержанием.

ПРИТЧА О БЕЛОЙ ЛОШАДИ И ПОБЕДЕ

Белая лошадь — самая дорогая жертва языческим духам. Но не об этом у меня сегодня речь.

Белая лошадь — дорогой подарок. Белая лошадь — счастье и радость. На белой лошади самую добрую весть приносят...

На другой стороне реки белая лошадь стоит. На спине белой лошади человек стоит. В руках у него красный-красный флаг. На весеннем ветру в лучах майского солнца алое знамя полощется. Какая весть может быть самой драгоценной и долгожданной? Какую весть можно нести только на белой лошади? Конечно, о победе!

— Победа! Победа! — кричим мы, выбегая на берег журчащей реки.

«Победа! Победа!» — кажется, гогочут гуси, высвистывают летящие утки. И о том же где-то за озером лепечут лебеди. И вся оживающая природа лепечет, горланит, поет волшебную песню обновления, песню победы жизни!

Мы — красные. Поэтому и над белой лошадию развевается красное знамя.

Вынес народ наш войну стоя. Потому и принесший праздник стоит на спине белой лошади и крепко держит наше знамя. Один за всех, все за одного...

Хотя нас разделяет широкая весенняя река с рыхлым льдом на середине, с кипящими заберегами, мы стоим словно рядом с ним и держим наше победное знамя.

И хотя наша деревушка Камрадка далеко-далеко от большой земли и отрезана от мира непроходимой тайгой, разливающимися реками, мы не чувствуем себя заброшенными.

Наше дело правое — мы победим!

Это мы знали раньше. Когда голодали — знали это, когда мерзли — знали это, когда добывали рыбу из-под льда — знали это, когда шли на бой — знали это.

И нужно ли разъяснять, почему человек на другой стороне реки стоит на белой лошади с красным флагом?

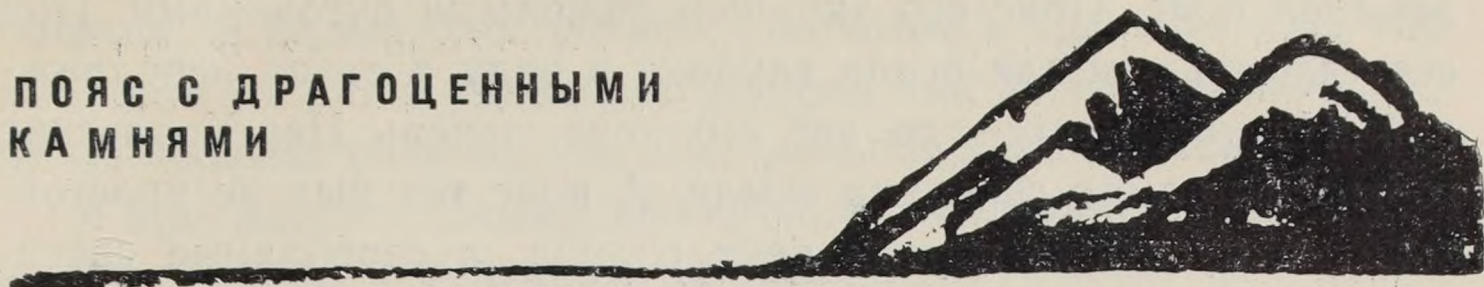
На песчаном берегу реки праздник. Мы пляшем танец Победы. Мамы наши целуются, смеются, плачут. Деды наши вдруг словно помолодели, приподняли головы, как лоси рога, и о чем-то важном рассуждают. Мы кидаем в голубое небо кепки, брызжемся водой ледянистой, как на медвежьем празднике, когда зверя убивали.

Нет больше зверя! Гитлера больше нет! И мы водой хрустальной плещемся, дарим друг другу радость и о счастье мечтаем...

И в каждое Девятое мая в памяти моей выплывает белая лошадь, человек, стоящий на белой спине, и высоко развевающееся знамя Победы. И думается мне: не высечь ли из камня такой памятник, не поставить ли его на берегу той неведомой миру таежной реки?

ПОЯС С ДРАГОЦЕННЫМИ КАМНЯМИ

*Соболиные два океана, звери-
ные два океана одинаковой
длины, одинаковой ширины...
(Земля и небо)*

Земля... Какая она? Идешь, идешь, а она не уходит из-под ног. Только небо над головою с ярким солнцем — днем, с глассыми звездами — ночью. Плещут синими волнами реки, зелеными ветвями шумит дремучая тайга, и не раз на пути встанут горы, вросшие камнем в небо.

Какая она, земля? Теперь все знают, что она круглая. Было о ней много дум, длинных, как зимняя ночь. Было много сказок. И манси пели о земле свою думу-сказку. Вот она.

Жила-была Ели-торум-сянь, мать земли. Жила она с Крылатой Калм. Это птица волшебная, сказочная. На землю прилетели они с далекой, вечерней звезды. Потому все сказки начинаются вечером. Долго мерцала та звезда сумрачным светом. Потому, наверно, сказки сказываются долго.

Однажды Ели-торум-сянь говорит Крылатой Калм:

— Поднимись к своему отцу, Нуми-торуму. Так ему скажи: «Земля наша не стоит на месте, как плот на волнах, все качается. Когда появятся ее хозяйева — мудрые люди, им будет нелегко. Нуми-торум, отец мой, укрепи нашу землю!» Может быть, каким-нибудь поясом он ее опояшет.

Полетела Крылатая Калм к своему небесному отцу. И рассказала ему, о чем просит Ели-торум-сянь. Выслушал Нуми-торум ее, опершись правой щекой о посох, и молвил:

— Ладно. Так и будет!

Пока Крылатая Калм летела, Нуми-торум опустил на зем-

лю свой пояс. Пояс его украшен тяжелыми пуговицами. Под его тяжестью земля осела глубоко в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег его пояс, теперь Нер-Уральские горы. Это самая середина земли. А пояс тот был не простой: золотые пуговицы горели ярче солнца, а серебряные светились полной зимней луной. Хрустальные камни ослепительно сверкали, как снег под весенними лучами.

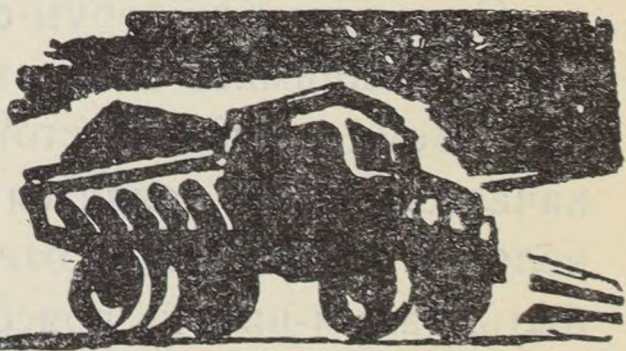
Звездным Млечным Путем мерцали украшения из меди, олова.

Причудливые мраморные и гранитные фигуры висели на золотых цепях, как фигурки, сделанные из кости мамонта на поясе охотника.

Теперь все знают, что земля круглая. И никогда Урал не был поясом Нуми-торума. Но от этого он бедней не становится.

Каждый день люди что-то открывают. Урал наш золотой. Земля наша драгоценная. Такой ее видел Мирсуснэхум. А мы на ней живем.

ЖЕЛЕЗНЫЙ АРГИШ — ЖЕЛЕЗНОЕ КАСЛАНИЕ

Что такое аргйш?

Олений караван. Большой караван. Полозья скользят, песни дороги высвистывают. Когда движется аргйш, оживает

снег, он кружится и вьется, веселеет тайга, она звоном копыт смеется. И белый плес речной, уснувший в снежном сне, просыпается на миг и удивленно глядит, как по его мертвой спине на звонких оленьих копытах несется дальше жизнь...

Я просыпаюсь. Слышу не скрип, а жужжание. Не таежным ветром пахнет, а бензином. И теплые струи лицо мое ласкают, а не морозный воздух колет. Деревья летят навстречу, и колючий ветер, наверно, тоже навстречу летит, а в кабине тепло. А рядом со мной сидит не каюр в теплой малице с узорами оленьих рогов, а шофер. Не хорей у него в руках, а баранка. Крепко держит баранку шофер Борис Морозов. Пятый час показывают стрелки часов. Уже просыпаются утренние звезды, а мой сосед еще не смыкал глаз. Я клюю, уже шестые сутки клюю.

Удивляюсь, как это Борис Морозов не дремлет! Не богатырь ли он какой?

Черные деревья стадом несутся и пролетают мимо. Рыжие звезды летят, но не пролетают мимо. Они беззвучно несутся ввысь, с тяжелым жужжанием колес вниз ползут. Но с глаз моих не уходят звезды: как духи, перед глазами качаются они. Может, из-за них я опять клюю и снова вижу сны?

Девяносто второй километр от Правдинска. Девяносто два километра отъехали от Иртыша, на берегу которого стоит рабочий поселок геологов. Снег, карликовые сосенки, болото... Легкие «ЗИЛы» проскочили. Тяжелые «КРАЗы», «МАЗы», даже «Уралы» вязнут. За двенадцать часов проехали только шесть километров.

Несмотря на мороз, болото не промерзло. Под тяжелыми машинами раскрыло свою «пасть» и, как чудовище, дышало морозным воздухом.

В руках комсомольца Анатолия Балмасова, кажется, трещал железный канат. Он смуглыми жилистыми руками завязывал узел, чтобы удлинить канат. Потом шел к своей машине, которая стояла на более «твердом» месте, заводил мотор,

тащил «Урал» товарища. Но и перед ним болото раскрывало пасть. И теперь уже «Урал» Балмасова кто-то вытаскивал.

Хорошо, что рядом товарищи.

Вперед пойдешь — только через двести километров приветливый огонек жилья увидишь. Назад пойдешь — через девяносто два километра глаза свои согреешь, увидев среди снегов веселые дымки таежного селения.

А в сторону пойдешь — на тысячи километров хозяева — звери. И на этом просторе лишь иногда скрипом лыж проскрипит одинокая песня охотника. Не вздрогнет даже очкастый глухарь, удивится странным звукам лось и побредет дальше. В теплом дупле шелушит орешки огненная белка. Она боится лишь соболя, который охотится за ней. Лиса рисует узоры. И на безбрежном просторе нет больше иных следов.

Жужжит мотор, и в лад ему льется снежная музыка. Она журчит ледяной водой — в таежных речках лед иногда не выдерживал, и машины шли, плескаясь и фыркавая.

И легкий ветер порой звенел — как по асфальту машины летели. И снежная вьюга порой завывала — тихо-тихо машины ползли, как стадо лосей по глубокому снегу, переваливаясь с боку на бок.

Долго не кончалась тайга. И не было ни капли воды. Жажда мучила шоферов. И вкусным казался даже сухой снег. Костер на снегу. Чай на снегу.

Строили зимник Тюмень — Сургут. Зимник — это временная шоссейная дорога. Не асфальт под колесами, а лед, который намораживали строители изо дня в день. На болотах клали бревна. В тайге прорубали просеку, в реке намораживали лед такой толщины, чтобы он вынес 25-тонные «КРАЗы», «МАЗы». А от Тюмени до Сургута почти тысяча километров. Многие сотни километров пришлось пройти по дикой тайге, где нет ни единой тропинки и жилья. А нужна эта дорога нефтяникам, строителям, буровикам, которые в навигацию 1964 года приехали осваивать новые месторождения нефти. Но за

короткое северное лето не успели завести все необходимое оборудование. Ведь здесь, на Севере, единственная связь по рекам — Оби и Иртышу. А лето короткое. И на вертолетах и самолетах много не подвезешь. Вот и придумали зимник. По нему едет наша колонна, открывая новую ледяную трассу, которой и потом будут пользоваться во время строительства нефтепровода Усть-Балык — Омск и железной дороги Тюмень — Сургут. И тогда он не потеряет своего значения. И назовут его «дорогой жизни» строек Сургута, Нефтеюганска, Нижневартовска, Мегиона...

Одним из строителей был Юрий Горшенев. А познакомился я с ним вот как.

Ехал я в «газике» заместителя начальника объединения «Тюменьнефтегаз» Николая Ивановича Антропова. Он возглавлял колонну машин первого рейса.

Антропов... Как вспомню о нем, так в памяти всплывает первый день рейса. Тюмень. Торжественные проводы. Багровые плакаты: «Даешь Сургут!», «Привет участникам рейса Тюмень — Сургут!»

Антропов... Он тогда показался волшебником.

Только выехали в поле, даже не успела еще открыться за горизонтом Тюмень, как Антропов стал «принимать парад». Широко расставив ноги, он стоял в снегу. Из рук его, поднятых к небу, летели красные, желтые, синие, белые ракеты.

А мимо него медленно, торжественно, действительно как на параде, проплывали груженные до отказа «КРАЗы», «МАЗы», «Уралы», «ЗИЛы». Белые, красные, синие, желтые ракеты летели в небо, на мгновение освещая чуть заметную улыбку на круглом лице Антропова.

В ночь, когда мы ехали по тайге, Антропов часто выходил из «газика» и ракетами сигналил отставшим машинам.

Я клевал, а Антропов по-прежнему был добр и весел. Он рассказывал анекдоты, смешные истории о своей жизни

и «карьере» нефтяника, которую он начал в Башкирии и вот решил продолжить на освоении тюменской нефтяной целины.

Не знаю, слушали ли его московские корреспонденты, которые ехали в этом же «газике», но я дремал.

Сквозь дрему услышал слова:

— Вот сейчас остались балки. В них-то и жили всю осень и зиму строители дороги. Хорошо поработали!.. — и проснулся. Но опоздал.

Строители дороги... Еще днем говорили о них, и мне хотелось бы увидеть хоть одного. И вот проехали мимо. Окончательно проснулся, когда узнал, что дальше других строителей дороги мы не встретим.

Я попросил остановить машину.

— Куда вы? — забеспокоился Николай Иванович. — Ведь мы далеко отъехали, километров пятнадцать, не меньше...

Но я вышел, надеясь, что кто-нибудь повернет свою машину и отвезет меня к строителям.

Мои товарищи — кинооператоры тюменского телевидения — ехали на машинах в конце колонны. Я обрадовался, что смогу их подождать и в нашей картине о первопроходцах снежной трассы будут и строители дороги. А как же без них можно обойтись?

«Газик» ушел. Я остался на дороге один. Звезды теперь казались особенно яркими. Это при свете фар они бледные и обыкновенные, как огни далекого селения, в котором бывал ты не раз.

А в тайге, когда рядом ни души, звезды кажутся живыми. Они таинственно мерцают, пробуждая мысль. И в одиноком путнике пробуждаются видения одно ярче другого. Час назад ты представлял себя героем снежной трассы, покорителем природы, может, называл себя, а теперь тайга, ставшая стеной по обе стороны дороги, кажется черным медведем. И хотя ты знаешь, что «хозяин» тайги в январе, перевернув-

шись на другой бок, видит сны в теплой берлоге, все же сначала появятся «медвежьи» видения.

«А самое страшное — это шатун», — вдруг пронзит тебя мысль. И холод пройдет по телу. «Шатун — самый злой зверь. Увидит — раздерет, съест заживо».

И в самом деле могут быть в этом лесу медведи. Гул моторов в тайге, неосторожность новых людей поднимут на ноги не только из берлоги. А рыси набрасываются на людей, я знаю. На ветвях обычно караулят они свою жертву. С пушистых ветвей набрасываются они. Я всматриваюсь в темные ветви кедра... А вдруг из-за того заснеженного куста выскочит волк? Чем я буду защищаться? У меня ведь нет не только ружья, но и ножа и спичек...

То убыстряя, то замедляя шаг, я иду к стоянке строителей. Снег похрустывает под унтами.

Может, я уже жалею, что вышел из теплой машины? К тому же иду вот уже час, и нет ни одной встречной... Ночь.

Шоферы, видно, решили вздремнуть или где-то снова застряли?

Из-за деревьев на меня иногда поглядывает круглый глаз луны. И вдруг мне луна опять, как в детстве, кажется глазом великана Мэнгква. Ох как я когда-то его боялся! Ведь он людоед, этот Менгкв. Особенно любит молодое мясо... И хотя я, конечно, не верю в существование каких-то духов, будь они добрые и злые, и все же что-то чувствую. Видно, волшебный и таинственный мир мансийских сказок от меня не совсем ушел.

Не подумайте только, что манси так боятся тайги. Нет! Это лишь первое чувство. За многие сотни километров от дома ходили манси за зверем. В одиночку часто ходили. Целыми месяцами в снегу спали, в тайге ночевали. Не боялись мороза, медведя, даже злых духов.

Верили манси и ханты духам. А считали себя, видно, сильнее. А то бы в тайге одинокой не рискнули бы спать. Может,

потому я боялся в ту ночь, что нарушил закон тайги: у рискнувшего остаться в лесу должны быть хотя бы спички и нож. Нарушил я закон тайги, но расплачиваться не пришлось. Новое время — новые законы. На большой дороге большая жизнь. На час только замер на этом участке зимник. Потом снова заурчали «железные олени». И один из шоферов согласился повернуть обратно, отвезти меня к строителям.

На второй день мои товарищи кинооператоры уже снимали Юрия Горшенева, строителя дороги. Рыжебородый, светлоглазый, широкоплечий, он, как воин, возвышался над открытым люком АТТ — тяжелого артиллерийского тягача. В руках этого богатыря, сына кубанского казака, была могучая техника. Эти АТТ, отслужив свой срок, продолжают бой в дикой тайге, помогая людям осваивать нефтяную целину. Не с голыми руками, даже не с топором идет сегодня в тайгу строитель. По глубокому снегу ползет АТТ, и без топора валятся могучие сосны и ели. По самой густой тайге может пройти этот железный олень и проложит другим дорогу.

И я круглыми глазами гляжу на железную мощь Юрия Горшенева. И не удивляюсь, когда увижу потом в газете «Правда» его лицо на снимке вместе с другими первопроходцами, жителями города Правдинска.

Правдинск... В том году такого города на карте еще не было. Но строители уже были. Через несколько лет здесь уже будут жить тысячи геологов, нефтяников. А возводить его будут не только строители, но и романтики — студенческие отряды. Правдинск станет центром богатейшего Салымского месторождения нефти. А открыл его Фарман Салманов, Герой Социалистического Труда, кандидат наук... Это человек-легенда. Он прославился смелыми прогнозами. Не поколебавшись, убедил своих коллег сделать бросок на Усть-Балык. И оказались там сказочные запасы нефти. В рекордно короткие сроки строители проложили тысячекилометровый нефтепровод Усть-Балык — Омск. И в юбилейном году Омск получил свою,

сибирскую нефть. Салманов отстаивал нефтеносность Мегиона, Пима, Тайлакова. И там оказались уникальные месторождения нефти.

На среднем Приобье от Нижневартовска и до Ханты-Мансийска открыты десятки нефтяных бассейнов, каждый из которых по мощности, как утверждают ученые, приближается или превосходит любой из нефтяных районов страны — Башкирию, Татарию, Азербайджан.

Сургут... Столица сибирской нефти. Возрождение древнего города связано с именем Салманова. Через несколько лет здесь будет город с двухсоттысячным населением. Над тайгой вознесутся не только буровые вышки, но и поднимется телевизионная башня.

К берегам полноводной Оби побегут рельсы железной дороги Тюмень — Тобольск — Сургут. Таежный город станет культурным и научным центром Севера, с институтами, современными кинотеатрами, Дворцами культуры.

Фарман Курбан оглы Салманов... Азербайджанец. Сегодня на ханты-мансийском Севере трудно найти человека, который не знал бы это имя.

На землю Югры свой богатый опыт буровика принес из Башкирии Мидхад Назифулеевич Сафиуллин. А татарин Рафкат Шакирьянович Мамлеев на древней хантыйской земле не только добывал «черное золото», но и написал докторскую диссертацию.

Где у человека Родина?

Говорят: та земля, по которой сделан первый шаг.

Поют: та речка, из которой выпил первый глоток воды.

Где у человека Родина?

Наверно, и на той земле, которой ты дал свою силу и ум.

Наверно, и на той земле, которой ты дал новое имя, новую славу.

Темно-синие деревья летят и летят. Синий снег скользит и скользит. Рыжие звезды перед глазами качаются и качаются.

ся. Когда кончится этот дорожный сон? Когда замолкнет это жужжание, пропахшее бензином?

Под жужжание моторов мне приснились олени.

Олень... Черные, как спелая смородина, живые глаза. В выразительном взгляде будто затаилась глубокая дума. И кто может разгадать эту думу?

Розовые губы, гордый очерк головы, полная грудь, поджарый круглый стан, тонкие, красивые ноги...

А рога как дерево с бархатными ветвями. А уши как две птицы. Они машут крыльями, вслушиваясь в мир.

Что они хотят слышать?

Не попал ли человек в беду, не мерзнет ли он, не хочет ли мчаться быстрее?

Захочет человек — и снежный вихрь клубится, стучат звонкие копыта и нарта оленя мелькает. На охоту мчится нарта, на рыбалку мчится нарта, в дальний город мчится нарта, в чум соседа мчится нарта. А застигнет в пути пурга — меж оленей человек ложится. Заметает всех их снег, и мороз хоть скачет, но не замерзнет человек, — рядом с рогатыми друзьями ему тепло и весело. Олень есть — жизнь есть на Севере. Из шкуры старого оленя оленевод шьет себе малицу. Из шкуры молодого олененка шьет он себе мягкую пыжиковую шапку. Из шкуры тонких ног оленя искусные руки женщин шьют кисты¹ с причудливыми узорами. На оленьих шкурах резвятся и засыпают дети.

Нежными оленьими языками лакомятся северяне за праздничным столом. Хороший друг олень! Он возит, кормит, поит, одевает северянина.

Хороший друг олень!

За ним веками ухаживал северянин, перегонял с одного пастбища на другое, защищал от гнуса и волков.

Хороший друг олень!

¹ К и с ы — меховая обувь.

Почему ты мне сегодня снишься? Неужели на ханты-мансийском Севере лишь одни железные олени кочуют?

Хороший друг олень!

Разве с ним могут расстаться люди?

А места хватит всем. И железным машинам-оленям есть где мчаться, обгоняя снег и ветер; и кротким оленям — рогатым друзьям северянина — есть где пастись: просторы тайги и тундры безбрежны.

Разве пять тысяч центнеров оленьего мяса, произведенного в 1960 году, были лишними? Разве геологи, совершившие на этой земле свой подвиг, пользовались лишь одними консервами? Разве шестьдесят семь тысяч оленей, пасшихся на пастбищах Ханты-Мансийского округа в 1960 году, не были полезны и геологам? Не всегда в тайге были дороги. И первопроходцы на тонконогих оленьих катались, постигая шаг за шагом свою мечту и цель.

Хороший друг олень!

Прошло несколько лет с того памятного «снежного рейса». И я задумываюсь: хороший друг олень, да только смог ли он везти железные трубы? А трубы эти нужны были для строительства нефтепровода Усть-Балык—Омск. Тысяча километров труб. Разве это под силу оленям?

Нет! Только железные олени это смогли поднять! И бесперебойное снабжение строителей, нефтяников, буровиков продуктами питания, оборудованием, жильем осуществить можно только лишь с помощью железных оленей — машин, поездов. И на огромных просторах нашего Севера началось строительство железных дорог.

Железная дорога Тюмень—Тобольск—Сургут... Всесоюзная комсомольская стройка. Для пионеров нефтяной целины — это жизнь! Она связала главные нефтяные и газовые месторождения с промышленными центрами страны.

Славно потрудились строители. За короткий срок ими уложена чуть ли не тысяча километров пути, засыпано свыше

миллиона кубометров грунта, построены десятки станций и жилых поселков, возведены мосты через Иртыш, Тавду и сотни мелких речек.

Предполагается, что в будущем дорога Тобольск—Сургут станет частью Северо-Сибирской железной дороги.

Трассами мужества стали железные дороги Тавда—Сотник и Ивдель—Обь. Давно ли они были только в планах! А сегодня по стальным рельсам с Оби к промышленному Уралу бегут поезда. Длина дороги Ивдель—Обь всего триста восемьдесят километров. Но значение ее велико. По этой дороге страна получает наш замечательный сибирский лес.

Лес! Это еще одно чудо нашей земли. В районе дороги Ивдель—Обь в некоторых местах на долю сосны приходится до девяноста семи процентов лесного массива.

И теперь по железным путям со звонким перестуком мчится нескончаемый поток смолистых сосновых бревен, янтарных шпал, пахучего леса. А скоро из нашей тайги побегут вагоны с бумагой, целлюлозой, картоном, мебелью. Уже в этой пятилетке начнет расти крупнейший Верхне-Кондинский лесопромышленный комплекс. А огромный лесокombинат на реке Конде давно уже дает миллионы кубометров древесины.

Добрые вести идут отсюда, из ханты-мансийской тайги. Кто не знает теперь наших передовых леспромхозов — Советский, Комсомольский, Кондинский! Знает страна и лесных капитанов — бригадиров малых комплексных бригад, делегата XXIII съезда КПСС Н. Коурова, И. Измestьева...

«Скоро, после долгого молчания, заговорит Тюменский Урал, — пишет лауреат Ленинской премии, Герой Социалистического Труда Юрий Георгиевич Эрвье. — Крупнейшие разрезы вскроют пласты качественных энергетических углей, и уголь, добываемый трестом «Мансиуголь», по железной дороге через Ивдель тяжелыми эшелонами пойдет во все концы Советского Союза.

Недолго осталось ждать, когда первая драга золотодобыт-

чиков зарабатывает на таежно-горных притоках Северной Сосьвы.

Мы часто слышим и читаем в газетах о «черном», «голубом», «мягком» золоте — о нефти, газе, пушнине, которой, кстати, тоже богата тюменская земля. Спора нет — нефть, газ, пушнина стоят золота. Но теперь можно говорить и о настоящем тюменском золоте...»

Делегат XXIV съезда КПСС Ю. Г. Эрвье — один из старейших геологов страны. Он участник событий, развернувшихся за последнее десятилетие на севере тюменской земли. Начальник Главного Тюменского производственного ордена Ленина геологического управления, под руководством которого открыты уникальные месторождения нефти и газа, видит будущее севера Тюменской области не только в «черном» и «голубом» золоте. «Крупные рудники по добыче полиметаллических руд с обогатительными фабриками возникнут на Северном и Заполярном Урале. Добываемые здесь медь, свинец, сурьма, бокситы, редкие металлы пойдут на пополнение выработанных в других районах СССР месторождений.

Вместе с развитием горнорудной промышленности в эти районы придут дороги, вырастут новые современные города...»

Тайга... Над тайгой гирляндами огней сияют буровые вышки. Белыми струнами натянуты высоковольтные линии электропередач. Вдоль и поперек рассекли тайгу просеки дорог, нефтепроводов. День ревет, ночь грохочет, утром гудят, вечером жужжат тысячи машин. Пилят, роют, корчуют, везут...

За последние годы выросли в тайге города Сургут, Нефтеюганск, Урай. Появились новые рабочие поселки Нижневартовск, Мегион, Игрим, Правдинск. В Ханты-Мансийском национальном округе шестьдесят восемь процентов населения проживает в городах и рабочих поселках.

А завтра... Каким будет северный город? Может быть, таким, каким видится Юрию Георгиевичу Эрвье: «Красивый, из стекла и бетона и новых пластмасс арктический город будет

поражать приезжих своими зимними садами, обилием и разнообразием овощей и фруктов, растущих в огромных по площади оранжереях; светлыми крытыми галереями, соединяющими дома; замечательными дворцами и гостиницей, в которой наряду с русской будет звучать иностранная речь моряков с танкеров, пришедших за нефтью; плавательными бассейнами для детей и взрослых, профилакториями».

И это будет — ведь кладовые Севера неисчерпаемы! В его недрах целые моря горячих термальных вод. Благодаря рукам и мудрости людей они согреют наш суровый край.

Прекрасное завтра делается сегодня. В декабре 1970 года Ханты-Мансийский национальный округ отметил свое сорокалетие. Это был большой и светлый праздник. 10 декабря был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области орденом Ленина».

Советское правительство высоко оценило успехи, достигнутые трудящимися округа в выполнении заданий пятилетнего плана по освоению месторождений и увеличению добычи нефти. Успех не приходит сам. Он рождается в самоотверженном труде.

Еще более грандиозные перспективы развития Ханты-Мансийского национального округа раскрывают решения XXIV съезда КПСС.

День и ночь мчатся «олени». Железные олени! У них и ноги железные, и рога железные, и глаза железные. Мчатся олени железные по дорогам железным. Мчатся они и по снегу и по земле.

Мчатся олени железные. Только думы наши не станут от этого железными. Может, лишь мы мягче и добрее к природе станем. Может, лишь сильнее и мудрее мы станем.

На Севере нашем железные олени. По Северу нашему движется железный аргиш. Везет он в наш край новую жизнь.

Когда-то А. Н. Радищев писал: «Что за богатый край сия

Сибирь, что за мощный край! Потребны еще века, но когда она будет заселена, она предназначена играть большую роль в анналах мира».

ТРОГАЮ ПОСЛЕДНЮЮ СТРУНУ...

Кто, сидя у теплой печки, далеко-далеко ходит, чудеса видит, мудрые слова слышит?

Теперь любой мансийский мальчик знает: тот, кто умеет читать книгу.

Книга — это дремучий лес, где еще ты не был; строчки — дорожки, по которым ты еще не прошел; слова — деревья, которых ты еще не видел и не знаешь.

А деревья — это тоже чудо. Они стоят в тайге как волшебники. Шелестят ветвями на ветру, будто перешептываются, рассказывают соседу свою историю и сказку.

Всех длинней история у кедра. Он пятьдесят лет живет. На его ветвях растут смолистые шишки. В шишках сочные и жирные орехи. Этими орехами питаются белки, бурундуки. Они на кедре гнездятся. По ветвям с зелеными иголками скачут, резвятся. Под корнями кедра гнездо соболя. Соболю беличье мясо любит. И об этом знает кедр. Много видит и знает кедр. А книга больше знает. Прочитаешь ее — побываешь там, где ты еще не был.

Может ли моя книга быть таким путеводителем?

Я хотел рассказать в этой книге о моей ханты-мансийской земле, где я родился и рос.

Уши мои — два охотника. Все, что слышали мои уши, я передал тебе, читатель.

Глаза мои — два рыбака. Все, что увидели глаза мои, я нарисовал. Если ты по следу моему пойдешь, попытаешься понять край мой, я уже буду доволен. Знаю: остальное ты сам дорисуешь. Ведь страна большая, и чудес в ней еще много!

Если заяц косоглазый на дорогу выбегает и ее прорежет хитрой петлей, быть несчастью.

Если зайцы при луне и звездах на дорогу выбегают, быть тогда большой удаче.

Если солнце на закате шалью красной лицо закрывает, плясать тогда бурану утром.

Если солнце на закате шалью желтой лицо закроет, улыбаться небу утром, сверкать озерам, петь деревьям, — говорили так когда-то предки манси, предки ханты.

О двух началах жизни моей Югры я сказывал. Жизнь и думы старого манси пересказывал. Он горьким воздухом темной старины дышал. Пережил то, что нам посчастливилось не видеть. О новой советской жизни пел. (А жить — чудо дивное!) О земле задумывался. Земля наша — дивное чудо!

А сколько у манси и ханты сказок!

Поставят рыбаки сети — соберутся у костра. Посмотрят охотники свои ловушки — соберутся у костра. И перед глазами золотого огня поплывет сказка. Одна причудливей другой. Наслушаются сказок — оживают загадки. Перестанет мир быть таинственным — говорят о вещах, лежащих рядом.

— Из чего сделана трубка, в которой дымок пляшет?

— Из чего сделан твой нож, которым режешь мясо зверя?

— Каждый мальчик знает: из кости мамонта — большого чудовища земли.

И снова поплывет не то легенда, не то быль.

Увидит человек на берегу реки кости. Запомнит то место. Подъедет на лодке. Откопает кости зверя, привезет домой, распилит. И потом, не торопясь, будет делать табакерку, трубку, кольца, черенок к шилу, ложку, ножны. И под его умелыми руками опять оживает легенда и загадка. И сказка жизни продолжается, без конца она и без начала.

А у книги есть конец.

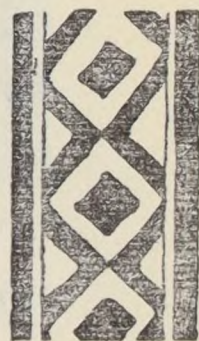
Трогаю последнюю струну многострунного мансийского трюга — лебедя.

Земля моя, где олени бегают, где резвятся соболи! Тайга моя, над тобою железными великанами возвышаются буровые вышки! Это добрые великаны. Они открывают миру твое чудо!

Земля моя, где мать качала люльку берестяную, где отец мой на широких лыжах из лосиного камуса оставлял узкий след! Тайга моя, сегодня у тебя новые колыбели и широкие дороги!

Могучее железное каслание пусть идет по ним!

И ты, юный читатель, иди: Югра тебя ждет.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Сказка	5
Кто нашел подземное море?	7
Почему ворон стал черным?	11
На крылатой лодке	12
Вода	18
Мирсуснэхум	21
История, написанная на дереве	22
Голубика, которая была выше меня	35
Дорога	37
Дума старого манси	38
Народ сам себе хозяин	53
Новая жизнь старого манси	56
Атя.. Что мне вспомнить?..	71
Загадочная кибитка	73
Новая песня об Игриме	82

Парус	90
Сказка о зверях	93
Лыжи мои, несите меня!	95
У рыбацкого костра	99
Не ломай кости	107
Мое Березово	109
Шаимский орнамент	116
Поющее дерево	127
Притча о белой лошади и победе	139
Пояс с драгоценными камнями	141
Железный аргиш — железное каслание	142
Трогаю последнюю струну...	155

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим направлять по адресу: Москва, А-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

Для среднего возраста

Юван (Шесталов Иван Николаевич)

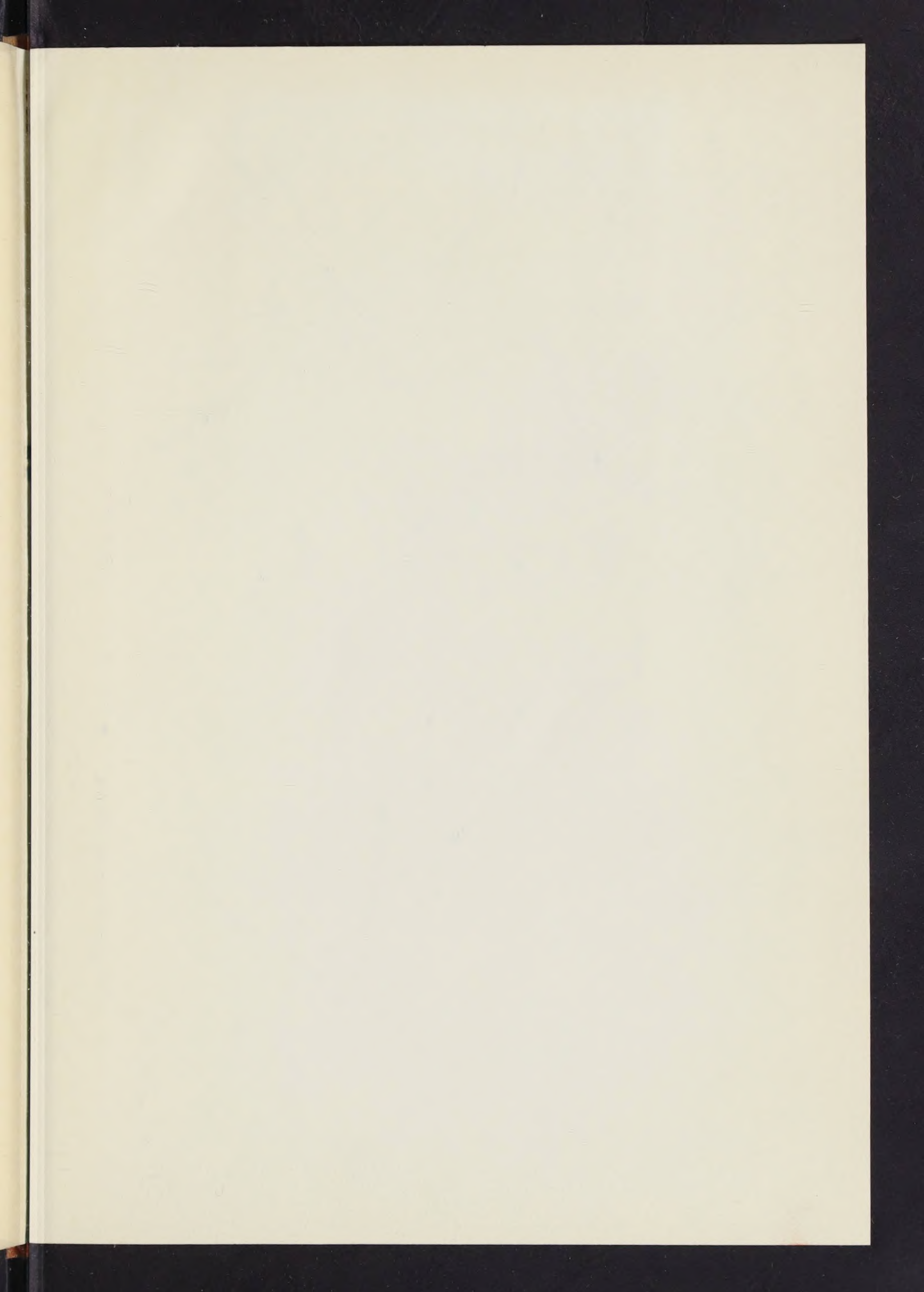
ДИВНОЕ ЧУДО

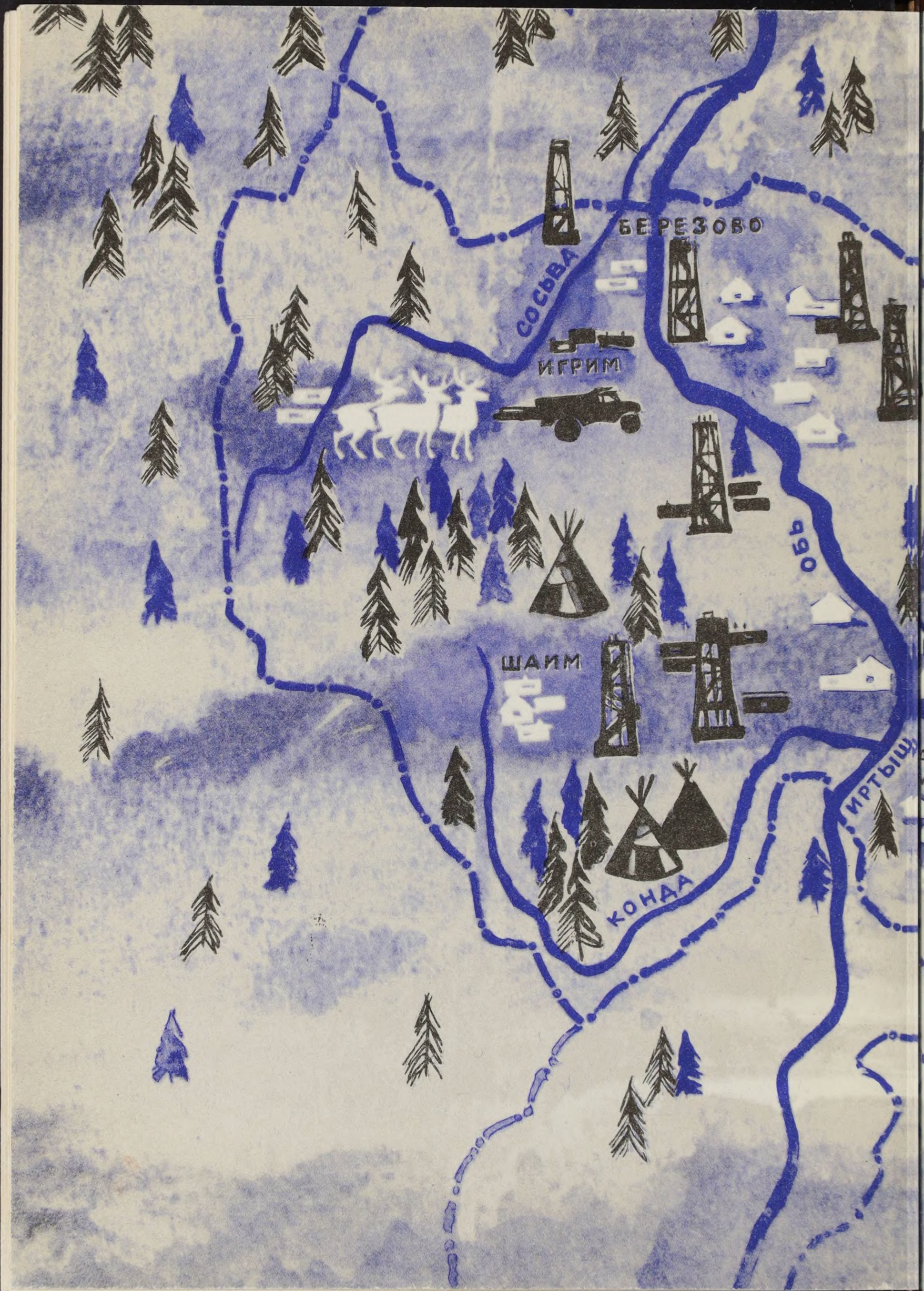
Книга о Ханты-Мансийском национальном округе

Ответственный редактор Г. И. Московская.
Художественный редактор И. Г. Найденкова.
Технический редактор Г. А. Подольная.
Корректоры Э. Л. Лофенфельд и Г. С. Муковозова.

Сдано в набор 29/X 1970 г. Подписано к печати 7/V 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 11. Усл. печ. л. 10,26. (Уч.-изд. л. 7,22+8 вкл.= 8,43). Тираж 50 000 экз. ТП 1971 № 439. А09239. Цена 57 коп. на бум. № 1.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР, Москва, Сушеvский вал, 49. Заказ 1411.

БЕРЕЗОВО

СОСЬВА

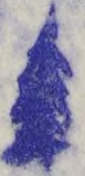
ИГРИМ

ДАРО

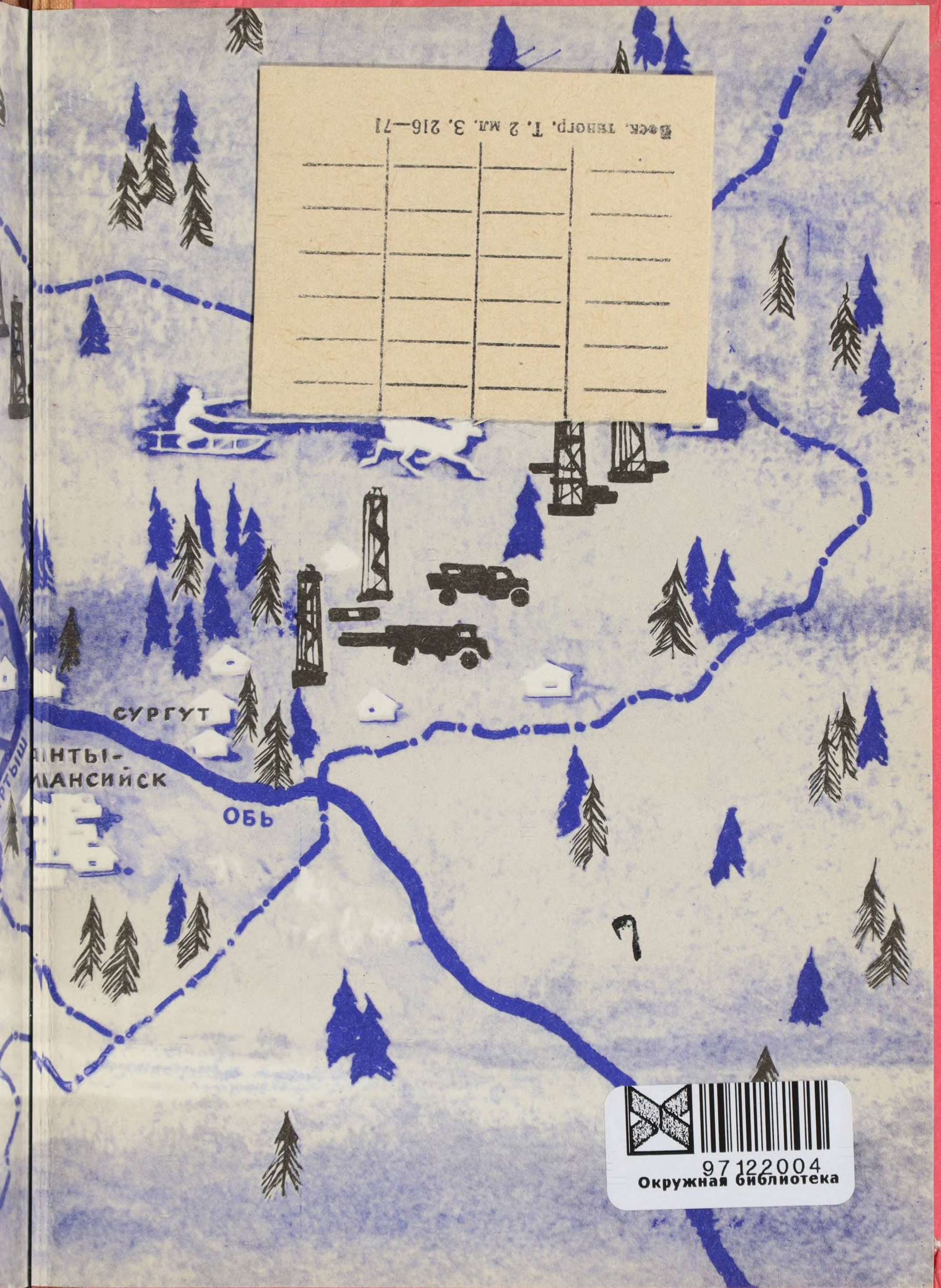
ШАИМ

ИРТЫШ

КОНАА

ББК. ТНОПР. Т. 2 МЛ. З. 216-71

97 122004
Окружная библиотека

Цена 57 коп.

РНФ

Государственная библиотека Югры